

**Александр Гельевич Дугин
Евразийский реванш России**

Битва за Россию –

Дугин А. Евразийский реванш России
М.: Алгоритм, 2014. – 280 с. – (Серия: Битва за Россию)

Аннотация

Александр Гельевич Дугин – российский общественный деятель, философ, политолог, социолог. Его перу принадлежат несколько десятков научных и публицистических произведений, многие из которых получили широкое читательское признание.

В новой книге Александра Дугина идет речь о конфликте русского и западного мира в свете последних событий на Украине. По мнению Дугина, Россия сейчас решительно выступила против «мирового правительства», которое долгие годы пыталось диктовать ей свою волю, – наша страна укрепляет свои позиции на евразийской арене. В самом скором времени должен наступить конец гегемонии «Атлантического консенсуса», но для этого Россия должна выдержать жесткую борьбу с ее западными противниками, утверждает Александр Дугин.

Дугин Александр Евразийский реванш России

Введение. Евразийские оси дружбы

Евразийский союз и евразийский диалог

Создание Евразийского союза провозглашено одним из важнейших приоритетов российской внешней политики как стратегия третьего срока президента Путина. Следует присмотреться к этому проекту внимательно и определить его значение как для глобальной архитектуры мира, так и для основных региональных держав, напрямую граничащих с Россией и странами СНГ. Итак, что понимают в Москве под Евразийским союзом?

В своей программной статье, провозгласившей ориентацию на Евразийский союз, президент Путин не дает всех ответов на острые вопросы, но намечает общие подходы. Во-первых, из статьи явствует, что Евразийский союз не является синонимом Евразийского экономического содружества (ЕврАзЭС), в рамках которого речь идет исключительно об экономическом партнерстве и создании таможенного союза. И ЕврАзЭС (Россия, Казахстан, Беларусь, Таджикистан, Киргизия), и таможенный союз (Россия, Казахстан, Беларусь) уже существуют и действуют. Не дублирует Евразийский союз и Организацию Договора о коллективной безопасности (Россия, Казахстан, Беларусь, Таджикистан, Киргизия, Армения). Речь идет не только об экономической интеграции и едином стратегическом пространстве – речь идет о новом сверхнациональном политическом образовании на пространстве СНГ, то есть о своего рода Евразийской Конфедерации как прямом аналоге Европейского Союза. Причем будущее интеграционное образование нельзя сравнивать ни с Российской империей, ни с СССР; оно создается на основании совершенно иной политической и социальной модели, в основе которой лежат демократические принципы и процедуры, признание суверенитета всех членов Союза, принцип добровольности членства, а также отсутствие какой бы то ни было унифицирующей идеологии. Эти аспекты позволяют сразу отбросить возможные аналогии, на основании которых западная и мировая пресса принялась толковать инициативу Путина. Говорить о том, что Москва «воссоздает Империю или СССР», – все равно что отметить Евросоюз как возрождение империи Карла Великого, возврат к планам Наполеона или реализацию «Панъевропейского Рейха», планы которого вынашивались в СС (проект Долежалека). Это сравнение показывает всю абсурдность поверхностной критики. Евразийский союз – проект создания совершенно нового демократического интеграционного образования на евразийском пространстве.

В создании Евразийского Союза важнейшую роль играет принцип цивилизации. И здесь мы вплотную подходим к философии евразийства, которая и является идейной средой, подготовившей проект Евразийского Союза. Согласно евразийству, Россия исторически и в Новое время была не просто европейской или азиатской страной, или гибридом того и другого, но вполне самостоятельной цивилизацией, где большое значение наряду с восточнославянским и православным фактором имели тюркские и финно-угорские этносоциальные и культурные традиции, а также мусульманские религиозные структуры. Русская культура является евразийской как синтез и нечто вполне своеобразное, а не синкретическое сочетание разрозненных элементов Востока и Запада. И границы этого евразийского «культурного круга» отнюдь не исчерпываются искусственными пределами Российской Федерации, но включают в себя практически все постсоветское пространство, представляющего собой единое целое. Цивилизационное единство подкрепляется сходством социального уклада, экономическими особенностями, энергетическими интересами и военно-стратегическими вызовами. Все это вместе составляет аргументы евразийской интеграции и предпосылки создания евразийского Союза.

При этом проект Евразийского союза влечет за собой логически несколько иных фундаментально важных моментов, также относящихся к евразийской философии.

На планетарном уровне евразийство предполагает создание многополярного мира – вопреки однополярному, существующему сегодня при очевидной доминации Соединенных Штатов, или бесполярному (глобализационный проект, предполагающий появление мирового правительства).

Благодаря ловкому использованию американской администрацией ситуации 11 сентября 2001 г. к началу 2010-х гг. существует только один геополитический полюс – США. Но есть и альтернативная модель, которая вполне может быть реализована теми, кто сегодня уже тяготеет своими тогдашними «антитеррористическими обязательствами» – это многополярность. Однако для того, чтобы она реализовалась, необходима воля и усилия. Как есть капитализм, но может быть социализм, точно так же есть однополярность, но может быть многополярность. Многополярность – это, в каком-то смысле, революционная перспектива.

Полюсами в этой многополярной системе теоретически могут быть только «большие пространства», а не государства. Государства как таковые полюсами быть не могут, полюс – это больше, чем государство.

Я вижу мир четырехполюсным. В этом мире есть европейский или даже евроафриканский полюс, есть полюс евразийский – Россия и ряд других евразийских держав, тихоокеанский полюс (Китай и Япония) и существующий американский, отказавшийся от глобальной доминации и ужатый до территории между Атлантическим и Тихим океанами. Каждый из этих полюсов-зон тоже может иметь плюральную структуру.

Таким образом, можно сказать, что многополярность – это такая картина мира, где границы проходят не между государствами, а между цивилизациями. Это и есть альтернатива существующему глобальному миру или однополярному миру, где все решает США.

Евразийский союз, предполагающий включение большинства стран СНГ, мыслится как полюс многополярного мира, наряду с другими полюсами – американским, китайским, европейским, индийским, исламским, латиноамериканским. Для того, чтобы быть полноценным полюсом многополярного мира, и у России, и тем более у других стран СНГ фатально недостает ресурсов, масштабности, инфраструктуры. Следовательно, не объединившись в самостоятельное и равноправное евразийское образование, все страны СНГ рано или поздно окажутся принудительно включенными в те или иные коалиции, с явной гегемонией той или иной силы – Европы, США, Китая, радикального ислама и т. д. Но с каждой из этих гегемоний у стран СНГ будет заведомо намного меньше общего, нежели друг с другом или с Россией. Отсюда прямая зависимость успеха построения многополярного мира и скорости осуществления евразийской интеграции.

Однако для того, чтобы построить многополярный мир, необходимо расстроить однополярное устройство и сорвать проект создания мирового правительства. Поэтому Евразийский Союз представляет собой прямой вызов США и Западу в целом и их глобальной стратегии. Западу в многополярном мире отводится значительная, но не решающая роль. Неудивительно, если Запад будет этому проекту противиться. Создать Евразийский союз можно только в активной и эффективной конкурентной борьбе на разных уровнях – стратегическом, экономическом, энергетическом, политическом, дипломатическом и т. д. Путин к этому готов и прекрасно это понимает.

Другим важным моментом евразийской политической философии является реорганизация баланса сил на евразийском материке в целом. Евразийский союз имеет границы, совпадающие в целом с границами стран СНГ, где интеграция должна быть максимально тесной. Но от того, какова будет архитектура отношений между собой других прилегающих евразийских региональных держав (Китай, Индия, Иран, Пакистан, Турция, Афганистан и т. д.), зависит сам успех евразийской интеграции.

Таким образом, можно выделить три слоя в контексте евразийского континента:

– ядро интеграции – современная Российская Федерация, называемая геополитиками heartland, сердцевиной землей;

– зона Евразийского Союза: территория стран СНГ, предполагающая вхождение в единое политическое образование, своего рода конфедерацию;

– политическое пространство всей Евразии, структурированное вокруг других силовых полюсов: Китай, Индия, Пакистан, Иран, Турция, Афганистан и т. д.

Эти три зоны в теории многополярности призваны быть максимально независимыми от США и Запада и организовать свои отношения в рамках строго регионального партнерства и в своих интересах. Каждая из региональных держав приглашается предлагать свои интеграционные проекты по аналогии с Евразийским союзом.

Для Китая аналогом Евразийского союза может быть интеграция с Тайванем. Для Индии – укрепление связей с Непалом и Бангладеш, а также урегулирование конфликтов с Пакистаном. Для Ирана – создание зоны шиитского влияния как в Афганистане и на Южном Кавказе, так и на Ближнем Востоке (Ирак, Сирия, Бахрейн, Ливан и т. д.). Для Пакистана – интеграция с пуштунскими регионами Афганистана. Для Турции – укрепление территориальной целостности, сохранение контроля над Северным Кипром и Курдистаном.

Некоторые зоны влияния могут пересекаться на основании общности тех или иных факторов – религиозных, этнических, политических, стратегических и т. д.

Вместе с тем, третий пояс Евразии предполагает появление в будущем координационной структуры, призванной осуществлять координацию основных региональных держав между собой. Отчасти эта функция возложена на Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Но исторически и даже символически в ней бросается в глаза непропорционально большая роль Китая, а также отсутствие Ирана и Турции, ключевых игроков в Евразии. Поскольку ШОС решает ряд стоящих перед этой организацией вопросов, она вполне может существовать и дальше. Но многополярный мир и евразийская философия требуют новой координационной модели – создания общей площадки стран «Евразийского Диалога» или «Евразийского Форума» (вариант «Евразийской Конференции»). В этой структуре должны изначально быть учредителями все ключевые игроки Евразии, разделяющие императив многополярного мироустройства и заинтересованные в успешной региональной интеграции.

Так как Россия занимает центральное место в геополитическом пространстве континента, то можно представить себе «Евразийский диалог» как набор осей, сходящихся в точке Москвы:

- юго-западная ось: Анкара – Москва;
- южная ось: Тегеран – Москва;
- юго-восточная ось (1): Исламабад – Москва;
- юго-восточная ось (2): Нью-Дели – Москва;
- восточная ось: Пекин – Москва.

Кроме того, между всеми этими центрами сил могут быть дополнительные связи и соответствующие структуры.

К Евразийскому союзу едва ли смогут примкнуть крупные региональные державы, так как степень предполагаемой интеграции здесь слишком высока. Равно как и Россия и страны СНГ едва ли смогут стать естественными участниками интеграционных проектов, строящихся вокруг других евразийских центров. Но осуществление всех этих интеграционных циклов важно не только для тех, кто их осуществляет, но и для всех остальных евразийских держав: многополярный мир невозможно построить в одиночку, и в этом смысле в успехе Евразийского Союза должны быть кровно заинтересованы даже те страны, которые непосредственно в нем принимать участия не будут. Верно и обратное: Россия и страны СНГ должны активно поддерживать интеграционные инициативы других евразийских стран и оказывать им всяческую поддержку.

Если мы сложим наиболее значимые козыри потенциальных участников «Евразийского диалога», то получим весьма внушительную картину:

Китай: мощнейшая экономика, огромный демографический потенциал, технологический рывок модернизации, самобытная цивилизация;

Россия: ядерный потенциал, огромные территории, богатейшие запасы природных ресурсов, традиции политической независимости, особая культура;

Иран: активное политико-религиозное мессианство, древнейшая культура, жесткая оппозиция однополярному миру, западной глобализации и постмодернистской культуре;

Индия: бурное развитие промышленности, высокая технология, мощная демография, древнейшая культура;

Турция: динамичное развитие, геополитическая активность в регионе, социокультурные особенности;

Пакистан: ядерное оружие, высокая демография, потенциал активной политической исламской культуры.

Если поодиночке конкуренция с США и Западом у всех этих стран проблематична, то в совокупности они представляют собой гигантскую планетарную силу, способную совместно диктовать Западу условия (по крайней мере, отстоять право на свободное поведение на пространстве собственных стран и прилегающих зон влияния, без опасения экспорта цветных революций и иных субверсивных стратегий, применяемых Западом).

Многополярный мир, Евразийский союз и евразийство в широком смысле связаны между собой неразрывно. Если мы совместно не отстоим право на то, чтобы сохранять и развивать свои оригинальные цивилизационные уклады, то утратим независимость и исчезнем с лица истории. Поэтому евразийство и многополярность являются абсолютными императивами будущего.

Это ясно понимает Путин. Это столь же ясно должны понять лидеры остальных великих евразийских держав.

Евразийский постмодерн: к новой экономической теории

Отношения России со странами Востока начинают играть большую роль. Если ранее все внимание было сосредоточено на развитии контактов с Западом, что было для российских экономистов синонимом «модернизации», сегодня центр тяжести начинает смещаться к странам «Третьего мира» – Азии, Латинской Америки и т. д. К примеру, объем внешней торговли России с Турцией растет бешеными темпами и на 2012 составляет уже порядка 30 миллиардов долларов. В ближайшем будущем Россия по всем прогнозам перегонит Германию и станет главным партнером Анкары. И у России, и у Турции есть стремление к интеграции в западный мир, но на практике получается, что эта перспектива остается весьма отдаленной и почти теоретической, тогда как экономическое сотрудничество между евразийскими державами приносит ощутимые дивиденды уже сегодня. И дивиденды немалые. Все это заставляет всерьез обратиться к теме евразийской экономики, которая ранее была в загоне из-за чрезмерного и повального увлечения Западом.

Смысл евразийского подхода к экономическому развитию таких стран, как Россия, Турция, Китай, Иран, Индия, стран постсоветского пространства и т. д., заключается в следующем. Безусловно, евразийские страны проигрывают по ритму модернизации странам Запада и в первую очередь США. Запад уже перешел в фазу постиндустриального информационного общества – в постмодерн, а евразийские государства живут в индустриальном обществе – для них «модерн» не закончился, а «модернизация» не завершилась. Из такой ситуации есть два выхода: либо обратиться к Западу за помощью в осуществлении рывка к постиндустриальному обществу (через интеграцию в мировой рынок, глобализацию и т. д.), либо продолжать модернизацию своими силами, сохраняя независимость и самостоятельность, а значит, суверенитет. Первый путь отстаивают глобалисты и ортодоксальные либералы. В России его сторонники преобладают, и

останавливаться на нем нет нужды. Второй путь – это и есть евразийская экономика. Ее принципы мене известны и популярны.

Суть евразийского экономического анализа сводится к убежденности, что «догоняющее развитие» в процессе глобализма не только не поможет модернизации национальной экономики, но и приведет к десоверенизации страны, практически к введению «внешнего управления». Здесь действует экономический закон Фридриха фон Листа, сформулированный еще в конце XIX века: «если две страны с неравно развитыми экономиками интегрируются в общую зону, та страна, что была богаче, еще более богатеет и развивается, а та, что была беднее, еще более нищает и деградирует, превращаясь в колонию». Постиндустриальное общество может прийти в страны Евразии и проникнуть в отдельные сектора, но этот процесс будет односторонним и по сути направленным на то, чтобы высасывать из страны богатства через сеть транснациональных корпораций. На примере российских реформ эта закономерность очевидна: из высокоразвитой модернизированной экономики индустриального типа Россия на глазах превратилась в простого поставщика ресурсов, т. е. ее экономика параллельно интеграции в постиндустриальное общество скатилась почти на преиндустриальный уровень, вполне сопоставимый с примитивными обществами, способными лишь к экспорту сырья.

Но и экономическая изоляция не спасает положение дел, так как отставание в развитии от Запада делает национальную экономику неконкурентоспособной, и рано или поздно ее все равно придется открывать, с соответствующими «колониальными» последствиями.

Поэтом единственной приемлемой альтернативой экономической глобализации остается создание «больших пространств» – особых зон, расположенных рядом друг с другом, со схожим уровнем модернизации экономического уклада. На практике это означает объединение крупных евразийских держав – России, Турции, Ирана, Индии, Китая, стран постсоветского пространства в единый «таможенный союз». Все эти страны пребывают в индустриальной фазе своего развития. Поодиночке они не способны конкурировать с Западом, но совокупно их потенциал – ресурсный, интеллектуальный, демографический и т. д. – вполне конкурентоспособен. Объединив свои усилия в рамках общей евразийской экономической зоны – с общими правилами игры, в дальнейшем, возможно, с общей валютой, – они вполне могут развиваться самостоятельно, помогая друг другу довести процесс модернизации до логического конца и перейти к постиндустриальной фазе (к постмодерну), не утрачивая при этом своей национальной идентичности, не растворяясь в глобализме и не превращаясь в колониальный придаток стран «богатого Севера».

Евразийская экономическая теория основывается на рыночном подходе, но ставит во главу угла национальные интересы, а не абстрактные догматы либерализма. Общая логика экономического развития и перехода от одного экономического уклада к другому описывает идеальные условия и более или менее подтверждается лишь опытом западных стран, развивавшихся в особых исторических, культурных, религиозных и политических условиях. Этот опыт не может быть перенесен автоматически на другие регионы, в частности, в Азию и Евразию. А если настаивать на этом, то в выигрыше останется Запад. Евразийский анализ показывает, что экономическая глобализация есть, по сути, лишь новая форма «колонизации». Но если классический колониализм проходил под знаком эксплуатации индустриальными европейскими державами архаических, преиндустриальных обществ Азии, Африки и Латинской Америки, то сегодня такая же диспропорция наблюдается между постиндустриальными странами Запада (в первую очередь США) и индустриальными державами Востока (шире, Третьего мира).

Евразийская экономическая теория предполагает совмещение двух равновеликих и общеобязательных императивов: экономическая модернизация и сохранение политической и национальной суверенности. В рамках отдельной страны Азии, Евразии или Третьего мира это неосуществимо. Но сложение экономических потенциалов крупных евразийских держав – индустриального, интеллектуального, демографического, ресурсного и т. д. – дает искомый результат. На практике это означает создание особой экономической зоны на востоке

евразийского материка, которая была бы аналогом Евросоюза, но с учетом иной фазы экономического развития тех стран, которые формируют костяк этого евразийского «единого экономического пространства». Единая экономически Евразия в таком случае способна стать важнейшим полюсом многополярного мира, партнером Европы и США, мотором развития для других регионов, уступающих евразийским странам по уровню развития. Речь не идет о полной изоляции даже этого «большого пространства» от Запада или Японии с их более высоким технологическим укладом: отношения будут развиваться, а сотрудничество наращиваться. Однако евразийская зона будет сохранять качество независимого конкурентоспособного субъекта, строго следящего за тем, чтобы экономическое развитие осуществлялось бы равномерно, пока естественные процессы индустриализации Евразии не перейдут плавно и последовательно к постиндустриальной фазе. Это экономика евразийского постмодерна, который по ряду критериев – особенно культурных, социальных, политических, психологических и др. – будет существенно отличаться от постмодерна глобалистского и западного.

Постоянная и переменная части геополитической картины мира

Геополитический метод в своем сущностном выражении сводится к основополагающему дуализму между двумя антагонистическими моделями могущества – морской и сухопутной. Рассуждать о геополитике без учета этого дуализма совершенно бессмысленно, как говорить о классической физике, не признавая законов гравитации. Для специалистов это очевидно, но для обычной публики, слышащей слово «геополитика» от телекомментаторов, это может оказаться открытием. Оппозиция суша-море является в геополитическом методе тем же, что дигитальное разложение на двоичный код 0–1 в компьютерных технологиях.

Приняв это как аксиому, мы входим в стихию геополитического анализа. Но в данном случае все становится постепенно все более и более сложным.

Во-первых, как и в квантовой механике, очень многое зависит от «позиции наблюдателя». Соглашаясь в принципе относительно законов игры, независимо от того, играем ли мы белыми или черными, далее мы встречаемся с определенными проблемами. Дело в том, что геополитическая методология не является одномерной и строго симметричной. Черные и белые (суша и море) здесь подчиняются разным правилам, по-разному ходят, преследуют различные цели. Это качественные полюса, наделенные автономной логикой и автономной стратегией. В отличие от иных квантитативных дисциплин, геополитика оперирует с качественным подходом, отталкивается от фундаментальной качественной асимметрии базовых полюсов. Пространство геополитического анализа анизотропно: взгляд с суши на море и с моря на сушу дает нам разные результаты; это два разных пространства, подчиненных респективно двум различным логикам.

Суша и море – не только внешние позиции наблюдения, это еще и внутренняя сущность наблюдателя. Суша и море не только вовне, но и внутри. Люди цивилизации суши видят мир, других людей, культуры и системы верований в своей геополитической оптике, люди цивилизации моря – в своей. А так как существуют еще и промежуточные комбинированные варианты (условно называемые «береговыми»), то картина невероятно усложняется.

Однако задача геополитики в том, чтобы выявить в любой – даже самой сложной – системе базовый дуализм (сушу и море), чтобы потом тщательно проследить диалектику развития каждого из этих начал в самых разнообразных и многосложных комбинациях. Китайская теория мужского и женского начал – инь и ян, или марксистская диалектика взаимоотношений труда и капитала дают нам некоторые аналоги геополитической методологии; но базовые полюса в нашем случае, естественно, иные.

Геополитика не ставит своей целью вынесение метафизического, гносеологического или этического диагноза – что есть свет, истина и добро, а что тьма, ложь и зло. Геополитика старается вникнуть в ценностную структуру каждой цивилизации, понять и описать ее логику. Но так как объективная методология всегда используется конкретной личностью или группой людей, в свою очередь являющимися продуктами вполне определенной цивилизации, то объективной геополитики даже теоретически не может быть: она всегда будет геополитикой англосаксонской, германской, русской, арабской, китайской, японской, турецкой и т. д., отражая специфику качественного подхода каждой из национальных школ. И все же эти подходы становятся подлинно геополитическими, когда возвышаются до обобщения, оперирующего с изначальной геополитической парой, соотнося историю своей страны, религии, культуры, расы с основополагающей структурой кода суша-море.

По мере повышения интереса к геополитическим исследованиям становится все более насущным дать четкое определение геополитики, для того чтобы это понятие не сужалось и не расширялось. Базового определения шведа Рудольфа Челлена *«геополитика есть дисциплина, изучающая отношение государства к территории»* явно недостаточно сегодня, так как более чем столетние исследования в этой области показали, что геополитический метод вполне применим не только к анализу истории государств, но и к систематизации цивилизационных, культурных, религиозных и экономических закономерностей. Сегодня мы вполне можем говорить о «геополитике православия» и «геополитике ислама», о «геополитике социализма» и «геополитике демократии», о геополитике «белой расы» и геополитике «негритюда». По этой причине мне представляется своевременным дать иное, более широкое определение «геополитики».

Геополитика есть дисциплина, изучающая человечество в его взаимосвязи с пространственным фактором .

В последние столетия само собой разумеющимся был исторический (временной) метод, основанный на строгом и качественно осознанном диахронизме: вся бытие народов и государств рассматривалось, описывалось и изучалось как процесс развития. При этом постоянными считались именно универсальные закономерности исторического развития, развертывание бытия во времени. В этом проявилось увлечение диахроническим подходом, фасцинация *качественным временем*, т. е. собственно историей. География (пространство) понималась исключительно через призму истории (времени). Поэтому народы и страны, религии и культуры имплицитно и эксплицитно делились на «развитые» («передовые», «прогрессивные») и «неразвитые» («отсталые», «примитивные»). При этом исключительность историцизма отказывала неразвитым в праве на какую бы то ни было ценность и оригинальность: они становились ценными, только «догоняя передовых».

Сверхэксплуатация историцизма дала множество интереснейших учений, но и привела к массе несправедливостей, одной из которых – наиболее вопиющей – является европейский расизм (от работорговли до ужасов Освенцима). Приверженность к критериям качественного времени, принадлежность к более высоким этажам истории как бы наделяло одних правом на господство над другими только на том основании, что другие являются «недоразвитыми», а значит, не столько «другими», сколько «такими же, только несовершенными, недоделанными, ущербными». «Прогрессивные» нации вменили себе право на распоряжение «отсталыми» так же, как берут опеку над детьми, инвалидами или олигофренами.

Геополитика ставит своей целью сбалансировать одностороннее увлечение историцизмом (особенно ярко выраженное начиная с эпохи Просвещения) за счет приоритетного обращения к пространственному критерию. В каком-то смысле, геополитика оперирует с синхронической картой цивилизаций и народов. Если для историка важнее всего получить ответ на вопрос «когда» – и еще точнее, «до» или «после», то для геополитика важнее всего – «где». Смысл события определяется не столько его расположением на оси времени, сколько в пространстве.

Историцизм исходит из предпосылки, что пространственный (географический) фактор является однородным и несущественным, что историческое время и его структура в

сущности едины. Геополитика утверждает, что у каждой точки планеты есть свое собственное время, выражающее внутренние закономерности пространства.

Понятая таким образом геополитика открывает колоссальные горизонты новой манеры человеческого мышления, философии, анализа. Теперь понятно, что применение геополитического подхода к сфере международных отношений, к области военной стратегии или макроэкономики есть не что иное, как проба сил, частное и узкое – фактически опытное, пробное – применение новой фундаментальной методологии мысли к довольно конкретным явлениям. Начавшись с реализации приземленных политических задач, геополитика незаметно подошла к тому пределу, за которым она призвана перерасти в нечто намного более масштабное.

Если историцизм был характерной маркой эпохи модерна, то геополитика – или, шире, философия пространства – претендует на то, чтобы стать приоритетным инструментом мышления эпохи постмодерна.

В соотношении исторической конкретики народа и страны с геополитическим кодом проявляется значимое неравенство национальных школ. Есть цивилизационные позиции, которые максимально сближаются с одним из полюсов. Геополитические школы данных стран и цивилизаций, как правило, отличаются предельной ясностью и последовательностью методологий – это естественно, поскольку, исследуя геополитический код, они исследуют базовую сущность своей собственной цивилизации. В таком привилегированном положении оказываются две цивилизации – англосаксонская (море) и евразийская (суша). Большинство других цивилизационных ядер имеют смешанный характер: разбирая их геополитический характер, мы с необходимостью говорим о балансе сухопутного и морского начал. Иными словами: все цивилизации, кроме евразийской и атлантической (англосаксонской), имеют в разной степени «береговой характер», строятся на диалектическом сочетании двух начал. Конечно, и в самом евразийском и атлантическом контекстах также есть как автохтонные, так и гетерогенные (с геополитической точки зрения) черты, но здесь можно говорить о наличии единого фундаментального вектора, от которого можно отклониться, но который нельзя заменить на прямо противоположный. Для береговых цивилизаций это не так: здесь победа евразийского или атлантического начал может повлечь за собой радикальную смену цивилизационного курса. Хотя с позиции самих этих «береговых цивилизаций» игра со сменой геополитических ориентаций заложена в самую основу геополитической идентичности – и, в отличие от геополитических полюсов, неразрывно связанных со своими фундаментальными векторами, эта игра не несет в самой себе ни радикального этического значения, ни абсолютности.

Геополитика как метод и форма анализа международных отношений, стратегического баланса сил, конфликтов и союзов в планетарном масштабе имеет две стороны: постоянную часть и переменную. Постоянная часть геополитического метода покоится на признании упомянутого выше неснимаемого противоречия между цивилизацией Моря (талассократия) и цивилизацией Суши (теллутократия). Как бы ни развивались отношения между главной державой Моря (начиная со второй половины XX века это однозначно США) и державой Суши (в течение последних трех столетий это, безусловно, Российская империя – СССР – современная Россия), они предопределены базовым дуализмом, «великой войной континентов». Именно на этом основываются все геополитические построения американских стратегов от адмирала Мэхэна до Николаса Спикмена и Збигнева Бжезинского. Современные американские стратеги – как неоконсерваторы (Р. Перл, М. Ледин, Р. Кэйгэн, П. Волфовиц), так и неолибералы и неолдемократы – единодушно принимают эту базовую геополитическую модель, и рассматривают в ее русле отношения с Евразией, heartland'ом. Это как система сообщающихся сосудов: там, где у цивилизации Моря (атлантизм) прибывает, у цивилизации Суши (евразийство) убывает, и наоборот.

Этот постоянный фундамент геополитики изменить невозможно: сам метод покоится на этом противопоставлении, и отказ от него равнозначен отбрасыванию геополитики как таковой. Тот, кто говорит «геополитика», подразумевает «дуализм цивилизаций» и «великую

войну континентов». В противном случае он просто не знает, о чем говорит, и произносит ничего не значащие слова.

Геополитика в ее постоянной части рассматривает и отслеживает хронику этой планетарной дуэли Моря и Суши, атлантизма и евразийства, Востока и Запада, морского Левиафана и сухопутного Бегемота. Но вне территорий двух фундаментальных протагонистов геополитического противостояния лежит «третья зона» – rimland – береговая территория. В рамках современной политической географии эта «береговая зона» протянулась по берегу всего евразийского материка от Западной Европы через Ближний Восток, Центральную Азию к Дальнему Востоку и Тихоокеанскому пространству. «Береговая зона» по определению дуальна, в ней соседствуют и борются две противоположные геополитические тенденции, стремясь перетянуть каждую конкретную страну в сторону одного из двух полюсов – либо атлантистского, либо евразийского. Вся «береговая зона» целиком не может быть однозначно атлантистской или евразийской, она всегда двойная. Хроника геополитической истории «береговой зоны» и есть вторая переменная часть геополитики. В центре цивилизации Суши, в центре цивилизации Моря нет истории, это полюса, которые могут ослабевать или крепнуть. Но противоположный полюс всегда остается сущностно вне, по ту сторону. Для ядра атлантизма евразийство всегда нечто внешнее, как и атлантизм для евразийства. В пространстве «береговой зоны» все иначе: морские тенденции переплетены с сухопутными, двойная геополитическая идентичность делает актуальным постоянный и непрерывный выбор, игру и баланс этих тенденций. Нет такой «береговой» страны, которая могла бы быть окончательно отнесена к Суше (Евразии) или Морю (Атлантике). Баланс требует постоянных инвестиций в ту или иную сторону, политические процессы всегда учитывают притяжения геополитических полюсов, а следовательно, любой выбор, сделанный в конкретный исторический момент, требует позже нового подтверждения, новых инвестиций, новых аргументов, так как в противном случае верх может взять альтернативная геополитическая линия.

Внешнеполитическая эклектика, или Три стратегии Российской внешней политики

Несмотря на свое безусловно континентальное географическое положение (следствием которого является единственно возможная – евразийская внешнеполитическая линия), более десятилетия Россия не может сформировать ясной и последовательной внешнеполитической позиции. Любые попытки набросать какой-то непротиворечивый проект в этой сфере фатально проваливаются. Этому есть объяснение. Очень трудно определить место страны, находящейся в состоянии перехода, в мире, который сам находится в таком же переходном состоянии. И сладить с таким количеством неопределенностей действительно трудно. Поэтому внешняя политика России колеблется между спорадическими всплесками патриотизма (больше для внутреннего пользования) и следованием в фарватере политики США. Винить в этом внешнеполитическое ведомство нельзя, сейчас стоит вопрос об идентичности России в современном мире, о ее геополитическом статусе, и решать такие вопросы – вообще не дело дипломатов. Отсюда и расплывчатость и непоследовательность формулировок, противоречивость конкретных шагов. Выскажусь жестче: при неопределенности идентичности России в современном мире никакой последовательной внешней политики у нее как страны в переходном состоянии нет и быть не может.

Чтобы тем не менее двигаться в этом направлении, следует понять логику трансформации всей международной системы отношений. Здесь налицо переход от модели двуполярного мира, воплощенного в Ялтинской системе и закрепленного в правовой системе таких организаций, как ООН, к однополярному миру при явной доминации США. Международное право отражает конкретный баланс сил. ООН и Ялтинская система отражали баланс сил, сложившийся по конкретным результатам Второй мировой войны с фиксацией зон влияния двух лагерей – социалистического и капиталистического – и с

довольно обширной зоной «неопределившихся» или «неприсоединившихся» (Третий мир). Очевидно, что если бы исход Второй мировой был иным, то и международная система была бы иной.

После распада Восточного блока и краха СССР двуполярный мир закончил свое существование, в «холодной войне» победили США, оставшись единственной гипердержавой. Этот геополитический факт Вашингтон стремится закрепить уже юридически. Особенно наглядно эта тенденция проявилась в 2001–2009 гг., в президентство Джорджа Буша-младшего, на которого оказывали серьезное влияние неоконсерваторы. Но и для приверженцев «мягкой силы» из команды Барака Обамы доминирование Соединенных Штатов в мире является непреложным фактом.

Это означает, что после ликвидации Ялтинской системы де-факто остается ликвидировать ее де-юре. Это и есть процесс однополярной глобализации: утверждение могущества США в планетарном масштабе, создание «Pax Americana» (мира по-американски) или «benevolent Empire» («благожелательной империи»). Вот от чего и к чему происходит переход всей мировой системы – от Ялты и международного порядка в стиле ООН к единоличной планетарной американской гегемонии.

А к чему же переходит сама Россия? От чего – понятно: она была совсем недавно ядром «второго полюса», уравнивающего полюс НАТО и США, и, соответственно, важнейшим несущим элементом всей международной мировой системы. Отсюда место в Совете Безопасности ООН и другие привилегии, основанные на старых заслугах и старых возможностях. Но к чему движется Россия? Какое место хочет занять в мире?

На это есть три теоретических ответа, которые предопределяют три возможные внешнеполитические стратегии. Так как ни одна из них не выбрана окончательно, то следует говорить о всех трех одновременно, как об открытых возможностях.

Первая стратегия: Россия вписывается в однополярный мир под главенством США, выторговывая себе за уступку геополитического суверенитета оптимальные условия. Это позиция российских либералов-западников, которые преобладали в российской политике в 90-е годы и чьи позиции оказывают существенное влияние на многие решения Кремля и до сих пор. В соответствии с этой стратегией России предлагается найти себе место в мире, сверстанном по американским лекалам. В рамках этого общего геополитического вассалитета Россия может стараться решить и какие-то свои региональные проблемы, но только с санкции США. По сути, вопрос о безопасности страны в такой ситуации перепоручается другой наднациональной инстанции или даже другой державе. И надо сказать, что некоторые моменты российской внешней политики последних лет могут быть объяснены только таким подходом. Лоббируют в Кремле такой подход, как правило, представители либерального крыла, идеологические наследники ельцинской «семьи», воспитанные на проамериканизме и ультралиберализме 1990-х. Если Россия окончательно встанет на этот путь, то, по сути, речь пойдет о снижении статуса России, о понижении ее ранга в геополитической иерархии. О роли «великой державы» можно будет забыть, да и региональные полномочия будут все более сокращаться.

Вторая стратегия: изоляционизм, национализм и рецидивы советского стиля внешней политики. Сплошь и рядом – часто в форме фантомных болей – такой подход ко внешней политике проявляется в современной России. Возникают теории вроде «крепости России», предложения полной замкнутости, отказа от глобализации, от всякого диалога с Западом и Востоком. Это позиция более достойна с моральной точки зрения, но совершенно не обеспечена ресурсами. Изоляционизм если не погубил, то сильно ослабил СССР на прежнем этапе, когда Москва контролировала гораздо больший объем стратегических территорий. Обращение к национализму может подточить территориальную целостность самой России, а повторение советского внешнеполитического курса вообще невозможно, так как и сама Россия перестала быть социалистической державой, и ее бывшие партнеры по социализму изменили в большинстве случаев свои идеологические и геополитические ориентиры. Конечно, можно провозгласить себя «великой державой» несмотря ни на что, но это

останется на уровне лозунга, а на практике у России нет никаких оснований для того, чтобы оставаться самостоятельным геополитическим полюсом. Цепляться же за ООН и другие остатки Ялтинской системы бессмысленно: их ликвидация – дело времени, и выиграет от этого лишь Вашингтон (неважно, «ястребиный» неоконсервативный или «мягкий» глобалистский).

Изоляционизм – путь тупиковый. Идя по нему, Россия быстро попадет в «черный список», будет включена в «ось зла», и с надеждами на модернизацию можно будет попрощаться. Изоляционизм является альтернативой глобализму только с формальной точки зрения: он откладывает наступление глобализма, а не отменяет его.

Третья стратегия российской внешней политики – евразийская. Она предполагает приоритет курса на многополярный мир. Эта многополярность должна быть не простым возвратом к Ялте и не инерцией благодушного пацифистского мышления в духе ООН или прежней Лиги Наций, но активным и даже агрессивным альтернативным проектом, учитывающим современные реалии, новые расклады сил, новые вызовы и новые альянсы – стратегические, цивилизационные и экономические. Евразийство отвергает однополярный глобализм, но отказывается и от изоляционизма. Если проамериканское лобби считает, что у России есть только один союзник – США, если изоляционисты утверждают, что «союзники России – это ее армия и флот», то евразийцы полагают, что у России сегодня множество союзников, гораздо больше, чем кажется, – это все страны Запада и Востока, которые в той или иной мере и по совершенно различным причинам и основаниям отвергают американскую гегемонию США, однополярность и пресловутую «благожелательную Империю». И в такой ситуации единственный шанс России вернуться в разряд настоящих великих держав – это дать возможность стать такими же великими державами другим странам, помочь им в этом – Евросоюзу, Китаю, Индии, исламскому миру и т. д., на том условии, что они в свою очередь помогут России. Если сегодня полюса, способного уравновесить, сбалансировать мощь США, нет, то его нужно создать. Причем всем вместе на равных паритетных условиях. Это означает не просто отказ от глобализации, но придание глобализации радикально иного вектора, не атлантистского, но евразийского. Никто не говорит, что это просто. Но в этом, по крайней мере, есть шанс.

Внешняя политика России могла бы быть и должна была бы быть именно евразийской. Но на данный момент это, увы, не так. И если некоторые евразийские элементы иногда встречаются, то они перемешаны с американизмом или изоляционизмом. Этим и определяется эклектичный и внутренне противоречивый стиль российской внешней политики. Мы пока не определились, кто мы, куда мы идем, кем хотим стать и какое место в мире нам принадлежит. А следовательно, ничего другого сейчас ожидать от МИДа нельзя. Не в МИДе дело.

Асимметрия

1. Объективный взгляд

Для того чтобы сформулировать евразийскую внешнеполитическую позицию, необходимо посмотреть на нынешнее положение России по-новому, здраво и объективно. Без обид, эмоций, ностальгии, озлобления. В каком мире мы оказались? Какие угрозы над нами нависли? Какова конфигурация современной карты мира с точки зрения стратегии? Что мы в такой ситуации должны сделать? А что – из того, что должны, – можем? Как осознается нами самими наше место, и как его видят вне России те силы, от которых действительно многое зависит?

Мало кто в нашем сегодняшнем обществе способен спокойно и бесстрастно не только ответить на эти вопросы, но хотя бы задать их. Однако ситуация меняется к лучшему: еще вчера каждая посредственность толкалась локтями, рвалась к микрофону и трибуне, будучи искренне уверенной, что ей есть что сказать по любому поводу, что она знает ответы на все

вопросы. Слава Богу, этот нездоровый ажиотаж улетучивается. Все больше на лицах реальной озабоченности, вопросительности, интереса. Время болтовни (как либеральной, так и патриотической) безвозвратно уходит. Пора менять тональность.

2. Тезис Запада – однополярный мир

На заре третьего тысячелетия сложился однополярный мир. Его единственным актуальным полюсом является Запад, США и их союзники по НАТО (с разной степенью интегрированности).

Этот однополярный мир имеет отчетливый, ясно различимый идеологический облик: это тоталитарно навязываемая космополитическая либерал-капиталистическая модель. На стратегическом уровне однополярный мир опирается на военную мощь США. В общем плане это неразделимые вещи: стратегический потенциал США (и специфика его конфигурации) и либерал-капиталистическая система в политике, экономике, социальном аспекте.

Однополярность подтверждается на обоих уровнях (стратегическом и идеологическом) тем, что в настоящий момент на земле нет ни одного военного образования, симметрично сопоставимого с военной мощью США, и нет единой идеологической конструкции, столь же универсальной, распространенной, общепризнанной и общепринятой, как либерал-капиталистическая (иногда с натяжкой называемая «либерал-демократической» – с натяжкой, так как реальной демократии там мало).

Однополярный мир – данность. Если мы не будем признавать этой данности, любые наши построения останутся вне сферы реальности. Признание этого свершившегося факта есть стартовая черта любого ответственного размышления о том состоянии, в котором находится человечество на рубеже тысячелетий.

Эта констатация, однако, сама по себе не несет никакой этической оценки. Утверждение о том, что нечто есть, еще не означает, что это нечто есть благо.

Однополярный мир – это обобщающий стратегический, геополитический и мировоззренческий тезис. «Тезис Запада», имеющий свою генеалогию, свою историю, свои этапы. Однополярный мир возник отнюдь не случайно и не вдруг. Это результат становления «тезиса Запада» универсальной категорией, победившей исторические цивилизационные альтернативы.

Тезис Запада воплотился в однополярный мир как раз через процесс преодоления всевозможных исторических альтернатив – которые на разных этапах выступали то как традиционное общество, то как националистические режимы, то как социалистическая система.

До самого последнего времени у «тезиса Запада» существовала формальная альтернатива и на стратегическом, и на мировоззренческом уровнях. Противоречивые планетарные интересы великих держав в первой половине XX века, двухполярный мир (социалистический Восток – капиталистический Запад) во второй половине XX века – выстраивались в системы противовесов и противостояний, готовые в любой момент вылиться в прямой мировой конфликт с неопределенным исходом, так как силовой потенциал различных полюсов был в целом сопоставимым.

Однополярный мир есть такая реальность, где превосходство тезиса Запада над возможными альтернативными моделями развития цивилизации становится закрепленным и очевидным.

Это означает де-факто установление стратегической и идеологической гегемонии со стороны США. Осознание этого выразилось в новом стратегическом термине: «гипердержава». «Великих держав» (до конца Второй мировой войны) существовало несколько, «сверхдержав» – только две, а «гипердержава» – одна.

Такое положение дел закреплено документально в основополагающих документах американской политики: в частности, в докладе Президента США Уильяма Клинтона от

1997 г. «Стратегические перспективы США в XXI веке».

Президент США справедливо утверждает, что США на данном этапе (и в их лице весь цивилизационный «тезис Запада») справились со всеми формальными противниками, со всеми симметричными угрозами и традиционными преградами и вызовами.

«Новый мировой порядок» установился, все формальные препятствия его глобализации сняты.

И здесь начинается самое интересное: в этом документе Президент США говорит о том, что отныне основные виды угроз такому устройству мира могут проистекать из «новых вызовов», которые заведомо будут асимметричными.

Это положение фиксирует объективную реальность: отныне любая стратегическая или идеологическая альтернатива «новому мировому порядку» будет с необходимостью «асимметрична», диспропорциональна сложившейся планетарной системе. Это будет не формальное противостояние двух или нескольких сопоставимых планетарных организаций, но более сложные процессы, когда однозначное и неоспоримое лидерство «тезиса Запада» будет иметь дело с непредсказуемой, пока далеко не очевидной, трудно схватываемой реальностью. Условно в данном документе и на современном политологическом языке она называется «асимметрией» или «новым вызовом».

Еще один приблизительный термин для обозначения этой потенциальной реальности – Евразия.

3. Однополярность – со знаком плюс или минус?

Выше мы сказали, что признание факта однополярности не означает признание его правомочности, положительного содержания, позитивности. Человеческая свобода позволяет нам интерпретировать любой факт в дуальной системе этики. Если мы оцениваем его как добро, мы поддерживаем его фактичность нашей моральной силой. Но мы можем признать этот вполне реально существующий факт и злом, несправедливостью, негативным явлением. Тогда – не отрицая его наличия – мы будем искать способы его искоренить, исправить, преобразить или уничтожить.

В этой этической свободе от диктатуры наличного бытия проявляется высшее достоинство человеческого существа.

Однополярный мир – факт. Но для огромного сектора современного человечества – это факт целиком и полностью негативный, трагический, отрицательный. И если формальной альтернативы такому миру сегодня нет, это еще отнюдь не означает, что ее не может или не должно быть.

В земном мире не может существовать какого-то абсолютного единства, и любой тезис, каким бы глобальным и универсальным он ни был, может и должен столкнуться с антитезисом.

Для нас сейчас самое важное заключается в том, чтобы ясно понять: альтернатива однополярному миру, антитезис в отношении «тезиса Запада», ставшего глобальным и претендующего на универсальность, отныне и на определенный срок переместились из области формальной и симметричной в область неформальную и асимметричную, в область «нового», «неочевидного», еще только долженствующего обрести ясно различимые черты.

Антитезис однополярности лежит в сфере асимметрии. И это точно такой же неоспоримый факт, как факт превращения США в «гипердержаву».

Ответственный поиск альтернативы однополярности должен лежать в новых стратегически-идеологических областях. Это не значит, что предыдущие альтернативы «тезису Запада» целиком и полностью утрачивают свое значение. Нет, они сохраняют его, но в снятом виде, в новом контекстуальном пространстве, с необходимой коррекцией. Самое главное, что в этом новом пространстве асимметрии прежние альтернативы складываются в новую комбинацию, и часто периферийные их элементы выступают вперед, а то, что казалось магистральным, напротив, отходит на задний план.

4. Многополярность

Концепция многополярности, заложенная в такие серьезные стратегические документы нынешней России, как Концепция национальной безопасности, имеет в общепланетарном контексте вполне революционное содержание. Первое и главное значение тезиса многополярности – это отрицание сложившейся однополярности, признание ее негативным цивилизационным явлением.

Несмотря на видимую расплывчатость и налет отвлеченной «гуманитарности», это очень суровый и серьезный тезис, особенно если осознать стратегический контекст и значение документа, где он фигурирует.

Это, кстати, ясно осознают американские стратегические центры и их российские информаторы, проводники американской однополярной идеи. Показательна в этом отношении открытая критика концепции «многополярности» Сергеем Карагановым, кадровым советником американского Совета по международным отношениям (Council on Foreign Relations) и членом Трехсторонней комиссии (несколько странно, что у «патриота» Примакова главным советником выступает прямой атлантист).

Многополярность есть одна из версий противопоставления однополярному миру асимметричной конструкции, где роль второго уравнивающего полюса призвана играть не какая-то отдельная «сверхдержава», но стратегический блок довольно разнородных (политически, культурно, расово и национально) геополитических образований. Например, альянс России, Китая, Индии и Ирана.

Иная модель многополярности предполагает дробление и самого натовского стратегического пространства, вывода Европы и Тихоокеанского региона из под прямого американского контроля. Эти две версии могут рассматриваться параллельно.

Есть и еще одна – самая вызывающая – версия многополярности, основанная на концепции стратегического вхождения России в клуб стран-парий – Иран, Северная Корея, Туркменистан и т. д.

В любом случае – и в самом умеренном и в самом жестком, – тезис многополярности имеет ярко выраженный антиамериканский подтекст. Его основная направленность заключается в стремлении на новом уровне и на новом этапе сформулировать стратегическую и концептуальную альтернативу однополярности и «новому мировому порядку».

Причем в основе всех версий многополярности лежит идея асимметричности. Речь идет не о создании прямого и открыто симметричного второго полюса, но о стремлении самыми разными путями оттенить или ограничить, деконструировать сложившуюся однополярность, не входя с ней в прямое формальное противостояние (которое помимо всего прочего еще и невозможно).

5. Россия как ядро потенциальной альтернативы

Какой бы ни была возможная асимметричная альтернатива однополярному миру, Россия по геополитическим, культурным, историческим и, главное, стратегическим соображениям с необходимостью должна стать не просто ее участником, но ее ядром. Это соображение почти не зависит от субъективного настроения конкретных политических ее руководителей – даже самые «прозападные» правители России логикой геополитических процессов будут вынуждены двигаться только в этом направлении. Это прекрасно понимают ответственные американские стратеги – такие как Збигнев Бжезинский, утверждающие, что залогом укрепления американской доминанции является не просто ослабленная, но расчлененная Россия, не способная ни при каких обстоятельствах сплотить вокруг себя другие державы.

По этой причине Евразия как потенциальный плацдарм для организации грядущей альтернативы американской глобальной доминанции лежит в центре интересов американской

стратегии. Бывшие советологические центры времен холодной войны сегодня переименовываются в центры «Евразийских исследований».

Евразия и есть общее название для всей совокупности «новых вызовов» на стратегическом уровне, ядро вероятной асимметрии.

Параллельно этому «евразийство» (или, в некоторых редакциях, «неоевразийство») выступает как мировоззренческий, идеологический коррелят стратегического фактора, претендует на роль «философии многополярности».

6. Реальное содержание СНВ-2 и договора по ПРО

Именно в таком контексте следует рассматривать ратификацию Госдумой третьего созыва договора по СНВ-2 в 2000 г., одновременные инициативы США по выходу из договора по ПРО и ответные действия российского руководства и некоторых европейских стран.

Договор по СНВ-2 является концептуальным документом, который подтверждает, что формальное и относительно симметричное противостояние двух вчерашних сверхдержав заканчивается. Россия не способна поддерживать ядерный паритет на уровне стандартов холодной войны и отказывается от продолжения такой симметричной линии. При этом ратификация договора по СНВ-2 сопровождалась внешней демагогической риторикой «о мире и дружбе».

Стратегический диктат США ослабшему вчерашнему противнику, продолжающему представлять собой потенциальную угрозу и в новом асимметричном качестве, выразился, в частности, в одностороннем выходе США из договора по ПРО. Не считаясь с позицией Россией формально, Президента РФ не попросили согласиться на это, его просто информировали по факту. США вышли из Договора по ПРО в одностороннем порядке, так как второй субъект этого договора утратил стратегические позиции, которые наличествовали в то время, когда договор был заключен.

Теперь самое главное: против кого направлена система противоракетной обороны, которую в XXI веке намерены создавать США в ситуации, когда формального противника в лице социалистического лагеря нет? Против Евразии, против асимметричного вызова, против многополярной модели, против тех, кто мог бы захотеть оспорить однополярную реальность. Иными словами, создание ПРО направлено против России и остальных возможных соучастников потенциального многополярного ансамбля.

Европейские державы, которые не оставляют попыток мирно и тихо вылезти из-под стратегической диктатуры США, на основании формальных факторов недоумевают, зачем ПРО нужно США? И видят, справедливо, в этом угрозу собственно европейским интересам. Отныне, если Европа только решит сделать шаг в сторону Евразии, она сама попадает под угрозу со стороны заокеанского партнера.

В чем же состояли ответные инициативы Президента Путина? Первая: предложение американцам создавать совместную ПРО. Это можно считать светской остротой. Создание ПРО направлено, в сознании американских стратегов, против Евразии и возможной многополярности, а тут сама Евразия, потенциальное ядро этой многополярности, заявляет, что не против присоединиться к этому проекту против «общего врага». Такого «общего врага» не существует в природе, понятие «международного терроризма» – эвфемизм, служащий для того, чтобы дипломатично не называть своими именами наиболее острые эпизоды столкновений важнейших геополитических сил. ПРО делается против реальных ядерных сил. Они есть у России, немного у Европы. У Северной Кореи, Индии и Китая несущественный мизер. Поэтому общая с американцами ПРО – из разряда черного армейского юмора. Несколько лет назад в «Красной Звезде» была напечатана моя статья с тезисом «войти в НАТО, чтобы разрушить НАТО». Предложение Путина из того же разряда.

Предложение о совместной системе ПРО с Европой совершенно иного сорта. Это авангардный стратегический проект революционно-евразийского содержания. Он настолько

серьезен и важен, что подробнее его импликации лучше не развивать. Это как раз пример организации нового асимметричного вызова.

Едва ли пока это получит серьезную поддержку в Европе, но сам факт такой инициативы – «крепость Европа», неоголлизм – обязательно значительно аффлектирует стратегическое сознание ответственных европейских кругов. Разработчику этой концепции для Президента РФ в Евразии надо будет в свое время поставить памятник.

7. Различные аспекты асимметрии

Вышеприведенный пример стратегической линии Москвы в отношении Европы подводит к важному обобщению: авангардные геополитические ходы становятся важнейшим фактором для создания серьезной стратегической альтернативы. Россия сегодня находится в уникальном положении: фактическая деполитизация власти открывает необозримые возможности для самой рискованной и дерзкой геополитической игры. Ирак, Китай, Германия, Япония, Франция, Италия, Индия, Туркмения, Белоруссия, Югославия, Израиль – любые геополитические партнеры сегодня возможны в том или ином конкретном случае. Геополитика асимметрии, неожиданное выстраивание самых причудливых комбинаций для выхода на реальные горизонты многополярности сегодня не сдерживается в случае Кремля никакими идеологическими, конфессиональными, политическими или социальными критериями.

Энергичный президент с навыками спецслужб и огромной поддержкой как народа, так и всего политического класса оказывается в исторически беспрецедентном положении для глобальной планетарной игры в асимметрию.

Простое выстраивание той или иной геополитической конфигурации уже может стать неотразимым вызовом однополярности. Недостающие компоненты для формального симметричного паритета могут быть извлечены из сложной и многоплановой геополитической комбинаторики.

Но это не единственный стратегический компонент асимметрии. В арсенале потенциальной многополярности есть и еще определенные средства. Во-первых, это сохранение в России достаточного количества ядерного потенциала, способного в крайнем случае остановить любые попытки США силой навязать свою волю России или нашим основным стратегическим партнерам по многополярности, а такими потенциально являются не только Китай, Индия и Иран, но и сама Европа и Тихоокеанский регион, в частности Япония. Стратегический потенциал России – это на некоторое время силовая ось многополярности, а значит, важнейший фактор безопасности для народов и стран всего мира. Относительная, асимметричная, урезанная, но гарантия соблюдения хотя бы минимального паритета.

Неслучайно США так озабочены уничтожением остатков нашего ракетно-ядерного потенциала. Активная асимметрия предполагает, что мы сохраним его как можно дольше.

И наконец, не следует забывать о новейших российских военных разработках. Современная структура мира в постиндустриальном информационном пространстве становится весьма уязвимой. Поэтому разработка новых видов вооружений – при правильной конфигурации инновационного процесса – может переместиться в самом ближайшем будущем от массивных, требующих гигантских экономических и индустриальных ресурсов технологий к точечным высокотехнологическим модулям, чья разработка требует не столько капитальных вложений, сколько творческой гибкости и авангардного подхода.

И эта сторона стратегической асимметрии должна развиваться у нас приоритетно. Более подробного освещения этой темы я предпочитаю избегать по вполне понятным соображениям. Строители однополярного мира очень опасаются именно такого поворота дел, именно такого «нового вызова» со стороны Евразии.

И совершенно правильно опасаются.

8. Евразийство: асимметричная философия

Важнейшим компонентом многополярности на мировоззренческом уровне является поиск доктрины асимметрии. Речь идет о своего рода «философии многополярности». Как и в случае со стратегическими аспектами, ядром такой философии может выступать только Россия. Однако очевидно, что ни возврат к советской социалистической идеологии, ни тем более узко национальная модель России как регионального, национального государства не могут соответствовать поставленной задаче, так как ни то, ни другое не обладает должным уровнем универсальности, требующейся на новом этапе.

«Философия многополярности» или «идеология асимметрии» могут сложиться только по совершенно новым концептуальным выкройкам, на основании особой исторической рефлексии, которая должна быть по определению новаторской, авангардной, оригинальной. Скорее всего, не какое-то одно догматическое направление, в значительной степени антитетичное «тезису Запада», может претендовать на эту роль, но целый спектр традиционных или новаторских доктрин, позиций, идеологий, синтезированных в общем русле, но в равной степени отрицающих по самым разным причинам идеологическую надстройку «нового мирового порядка». Уже сейчас можно предвидеть, что в этой потенциальной «философии асимметрии» могут быть задействованы как мягкие социал-демократические формы, так и национальные учения, как прагматические и светские элементы, как интегрирующие факторы конфессионального и этнического характера, так и стратегические интересы практического уровня. Общим знаменателем такой «идеологии многополярности» может стать на первом этапе простое отрицание крайнего либерал-капиталистического догматизма, сопряженного с «новым мировым порядком», отрицание *American way of life*.

Возможным критикам построения новой идеологии по признаку общего отрицания сразу можно указать на небывалое значение, которое либерал-капитализм как общая надстройка однополярности приобрел в нашей исключительной исторической ситуации. Когда у либерал-капитализма («тезиса Запада») существовали формальные альтернативы, общего отрицания было явно недостаточно, так как противоречия имелись и между самими этими догматическими альтернативами, обладавшими всеми основными признаками геополитического суверенитета. Сегодня же ситуация радикально иная, и «тезис Запада» является безальтернативным с точки зрения его геополитической поддержки. Сегодня только либерал-капиталистическая идеология опирается на реальную базу актуального стратегического суверенитета – на США. Поэтому любые альтернативные мировоззренческие проекты по объективной логике смещены на противоположный полюс.

Этот полюс можно рассмотреть двояко: либо как «свалку идеологий», отыгравших свое (и это верно, если мы будем рассматривать судьбу этих идеологий с точки зрения их исторических претензий на универсализм и финальный триумф), либо как хаотическую закваску новой, еще не родившейся «философии асимметрии» (и это верно, если учесть сущностную, а не формальную сторону этих идеологий – отрицательная, антилиберал-капиталистическая сторона их признается верной и важной, внешние же оформление этого импульса рассматривается как нечто спорное и второстепенное).

Синонимом такой «философии асимметрии» или «идеологии многополярности» является новое издание евразийства или неоевразийство. Неоевразийство есть динамично развивающийся (еще незаконченный) продукт универсализации, глобализации тех идей, подходов и методов, которые в зародышевом, интуитивном состоянии были намечены исторической школой русских евразийцев 20-х – 30-х годов.

Многополярное лобби и глубинный антиглобализм

Говоря о возможной неоевразийской, «асимметричной» стратегии, которая могла бы стать альтернативой однополярной стратегии США, следует подробнее остановиться на структуре тех сил, которые могли бы стать реальной основой поддержки для России в соседних с ней «больших пространствах».

«Оси дружбы» строятся не на пустом месте – в каждом из «больших пространств», прилегающих к России, есть политические и социальные силы, которые могут выступать несущими конструкциями для этих осей. Причем в каждом конкретном случае они имеют совершенно различную структуру – от целых стран и их правительств до отдельных политических партий, религиозных организаций и общественных объединений.

В первую очередь речь идет о тех политических и общественных силах в Европе, Китае, исламском мире, в других странах, которые стоят на жестко антиглобалистских позициях.

Кроме того, в самих США есть немало сил и движений, отвергающих глобализм и неоимпериализм официального Вашингтона, готовых к активному и массовому протесту против однополярного мира; и эти группы есть как в левом, так и в правом секторе американского общества, а среди общественных и религиозных организаций и среди различных этнических ассоциаций – в первую очередь латиноамериканских и афроамериканских – их не счесть. Стоит только России всерьез, а не для проформы, как сейчас, провозгласить многополярность (по сути, антиглобализм) государственной стратегией, как у нее обретутся миллиарды друзей во всем мире...

Важно понять, что само по себе массовое антиглобалистское движение, заявившее о себе красочными акциями протеста с подчеркнуто хулиганским и левацким оттенком, представляют собой лишь вершину айсберга. Это, скорее, настроение и хэппенинг, где нашли свое применение крайне левые и крайне правые группировки, стремительно утрачивающие актуальность в новом мире. Антиглобализм как движение не имеет ни идеологии, ни организационной структуры, ни ясного политического будущего. Он выступает как барометр, как социологический тест общественного мнения, и не следует преувеличивать его реальное значение. Плюс к тому, очевиден манипуляционный и провокационный характер этого явления, позволяющий предположить, что речь идет об упреждающей стратегии самих глобалистов, призванной заведомо дискредитировать реальные и серьезные антиглобалистские процессы.

Поэтому реальный антиглобализм, который необходим России в перспективе создания системы «осей дружбы», следует искать в иных секторах.

Чтобы отличать картинный антиглобализм леваков и ультраправых от глубинного антиглобализма влиятельных политических сил, следует говорить о «многополярности», «мультиполяризме». По сути, антиглобализм, если довести его требования до логического завершения, и есть стремление к многополярности, но многополярность является логически второй – позитивной, созидательной фазой антиглобалистской программы, тогда как первая – разрушительная и отрицательная – ассоциируется собственно с антиглобализмом, где акцент падает на приставку «анти-».

Своих союзников по антиглобалистскому многополярному проекту Россия может найти не только в странах «третьего мира», но и в Европе, в лице тех сил, которые ставят своей задачей выход Евросоюза из-под опеки заокеанского старшего партнера.

Если Европа хочет возродиться как самостоятельная сила и выйти из-под удушающей американской опеки, она обречена на союз с Россией. Это очевидно всем европейцам, ответственно подходящим к вопросу о своем будущем. Во Франции эта традиция называется «геополитическим голлизмом», по имени генерала Шарля де Голля. Германия же по своему географическому положению расположена в самом центре европейского пространства, замыкая всю территорию Евразии в единую зону. И поэтому роль Германии в процессах континентальной интеграции также центральна.

Среди стран Евросоюза к стратегическому диалогу с Россией могут быть привлечены Италия и Испания. К слову, в интеллектуальных кругах Италии довольно сильно не только антиглобалистское или антиамериканское, но и собственно евразийское направление, связанное с «Международным евразийским движением» и представленное такими именами, как издатель журнала «Eurasia» Клаудио Мутти и эксперт-геополитик Карло Террачано. «Евразийство представляет собой наиболее приемлемую и корректно сформулированную альтернативу американской либеральной гегемонии», – сказал автору этих строк известный итальянский философ-постмарксист Констанцио Преве во время «Евразийской конференции» в Милане в 2005 г.

Потенциальные участники континентального диалога могут быть найдены и во всех остальных европейских странах – даже в самых «глобалистских», таких как Англия или государства Восточной Европы. Не испытывая подчас никаких особых симпатий к России как таковой, все эти политические силы могли бы при определенных обстоятельствах стать ядром фактически пророссийского влияния – не напрямую, а через антиамериканизм и стратегический континентализм.

Для России такая континентальная Европа, в отличие от атлантистской Америки и тех европейских стран, которые верны не Европе, но атлантизму, – а это разные вещи, – является важнейшим стратегическим партнером. Европа будет сильной и свободной, только если таковой будет Россия. Россия же сможет по-настоящему встать на ноги, если Европа и Америка пойдут в глобальной политике разными путями. Отсюда и вытекает смысл оси, которая может связать Россию с ведущими странами Европы – оси Париж – Берлин – Москва.

Раздел 1. Две Европы

Ось Париж – Берлин – Москва

В Евросоюзе к многополярности тяготеют различные страны и различные политические силы. Среди европейских стран ядром многополярности являются Франция (политически) и Германия (экономически). Они-то, собственно, и выступают как ядро Единой Европы, как мотор европейской интеграции и одновременно идеологические архитекторы европейского единства.

Совершенно иную позицию в отношении геополитической роли Европы занимают Англия и недавно принятые в Евросоюз страны Восточной Европы, которые, напротив, следуют жестко в русле американской стратегии и всячески саботируют российско-европейский диалог. Этого следует ожидать и в дальнейшем, но последовательная геополитическая воля Москвы поможет справиться и с этим препятствием.

В прошедшее десятилетие сложились предпосылки к альянсу Москвы со странами «старой Европы» в противовес англосаксонской доминации.

Ось Париж – Берлин – Москва станет прообразом континентального европейско-евразийского альянса, основанного на многополярной логике. Это и есть важнейшая предпосылка реального стратегического политико-экономического антиглобализма, который, кстати, всерьез обеспокоил США.

Впервые о возможности такой оси заговорили в начале прошлого десятилетия, накануне вторжения американцев в Ирак. И хотя самой агрессии франко-германо-русский союз предотвратить не смог, Вашингтон серьезно задумался о новых связанных с ним рисках. Перед США воочию предстал облик той силы, которая могла бы сорвать американские планы единоличной мировой доминации.

Политической основой в Европе для создания западной «оси дружбы» могут выступать различные левые и правые партии. Безусловно, нельзя сбрасывать со счетов и собственно антиглобалистское движение – европейских крайне левых и крайне правых, которые гораздо яснее и ярче выражают антиглобалистские идеи, но степень их влияния на истеблишмент часто весьма невелика. Если говорить о более влиятельных политических силах, то европейская социал-демократия традиционно тяготеет к антиамериканизму, отторгая американский либерализм и англо-саксонский индивидуализм. Таким образом, сближение с европейской социал-демократией, развитие политического диалога с ней отвечает стратегии многополярности. Вместе с тем, во Франции до сих пор сильны традиции политического голлизма, характерные для правоцентристских политических партий. Не разделяя антилиберальных установок социалистов, они выступают за Единую Европу и сближение с Россией по иным – политико-стратегическим – соображениям: через такой континентальный союз они рассчитывают возродить политическую мощь Старого мира, вернуть ему независимость и суверенность. Это новое издание старого проекта де Голля – «Великой Европы от Атлантики до Урала». В чем-то сходная ситуация и с политическими партиями в Германии, но меньшая политическая самостоятельность Германии и послевоенная история делает их более зависимыми от американских республиканцев (германские правые) и английских лейбористов (германские левые). Настоящими «промоутерами» европейско-российского альянса в Германии выступают экономические структуры – банки, крупные промышленные группы, энергетические концерны, которые осознают российский фактор скорее в формате природных ресурсов, нежели в формате политических моделей.

Американский аналитик Джон Халсман из влиятельного консервативного «мозгового центра» Heritage Foundation полухуливно сравнил «старую Европу» и Россию с персонажами сказки про волшебника из страны Оз (известной в русском переложении как «Волшебник Изумрудного города»). Страшиле, Трусливому льву, Железному дровосеку – каждому поодиночке чего-то не хватало, льву – храбрости, Страшиле – ума, а Железному дровосеку – сердца. Но все вместе они могли восполнить недостатки друг друга. Так и

Франция, Германия и Россия – лишь вместе они представляют собой серьезную угрозу.

«У России проблемы с экономикой, у Германии – с вооруженными силами, у Франции – с природными ресурсами и надежной промышленной базой, – писал Халсман. – Собранный воедино комбинация из Франции, Германии и России имеет все атрибуты великой силы, способной уравновешивать США на глобальном уровне. Франция в таком случае обеспечивает политическое и идеологическое лидерство, Германия – экономическую мощь, Россия – военное прикрытие».

Эта комбинация и является главной структурой антиглобалистской модели для России и, соответственно, западной «осью дружбы» по преимуществу.

Любопытно, что американские эксперты считают, что необходимо как можно скорее развалить эту конструкцию. Тот же Халсман пишет: «Чтобы не позволить зародышу этой коалиции превратиться в настоящую угрозу американской позиции в мире... Госдепартамент должен настаивать на общих интересах Америки и Европы, сдерживаться от резких заявлений в адрес недовольных американскими действиями на Ближнем Востоке стран, занимать ведущие позиции в процессе дальнейших реформ в НАТО, развивать стратегический диалог с каждой из европейских стран по отдельности, и – самое важное – создать инстанцию единого принятия решений по военно-политическим вопросам в глобальном масштабе». Это означает, что стратегия глобализма состоит в срыве европейско-российской оси партнерства, для чего предпринимаются усилия по усилению влияния США на каждую из стран в отдельности.

По прошествии десяти лет мы видим, что тогда США удалось на практике разрушить этот зародыш франко-германо-российской коалиции, но теоретически эта ось остается по прежнему главным залогом реальной многополярности. Если Россия хочет обеспечить себе геополитическое будущее, она должна снова и снова заходить на этот виток создания оси Париж – Берлин – Москва, вопреки всем противодействиям изнутри и извне.

Великая Европа от Лиссабона до Владивостока

В 2010 году в программной статье, опубликованной в немецкой «Зюддойче цайтунг», Владимир Путин огласил фундаментальный геополитический концепт – «Великая Европа от Лиссабона до Владивостока».

План, изложенный Путиным, является историческим выражением континентальной геополитики, изначально направленной на объединение пространства Европы и России-Евразии в единую экономическую, стратегическую и ресурсную зону. В конце XVIII – начале XIX века эту политику пытался проводить Наполеон, противопоставлявший континентальную Европу островной Англии, – отсюда периоды его сближения с Павлом и даже с Александром I, например Тильзитский мир. В XX веке к тому же стремились европейские геополитики – «континентальный блок» Берлин – Москва – Токио.

В последние десятилетия СССР аналогичные идеи развивали бельгиец Жан Тириар (Евросоветская Империя от Владивостока до Дублина). Вплоть до настоящего момента эту же концепцию, проект Евразийской империи, мужественно отстаивал недавно скончавшийся французский писатель и геополитик Жан Парвулеско (1929–2010), оказавший влияние на многие французские политические круги, в частности на Доминика де Вильпена и современный неоголлизм в целом.

Все эти проекты с XVIII по XXI век исходят из идеи объединения промышленного, хозяйственного и военно-стратегического потенциала всей северной зоны Евразийского материка от Атлантического до Тихого океанов. В этом случае будет достигнут такой масштаб, который наделит всю эту зону мировым могуществом вне конкуренции. Но если оппонентом этого континентального проекта на прежних этапах выступала Великобритания и ее морская империя, то сегодня, в XXI веке эта роль перешла к США, а также к другим мировым центрам, претендующим на региональное и мировое могущество, – таким как Китай или объединенный потенциал исламского мира.

Интеграция Европы и России, таким образом, представляет собой проект создания реальной многополярности, то есть такой архитектуры мира, где ни одно из государств и ни один из блоков государств не будет обладать абсолютным превосходством над остальными – ни с военно-стратегической, ни с экономической, ни с энергетической точек зрения. Условия современного мира таковы, что для создания такого самостоятельного полюса уже недостаточно ни одной Европы, ни одной России. Достаточным масштабом обладает лишь полноценный евро-российский, евразийский континентальный блок.

Путин в своей речи, опубликованной «Зюддойче цайтунг», изложил 5 конкретных пунктов того, что вполне можно назвать «евро-российской континентальной программой». Они таковы.

Создание гармоничной хозяйственной общности от Лиссабона до Владивостока. По сути, это означает призыв к полной и многоуровневой экономической интеграции и созданию нового экономического союза: на сей раз не только между странами Европы, но в рамках огромного социально-политического и экономического пространства, включающего как саму Россию, так и ряд стран СНГ. Это проект создания Евразийского Союза в его максимальном масштабе.

Общая промышленная политика между Евросоюзом и Россией. Путин пояснил, что речь идет не о возврате к классическому индустриальному порядку, но о совместном развитии высоких технологий, то есть о создании евразийской инновационной экономики. Хотя определенные выводы из финансового кризиса 2008 года сделать и следует, обратив особое внимание на создание финансовых пузырей, оторванных от конкретного производства.

Необходимость создания общего европейского энергокомплекса. Но поскольку Россия является главнейшим поставщиком энергоресурсов в Европу, то без нее этот комплекс будет несостоятельным.

Здесь есть обоюдный интерес: Европа жизненно заинтересована в потреблении энергоресурсов, а Россия – в их сбыте. Такая комплиментарность, взаимодополняемость подталкивает нас к созданию общей евразийской энергосистемы.

Необходимость скоординированно развивать науку, образование и научно-технические инновационные центры в пространстве Европы и России. Для этого Путин предложил выработать общую стратегию развития, которая должна была бы воспрепятствовать утечке российских и европейских мозгов и смещению инновационных фабрик мысли за пределы общей евро-российской зоны. Для этого следует использовать как европейский, так и российский потенциал.

Необходимость сделать территорию Европы и России полностью открытой и безвизовой, чтобы социальная интеграция способствовала интеграции экономической, энергетической и академической. Путин подчеркнул, что это является не только желанием российских граждан, но и условием для полноценной интеграции на других уровнях, а следовательно, в интересах Евросоюза.

Напомним, что в том же 2010 г. тогдашний президент, ныне премьер-министр Дмитрий Медведев, выступая на Лиссабонском саммите НАТО, сформулировал предложения России по военно-стратегическому партнерству с Евросоюзом в вопросах безопасности. Роли российских лидеров были четко распределены: Медведев озвучивал военно-политические и оборонные аспекты европейско-российской интеграции, Путин – экономические и энергетические.

Итак, мы имеем дело с ясно сформулированным проектом Великой Европы от Лиссабона до Владивостока. Это не просто набор лозунгов, но оформление внятной геополитической континентальной философии, имеющей многовековую историю. Лучшие умы России и континентальной Европы всегда стремились найти модель сбалансированных и гармоничных отношений, что многократно умножило бы потенциал обеих составляющих этой конструкции – как российской, так и европейской. Когда Франция или, позднее, Германия вставали на континентальные позиции, они неминуемо искали сближения с

Россией. И всякий раз это давало позитивные результаты для всех участников. Другое дело, что враги европейского континентализма не дремали, и как только перспективы такого российско-европейского сближения (под эгидой континентализма) обозначались, по ним наносился удар. Любая попытка континентального блока немедленно торпедировалась сетью агентов влияния как со стороны России, так и со стороны европейских держав под самыми разными предложениями и с использованием самой разной аргументации. От XVIII до первой половины XX века этот саботаж исходил от Англии. Со второй половины XX века в авангарде альтернативной геополитической силы, атлантизма, встали США. Для перспективы единоличной американской гегемонии в мире европейско-российский стратегический альянс будет означать только одно: закат безраздельного господства в мире. Соответственно, легко предсказать, откуда на сей раз будет происходить удар по новой версии континентального проекта.

К европейской независимости

Расхождение между политическими линиями США и Великобритании с одной стороны и континентальной Европы – с другой, проявившееся в начале 2000-х и ставшее для многих неожиданностью, прекрасно укладывается в классическую схему геополитической двойственности Европейского континента.

Геополитики давно заметили следующую закономерность: в пространстве самой Европы существует два полюса – западный и восточный, которые в миниатюре воспроизводят более объемную картину «планетарного напряжения между Востоком и Западом» (К. Шмитт). Ядром западного полюса является Великобритания, которая воплощает в европейской истории ядро политической, экономической, идейной модернизации. Это – колыбель морской цивилизации, цитадель атлантизма.

Восточный полюс представлен Германией, которая, напротив, исторически тяготеет к консерватизму и исторической преемственности. Германия в рамках Европы играет роль, аналогичную России в рамках всего евразийского материка. Она соответствует континентальному, сухопутному полюсу.

Страны Восточной Европы, находящиеся под политическим и экономическим влиянием немцев, называют еще «Средней Европой». Те страны, которые ориентируются на Англию, можно назвать «атлантистскими».

Между Англией и Германией проходит линия европейской напряженности, это антагонистические пространства. Речь идет не просто об исторических конфликтах этих государств, но о самой культурной, цивилизационной, политической модели организации соответствующих территорий.

Отдельным и во многом самостоятельным элементом европейской геополитической системы является Франция, которая в определенных случаях выступает либо как континентальная интегрирующая сила (Наполеон, де Голль), либо как союзница Англии (Антанта). Другие державы геополитически менее значимы, и их участие в европейских альянсах и осях носит обусловленный характер: влияние с моря сближает их с Англией, силы суши привязывают к континентальному блоку.

Два основных полюса (Англия и Германия) намечают контуры двух Европ: морской и континентальной, модернистической и консервативной. Объединение европейских государств в единый союз, интеграция европейского пространства является проектом континентального полюса. Полюсом этой интеграции является франко-германский геополитический союз, в основе которого лежит выбор Парижем «восточной» сухопутной ориентации. Реальность Евросоюза – это формула «Франция + Германия». Все остальное второстепенно. Для содействия строительству многополярного мира Россия должна по многим вопросам выработать общую платформу именно с Францией и Германией, обозначив своего рода ось Париж – Берлин – Москва. Именно о такой оси грезил генерал де Голль, знаток геополитики, говоривший о «Великой Европе от Атлантики до Урала».

Позиции Англии, которая в XX веке из полюса атлантизма стала простым придатком США, ставших в свою очередь мировым воплощением морского порядка, в отношении европейской интеграции были как минимум сдержанными. Лондон в этом процессе постоянно играл на внутриевропейских противоречиях, а когда франко-германская ось стала всерьез укрепляться (политический вес Франции, помноженный на экономический вес Германии), он обратился (как встарь) к береговым странам и к тем странам Восточной Европы, которые были исторически на обочине европейской истории (страны Балтии, Польша, Румыния и т. д.). Англия не столько предлагает свою собственную версию европейской интеграции, сколько играет против континентальной версии Франции и Германии. Англия, реализуя геополитический заказ Нового Света, не предлагает «вторую Европу», но препятствует становлению первой и единственной. Это важный момент: Европа как единое интегрированное геополитическое образование уже заведомо означает континентальную франко-германскую Европу, и никакой «другой Европы» нет даже в планах, поскольку альтернативой этому является разрозненная мозаика анахроничных и стагнирующих европейских государств-наций, которая есть и сейчас.

Иракский кризис пробудил и актуализировал эти глубинные линии геополитического разлома, которые в более спокойных условиях оставались невидимыми внешнему наблюдателю. Ясно очерчена теперь новая граница: Атлантический океан и Ла-Манш. Западный мир – не только Европа – оказался разделенным на два геополитических образования. Это морской англосаксонский полюс: США, Англия и временные европейские союзники – и сухопутный континентальный собственно европейский полюс – Франция и Германия. Это отныне два стратегических пространства, каждое из которых будет отныне стремиться к относительной автономии – стратегической, экономической, политической. Культура и ценностная система обоих пространств Запада остаются весьма сходными, но их геополитические интересы явно начинают все более расходиться.

Вся ситуация воспроизводит расклад сил перед двумя мировыми войнами прошлого столетия. Налицо три геополитические силы: атлантизм с полюсом в Англии, евразийство (Россия, СССР), а между ними континентальная Европа (Германия). Сегодня атлантизм представлен англо-американской коалицией, Россия и некоторые страны СНГ занимают свое постоянное евразийское место, а Средняя Европа представлена франко-германским альянсом, т. е. собственно Объединенной Европой. До определенного момента прорабатывались разные варианты союзов: Запад + Середина против Востока, Восток + Середина против Запада. Но мировые войны неизменно повторяли один и тот же сценарий: после мучительных колебаний Запад и Восток заключали между собой пакт против Середины. Середина в такой ситуации войны на два фронта неизбежно проигрывала. Больше всего убытков нес Восток, а дивиденды из кровавой бойни извлекал Запад. Как ни настаивали проницательные геополитики Европы и России о необходимости избрать иной, евразийский сценарий: евразийско-европейский альянс против атлантизма, к их пророческим увещаниям отнеслись безразлично. Чудовищные результаты этого безразличия мы можем оценить в шестизначных цифрах погубленных жизней, кровавых зверств, разрушенных городов.

Роль нашего российского соучастия в мировом раскладе сил всегда была ключевой. Когда европейцы говорят о «Европе от Атлантики до Урала» (Ш. де Голль), и шире, от «Дублина до Владивостока» (Ж. Тириар), они имеют в виду именно континентальную сухопутную модель, *восточный вектор*. На сегодняшний день понятие «Европа» уже само по себе несет в себе нечто «евразийское». В такой конфигурации особую актуальность приобретает тезис об оси Париж – Берлин – Москва, подробно изложенный в новой книге с одноименным названием французского публициста Анри де Гроссувра.

В этом же ключе будет развиваться и реформирование НАТО. В самое ближайшее время предстоит решить: сохранится ли эта организация в принципе? А если да, то чем она будет? Послушным продолжением односторонней англо-саксонской системы или новой автономной структурой континентальной европейской безопасности, балансирующей между

англо-американской коалицией и евразийским Договором о коллективной безопасности?

В любом случае не стоит строить иллюзий: силы, которые постараются затормозить, а то и сорвать окончательную европейскую интеграцию, очень могущественны, и в дело будет пущено все – экономико-политическое давление на береговые страны (Италия, Испания), создание традиционного «санитарного кордона» от Балтии до Черного моря, искусственное провоцирование трений между Москвой и Брюсселем по чеченской и калининградской проблемам и т. д.

Проект «франко-германской империи»

Показателем серьезности континенталистских тенденций в европейских политических кругах (тенденций, которые ярко проявились в начале прошлого десятилетия и остаются актуальными и сейчас) было заявление, которое в 2003 г. сделали комиссары Германии и Франции в Евросоюзе Гюнтер Верхойген и Паскаль Лами. Они сообщили о возможности формирования тесного политического альянса между двумя ведущими державами континентальной Европы, о «слиянии» Германии и Франции.

С геополитической точки зрения чрезвычайно важно, что о политическом слиянии заявили именно Германия и Франция. Именно между этими двумя странами исторически проходит главная геополитическая грань европейской истории.

Заметим, что с геополитической точки зрения Германия традиционно представляет собой «континентальное», «восточное» начало, своего рода «Азию» в рамках Европы. Ей противостоит «островная» Англия – морской полюс, «Запад». Франция представляет собой обширную «береговую зону», балансирующую между континентальной (прогерманской) и морской (проанглийской) ориентацией. Если Франция сближается с Германией, и ранее, Австро-Венгерской империей, то Европа идет в одном историческом направлении – на Восток, nach Osten; если с Англией – в другом – на Запад, nach Westen. Морское, западное начало в Европе побеждает за счет Англии, сухопутное – за счет Германии.

Англия на современной политической карте Запада – не что иное, как морская база США, ее островной авианосец, часть атлантистской системы. Германия, лишенная после Второй мировой войны политического и военно-стратегического значения, наверстывает упущенное в сфере экономики и финансов. Германская экономика воплощает в себе континентальное «восточное» начало в современной европейской геополитике.

Стратегический союз, сближение и конечное объединение Франции и Германии – это золотая мечта европейских «евразийцев», «восточников», сторонников великой и независимой (подразумевается, независимой от англосаксов) Европы, «крепости Европы». Это – и древний проект «Римской империи германских наций», и чаяние «Renovatio regnum francorum» – «восстановление королевства франков» – проект германских императоров Оттонов, и тайный план Римской курии по возрождению католической эйкумены, и надежда европейских «новых правых», обеспокоенных судьбой культуры и цивилизации индоевропейских народов. Франко-германская Европа – это геополитический проект с отчетливой цивилизационной перспективой: экономические, социальные, гуманитарно-демократические соображения прикрывают главное – такой союз ведет к созданию европейского сверхгосударства, способного отстаивать собственные политические и стратегические интересы в обширной зоне влияния, включающей как собственно европейские земли, так и территории Магриба и Африки (ведь, согласно аксиомам европейской геополитики, Средиземное море – это всего лишь «внутреннее озеро», mare internum в едином пространстве Евроафрики).

Франко-германская Европа – это Европа, впервые после Второй мировой войны претендующая на самостоятельную игру, в которой центром *суверенной стратегии* и в отношении США (и Англии), и в отношении России становится сам европейский полюс.

Франция и Германия исторически были, в определенном смысле, антитезами, их объединение есть факт геополитического синтеза, преодоление противоположностей.

Поэтому то, что происходит сегодня, так важно для европейской элиты, в своих религиозных и даже мистических пластах бережно сохраняющей эсхатологические предания о Великой Европейской Империи Последних Времен (Анри де Гроссувр, Ж. Парвулеско).

Как отнестись к этому событию России?

Евразийская геополитика диктует однозначный ответ: мы должны продолжить сухопутное начинание, достроив ось Париж – Берлин до ее полной формулы: Париж – Берлин – Москва. Заметим: объединение Европы на сей раз пойдет на сухопутной основе и косвенно ориентировано отнюдь не против современной ослабленной и ошарашенной России, но, скорее, против планетарного гегемона – США и его европейского контрагента – Великобритании. Кстати, сходный смысл носил и изначальный проект франко-германского объединения «де Голля – Аденауэра», эксплицитно направленный против НАТО, США и Англии. Мощная и самостоятельная Европа – это фундаментальный момент российской безопасности. Мы не имеем права упускать исторический шанс и должны включиться в этот процесс на любых условиях. Франко-германская Европа – залог нашей безопасности с Запада, столь необходимый для нас полюс системы коллективной надгосударственной евразийской обороны, в которой вторым логическим полюсом являемся мы сами.

Реальные геополитические процессы в современном мире отнюдь не завершены. Они проходят подчас тайно и невидимо, под прикрытием системы экономических интересов, энергетического партнерства, финансовых льгот и налоговых удобств. Сегодня геополитики редко отваживаются говорить на своем языке, предпочитая пользоваться словарем экономики и гуманитарной риторики. На самом же деле на наших глазах разворачивается драматическая борьба за альтернативные модели будущего мира. Если европейская интеграция достигнет своей цели, если в этот процесс включится Россия с ее огромным ресурсным, стратегическим и культурным потенциалом, то завтрашний мир будет сбалансированным, многополярным, оставляющим довольно широкое поле для выбора. Если победит однополярная модель – глобализация по-американски, – видимо, о реальном геополитическом выборе, суверенитете и многополярности придется забыть. Впрочем, и первый – многополярный – вариант предполагает передачу суверенитета на новый сверхгосударственный уровень – только не в пользу одной гипердержавы (США), а в пользу «интегрированного большого пространства», которых на планете может быть несколько. Это «европейское большое пространство» – есть нечто новое и удивительное. Перед нами разворачивается строительство современной «демократической империи» – образуемой на новых принципах и финансово-экономических интересах, но в все в тех же древних европейских границах. Это – возрождение Старого Света к новой жизни. Кажется, Европа решила порвать со статусом «береговой зоны» – под фактической американской стратегической и политической оккупацией – и заявить о своей новой идентичности. Конечно, этот путь будет непростым, и легко предположить, что США и Англия не будут наблюдать за этим сложа руки.

Вместе с тем, России нельзя сейчас терять времени, пассивно созерцая, чья сторона окажется в выигрыше. Геополитический союз с новой франко-германской Европой сулит много трений и сложностей, но он спасителен. Любое – даже прагматически оправданное – сближение с США фатально и неизбежно ведет к тупику и коллапсу (кто не верит, пусть внимательно изучит планы американских стратегов – таких как Збигнев Бжезинский или Пол Волфовиц – по расчленению России, а слова стратегов самой мощной мировой державы – не пустой звук).

Евразийская Италия: апеннинский вариант

Итальянцы считают свою страну «Родиной культуры». Что-то есть в итальянском духе живое и внимательное, активно-утонченное. Неслучайно, видимо, крупнейший традиционалист XX века Юлиус Эвола родился в этой замечательной и многомерной стране. Когда в остальных европейских странах традиционалисты насчитывались десятками, в

Италии речь шла на тысячи. Сегодня, когда исчерпана энергия и «эволаизма», и «новых правых» Алена де Бенуа, и тириаровской «Новой Европы», Италия уверенно и активно встает под знамена евразийства. Авангард евразийства в Европе – бесспорно, на Апеннинском полуострове.

В подтверждение этому – евразийское турне делегации «Международного Евразийского Движения» во главе с автором этих строк по северной Италии по приглашению итальянских евразийцев, группирующихся сегодня вокруг нового журнала «Эуразия. Журнал геополитических исследований». Это престижное академическое издание, возникшее в прошлом году, является важнейшей площадкой идей в современном итальянском контексте. На страницах журнала соседствуют классики геополитики и евразийства, традиционалисты, представители левых и центристских партий, постмарксистские философы и влиятельные дипломаты (в последнем номере журнала интересный материал бывшего посла Италии в России Серджо Романо). Короткое турне – «un giro» – было наполнено событиями.

Маджента: социал-евразийство

Началось оно с совещания в небольшом городке Маджента с активистами итальянских евразийцев, которые были инициаторами создания вокруг журнала организационной сети. По их мнению, «...евразийство в Италии сегодня вышло за рамки чисто академического круга заинтересованных лиц и имеет множество сторонников среди “i militanti”, т. е. «политических активистов», а также среди молодежи. Русские евразийцы рассказали коллегам из Мадженты специфику структуры «Евразийского Движения», пояснили организационные детали. Группа евразийцев из Мадженты насчитывает более двух десятков активистов, большинство из которых рабочие, хотя есть и студенты, сотрудники крупных банков, программисты и т. д. Лидеры «Международного Евразийского Движения» были поражены этим впервые увиденным феноменом: появлением в Европе евразийского крыла в рабочем движении. Итальянские рабочие первыми увидели в евразийстве его *социальный потенциал*, его противопоставление ультралиберализму и олигархическим тенденциям, его коммунитаристское, общинное измерение. Вместе с принципом интернациональной солидарности, антиглобализмом и верностью национальным и духовным корням. В будущих хрониках евразийства будет записано, что именно Маджента – этот небольшой город цветущей весенней Ломбардии – был пунктом зарождения евразийского рабочего движения, *социал-евразийства*.

Милан: итальянские тезисы

После этого в Милане состоялось главное мероприятие итальянского турне – «Евразийская конференция», приуроченная к выходу номера журнала «Эуразия», посвященного России. Показательны участники конференции. В ней приняли участие главный редактор журнала известный консервативный публицист и геополитик Тиберио Грациани, знаменитый в Италии левый философ пост-марксистского направления Констанцо Преве, и, пожалуй, самый популярный и нонконформистский журналист этой страны Массимо Фини, а также ваш покорный слуга. Такое сочетание имен и позиций для интеллектуального мира Италии явилось сенсацией. По сути, выступающие даже своими именами ломали традиционное представление о «правых» и «левых», «консерваторах» и «прогрессистах». Евразийство объединило всех. В рядах публики царил ажиотаж, и полный зал зрителей производил наэлектризованное впечатление.

Начал конференцию Тиберио Грациани, изложивший концепцию журнала и объявивший о намерении приступить к активной структуризации «Евразийского Движения» в Италии на новой, более систематической организационной основе. По словам Грациани, «евразийство (l'eurasiatismo) представляет собой законченное мировоззрение, которое

отвечает на основные вызовы современности, и в Италии есть все предпосылки для того, чтобы от интереса и симпатий к евразийству перейти к полноценной национальной итальянской структуре, так как евразийские ячейки на сегодняшний день сложились практически во всех крупных городах Италии и во многих небольших городках».

В свою очередь я изложил собравшимся основные моменты современного евразийства «из первых рук», рассказав о «тождестве евразийство = многополярность», о «региональной глобализации», «трансверсальной политологии», «правах народов», «вызове американского неоимпериализма», «постмодерне» и т. д. Свои тезисы я подкрепил наглядными схемами, изображающими «большие пространства» евразийского материка. Главные «большие пространства» – это Большая Европа, исламский мир, «малая Евразия» (Россия + постсоветские страны или их отдельные зоны) и великий Китай. Большая Игра США в XXI веке состоит в том, чтобы не допустить стратегической солидарности между собой этих пространств, так как это означало бы конец американским мечтам о мировой гегемонии, конец PНАC’у (Project for New American Century). Для этого и был начат процесс «цветных революций» на постсоветском пространстве. США создают вокруг России «санитарный кордон», призванный служить буферной зоной между Россией и Европой с одной стороны и Россией и исламским миром и Азией – с другой. Балтийские страны, Украина, Молдова и Грузия, за счет русофобской ориентации своих новых «цветных» режимов, будут служить яблоком раздора. Переворот в Киргизии и события в Узбекистане призваны расчистить американцам стратегическую площадку в Средней Азии для наступления на Иран и Китай, а также для давления на Россию. Нестихающие же конфликты на Северном Кавказе призваны рассорить Россию с исламским миром. При этом США искусственно педалируют через свою агентуру в России фактор «китайской угрозы», чтобы создать напряженность в российско-китайских отношениях. Также США ссорят между собой исламский мир и Европу, демонизируя иммигрантов-мусульман, а с другой стороны – исламский мир и Китай, раздувая уйгурскую проблему. Все это предельно ясно, но критиковать это недостаточно, важно предложить позитивную альтернативу, образ будущего мироустройства. Что и делает евразийство. Евразийство – это конкретный позитивный проект многополярного мира как единственной альтернативы однополярной американоцентричной либеральной империи.

Европейские лидеры совершили грубейшую ошибку, поддержав цветные режимы на постсоветском пространстве – такие как «оранжевый» режим Виктора Ющенко и еще более чудовищный бандеровский режим последовавшей за ним киевской хунты. Придет время и эта зона станет в американских руках тем инструментом, который блокирует поставки евразийских нефти и газа в Европу, без чего экономический рост Европы и стабильность евро будут подорваны. Только тесное российско-европейское сотрудничество способно сорвать эти планы. Но Европа не отдает себе отчета, насколько сильно влияние атлантистской и глобалистской проамериканской агентуры в России. А состоятельного, эффективного и полноценного европейского лобби нет и в помине. Такое антиамериканское и проевропейское лобби было бы крайне актуально и играло на руку самой России. Так я оформил свое «послание к европейцам».

Наши предшественники старались внедрить ценности преמודерна – Традиции – в мир модерна. В этом состоял смысл Консервативной Революции, а также истинный смысл советского зона, расшифрованного в национал-большевистской оптике. Но эти героические попытки потерпели поражение, хотя вместе с ними закончился и сам «модерн». Теперь мы живем в радикально новых условиях – в постмодерне. И мы должны сделать новую попытку – утвердить вечные принципы Традиции, преמודерна в условиях постмодерна. С модерном все кончено, как и с попытками внедрить в него преמודерн. Но с постмодерном все только начинается, и наше поражение отнюдь не так очевидно, как в случае с модерном. Евразийство – это сценарий альтернативного постмодерна, и мы обязаны использовать этот шанс. Для этого надо не закрываться от постмодерна, а напротив, вживаться в него, и формулировать уже в его контексте – радикально новым образом, онтологически и антропологически – свой собственный евразийский вектор, творить свою евразийскую сеть,

конструировать свою евразийскую континентальную виртуальность.

Выступавший следом философ Констанцо Преве, изучающий связи левой социалистической идеологии с геополитическими принципами, к удивлению некоторых собравшихся всецело поддержал евразийский проект, сказав, что «евразийство представляет собой наиболее приемлемую и корректно сформулированную альтернативу американской либеральной гегемонии». Вместе с тем профессор Преве оспорил мой тезис о постмодерне, выразив свое мнение относительно того, что этот переход еще не свершился, и поэтому необходимо поместить евразийскую идею в контекст «высокого модерна», где процессы социальной справедливости и технической модернизации будут сочетаться с идентитаристским дискурсом в вопросах этноса, общин, локальных объединений и традиций. В остальном известнейший итальянский философ полностью согласился с евразийцами и выразил желание тесного сотрудничества с журналом «Эуразия» и с итальянскими евразийскими структурами.

Апофеоз собрания совпал с выступлением Массимо Фини, журналиста, которого итальянцы считают «самым неподкупным и самым влиятельным», обладающим за счет этого невероятной популярностью. В Италии известно, что Массимо Фини «говорит правду», из-за чего у него множество врагов, но и общенациональная слава. Знаменитый журналист в своей речи впервые выразил свое отношение к евразийству, и это отношение было более чем позитивным. Фини в своей речи говорил о корректной постановке актуальной проблемы и верного ее решения, причем приемлемого для чрезвычайно широкого круга людей с самыми различными убеждениями. При этом Фини, так же как и Преве, сдержанно отнесся к теме постмодерна, но к удивлению многих, знающих его как левого журналиста, обрушился на модерн как таковой, призвав всех сплотиться под лозунгами «антимодерна», обращаясь к живому и духовному опыту социального уклада органических общин.

Присутствующие засыпали выступавших вопросами, и конференция превратилась в жаркую живую дискуссию. Устроители в конце конференции с полным основанием заметили, что подобного события с таким накалом страстей и таким уровнем интеллектуальной полемики давно не было в Италии.

Парма: праздник «альпини» и евразийское совещание с профессором Мутти

После конференции евразийцы отправились в Парму для совещания с издателем журнала «Эуразия» профессором Клаудио Мутти, главой издательства «Аль инсеньо дель Вельтро» и известным ученым и филологом. В Парме в этот день проходил национальный слет альпийских стрелков, что-то вроде российского праздника десантников. Десятки тысяч пьяных и веселых итальянцев в альпийских шапках с перьями пели песни, хлопали в хлопушки, дули в трубы и ездили на странных машинах, откуда торчали в небо аляповатые и неузнаваемые объекты. Едва держащиеся на ногах, с выпученными глазами и скрежещущими зубами, они умудрялись каким-то образом сохранять европейскую вежливость и опрятность. Но совещанию они все-таки мешали, заглушая гоготом спокойные речи выступавших.

Тем не менее нам с Клаудио Мутти, двум старым соратникам по традиционализму, удалось обсудить все проекты по новому кругу евразийского ликбеза в Италии. Клаудио Мутти сделал чрезвычайно много для издания и распространения в Италии классиков евразийства – Трубецкого, Савицкого, Гумилева. И именно в его издательстве, в далеком 1990 году, вышла моя первая книга на итальянском – «Континент Россия». Нами был намечен план новых изданий, обсуждены важные геополитические темы, уточнены позиции по геополитике современной Турции, ряд вопросов, связанных с исламом и кавказской проблемой.

Профессор Мутти рассказал в качестве курьеза, что он в последнее время в контексте евразийства тесно сотрудничает с адвокатом-коммунистом, который поведал ему, что некоторое время назад представители ряда крайне левых группировок, с которыми этот

адвокат тесно сотрудничал в прошлом, планировали физически устранить профессора Мутти, как знаковую фигуру итальянского консерватизма. «Так старые противники, – усмехнувшись, сказал профессор Мутти, – приходят к общему пониманию». И добавил без улыбки: «Хорошо, что они все-таки тогда передумали».

Реджо-Эмилия: евразийство и экономика

На следующее утро состоялась конференция в городе Реджо-Эмилия. На этот раз в ней приняли участие Мутти, адвокат Санторо, организовавший эту встречу, и автор этих строк. Я был поражен тем, что в небольшом городе на довольно сложную лекцию о евразийстве и его экономических аспектах собралось несколько десятков слушателей, включая практически всю местную прессу, которые с огромным вниманием выслушали доклады. Судя по вопросам, евразийский «il messagio» вполне дошел до присутствующих. Особенно содержательной была полемика относительно евро и структуры эмиссии европейской валюты. Профессор Савино Фриджьола, признавший за евразийством безусловную научную ценность в экономической сфере – речь шла о Листе, Шумпетере, Перру и т. д. – призвал евразийцев не переоценивать евро до тех пор, пока выпускающие их европейские структуры являются частными. В ходе позднейшей беседы с профессором Фриджьола, автором многих книг на тему структуры денег и монетаризма, оказалось, что он является поклонником Эзры Паунда и его взглядов на экономическую суверенность национального государства в вопросе денежной эмиссии.

Поразительно, но в небольшом городке Реджо-Эмилия в евразийскую структуру сразу же записалось более десятка активистов, ранее интересовавшихся этой темой и окончательно убежденных в актуальности этого направления после выступления Клаудио Мутти.

Модена: первая ячейка Евразийского Союза Молодежи в Италии

Далее по курсу был итальянский город Модена. В нем мы провели сразу несколько мероприятий. Совместно с координатором евразийских структур Стефаном Вернолой я выступил перед местными традиционалистами в центре изучения истории этого итальянского города. Далее состоялась небольшая пресс-конференция. А позже – презентация Евразийского Союза Молодежи. Дело в том, что в этом городе евразийцы были особенно активны, и в их рядах организовалась полноценная молодежная ячейка. Ее-то и посвятили в Евразийский Союз Молодежи, чему молодые итальянские евразийцы были несказанно рады, выразив полную решимость оперативно создать молодежные ячейки по всей Италии. Тем более что такая сеть молодых сторонников традиционализма, любителей альтернативной музыки и эволаизма уже существует. Старые стратегии исчерпаны, и энергетический потенциал евразийства приходится здесь как нельзя кстати. Если Маджента отныне центр итальянского социал-евразийства, евразийства «с трудовым лицом», то Модену следует признать столицей итальянской ветви Евразийского Союза Молодежи.

После презентации ЕСМ в Италии автор этих строк выступил в программе «Геополитика» известного тележурналиста Массимо Галли, которая транслировалась не только на Северную Италию, но через спутник на всю Европу. В прямом эфире я пояснил геополитический смысл событий в Центральной Азии, «цветных революций», рассказал о необходимости и обоюдной полезности геополитического сближения Европы с Россией. Доктор Галли блестяще дополнил все эти высказывания, рассказав о журнале «Эуразия» и «Международном Евразийском Движении», а также о создающихся структурах в Италии. Все следующие дни телефон в студии не переставал звонить, таков был поток желающих примкнуть к Движению.

Верона: хотел ли СССР разбомбить этот город?

На пресс-конференцию в Вероне пришли представители нескольких национальных итальянских СМИ – в частности корреспондент «Коррьере де ла Сера», «RAI-3» и местные журналисты. Из Венеции специально приехали два профессора, чьи ученики, да и сами они, оказывается, активно интересуются евразийством, и они не могли пропустить случая пребывания в Италии евразийской делегации, чтобы выяснить некоторые доктринальные вопросы. Они тщательно задокументировали всю пресс-конференцию и вступили с оживленную и содержательную дискуссию. Станным было только то, что одна журналистка постоянно спрашивала у российских евразийцев, «правда ли, что СССР хотел сбросить на Верону ядерную бомбу?». Мы отвечали, что доподлинно этого не знаем, но вполне могли бы и сбросить. На следующий день в газете вышел отчет про евразийскую пресс-конференцию с таким названием: «СССР хотел сбросить на Верону ядерную бомбу!» и фотографией вашего покорного слуги. Наверное, вот так устроено сознание симпатичных веронских журналисток...

Болонья: пир геополитики

Последнее мероприятие итальянского турне состоялось в Болонье. Там перед публикой, как позже писала пресса, «выступали три геополитика – Александр Дугин, Клаудио Мутти и Карло Террачано». Тот самый Террачано, с именем которого связано оживление геополитики в Италии в 80-х годах¹. Легендарный итальянский геополитик рассказал о своей версии континентальной интеграции по параллелями, дополняющей меридиональную интеграцию². Карло Террачано – наверное, самый последовательный, глубокий и яркий итальянский теоретик евразийства. Он участвовал в легендарных делегациях европейских «новых правых» в Москву в начале 90-х вместе с Жаном Тириаром и другими интеллектуалами, когда закладывались основы российско-европейского сотрудничества в области традиционализма, в эпоху первых номеров «Элементов»³, «правомысленной оппозиции» и жарких боев с атлантизмом. Карло Террачано объяснил, что евразийство является судьбой не только для России, но и для Европы, и для исламского мира. Полностью поддержал стремление итальянских евразийцев к объединению в самостоятельную структуру.

Клаудио Мутти прояснил отношение евразийцев ко вступлению Турции в Евросоюз, подчеркнув значение парадигм постмодерна для большого евразийского дела.

После геополитической конференции и серии интервью было принято окончательное решение о реорганизации сети итальянских евразийцев в полноценную ветвь «Международного Евразийского Движения». Был определен круг ответственных за это лиц и состав итальянского Евразийского Комитета.

¹ Об этом подробнее см. Дугин А. Г. «Основы геополитики» // М.: Арктогея-Центр, 2000.

² Подробно об этом см. Дугин А. Г. «Евразийская Миссия» // Журнал «Еуразия», № 1.

³ Журнал «Элементы. Евразийское обозрение», выпускаемый под редакцией Александра Дугина в период с 1991 по 1999 гг.

Раздел 2. Закрывать Америку

Планетарная Америка

От сверхдержавы – к «Империи»: интеллектуальный императив

Новый мировой либерально-капиталистический порядок, несущий угрозу всем народам и цивилизациям, зиждется на военно-политическом могуществе Соединенных Штатов Америки – единственной сверхдержавы современного мира.

Создание «Империи», как отмечают Антонио Негри и Майкл Хардт в фундаментальной работе «Империя», появление неолиберализма как глобальной политической силы тесно связано с историей США и их политической системы. Саму книгу Антонио Негри⁴ и Майкла Хардта⁵ «Империя» прочли все, кто позиционирует себя как думающих и ответственных людей. Это, безусловно, бестселлер, и рецензии на него вышли во всех самых авторитетных мировых изданиях. Но дело не только в этом. Книга Негри и Хардта «Империя» сразу же стала самостоятельным политологическим концептом XXI века, так же как тексты Самуила Хантингтона «Столкновение цивилизаций» и «Конец Истории» Фрэнсиса Фукуямы. Во всех трех случаях речь идет об обобщении основополагающих тенденций развития мировой истории, о содержании и судьбе «нового мирового порядка», об «образе будущего». Лаконичность, афористичность, ответственность и программный характер всех трех текстов делает их своеобразными интеллектуальными вехами нового глобального мира. Но если Фукуяма – оптимист глобального либерального проекта, Хантингтон – пессимист, то Негри и Хардт выступают его идеологическими противниками, признавая тем не менее его фундаментальность и историческую обоснованность.

По сути, эти имена – Хантингтон, Фукуяма, Негри/Хардт – стали на заре нового века основными вехами интеллектуальных дискуссий, это имена-концепты, и поэтому знакомство с ними является категорическим императивом. Сами авторы «Империи» жестко позиционируют себя как «критиков», «противников Системы». И обращаются они к таким же, как они – к «обездоленным», «множествам», «бедным», «новому пролетариату». Т. е. к эксплуатируемому и угнетаемому «новой капиталистической системой», к тем, кто «лишен наследства» в ней. Восторженно встреченная левыми книга Негри и Хардта была поспешно окрещена «постмодернистической версией Коммунистического Манифеста». Сами авторы «Империи», видимо, так замыслили свой труд – краткие тезисы антикапиталистической теории в эпоху постмодерна.

Понятие «Империя» является ключевым концептом всей книги. В этом понятии выражено представление авторов о качестве новой эпохи, связанной с постиндустриальным обществом и постмодерном. Негри и Хардт стоят целиком и полностью на постмодернистских позициях, считая исчерпанность идеологического, экономического, юридического, философского и социального потенциала «модерна» свершившимся и необратимым фактом. «Модерн» закончился, наступил «постмодерн».

Авторы наследуют в основных чертах марксистскую модель понимания истории как борьбы Труда и Капитала, но убеждены, что в условиях постмодерна и Труд, и Капитал видоизменяются почти до неузнаваемости. Капитал становится настолько всесильным,

⁴ Антонио Негри из двух авторов этой книги известен гораздо больше: он старинный деятель крайне левого анархо-коммунистического европейского движения. Активно сотрудничал с «Красными Бригадами», считался их идеологом. Он опубликовал много книг и статей, был тесно связан с французскими гошистами и «новыми левыми». Биография в данном случае важна: она фундаментализирует позицию автора, удостоверяет серьезность и обоснованность его критики «нового цикла капитализма». Негри за это заплатил.

⁵ Майкл Хардт – философ, академический деятель, профессор, знаток постструктуралистской философии. Скорее всего, ему в данной работе принадлежат историко-философские пассажи – наиболее трудные, впрочем, для читателя.

могущественным и побеждающим, что приобретает глобальные черты, отныне является «всем», тотальным явлением. Он и есть «Империя». Итак, «Империя», по Негри и Хардту, это очередная (скорее всего, последняя и наивысшая) фаза развития капитализма, характерная тем, что в ней капитализм становится тотальным, глобальным, безграничным и вездесущим.

Труд, бывший на индустриальной стадии качеством промышленного пролетариата, сегодня децентрирован и разлит по нескончаемым единицам тех, кто находится в подчиненной позиции перед лицом вездесущего и утонченного контроля «Империи». Носителем Труда в эпоху постмодерна становится не рабочий класс, но «множество» (multitude). Между «Империей» и «множеством» разворачивается основной сценарий противостояния.

В постмодерне все изменилось – по-новому выступает капитал, по-новому труд, по-новому разворачивается между ними противостояние. Вместо «дисциплины» капитал использует «контроль», вместо политики – «биополитику», вместо «государства» – планетарные сети. Капитализм в Империи замаскирован, освобожден от тех атрибутов, которые считались существенными в индустриальную эпоху. Растворяется государственная, отменяется строгая «иерархия труда», стираются границы, упраздняются межгосударственные войны и т. д. Но все же «Империя» все держит под контролем и продолжает изымать у «множества» продукты его творчества. Этот контроль «Империи» имеет планетарные формы и одинаково касается всех.

Согласно Негри и Хардту, политическая структура США, федерализм и американская демократия изначально представляли собой матрицу той социально-экономической модели, которая сегодня становится (или уже стала) глобальным явлением. В самой основе американской «политической науки» был заложен постмодернистический принцип «Империи» – этим термином Негри и Хардт именуют современную, скорее всего, последнюю и наивысшую фазу развития капитализма, характерную тем, что в ней капитализм становится тотальным, глобальным, безграничным и вездесущим.

Негри и Хардт настаивают, что «Империя» не имеет ничего общего с империализмом эпохи модерна, Нового времени. Классический империализм, как он описан у Ленина, есть экспансия буржуазных национальных государств в слаборазвитые экономически страны и зоны. Такой империализм, приращивая подконтрольные территории, не меняет качества самой метрополии – само буржуазное государство лишь эксплуатирует колонию как нечто «постороннее», «внешнее». Кроме того, империализм одного государства неизбежно сталкивается с империализмом другого – что мы и видим в драматической истории мировых войн XX века.

«Империя» нынешней постмодернистской эпохи – это нечто иное. Структура «Империи» такова, что включает любую зону, попавшую под контроль «Империи», в ее состав наряду с другими пространствами. «Империя» децентрирована, она не имеет метрополии и колоний, она заведомо и изначально планетарна и универсальна. «Империя» не знает никаких границ, она является мировым явлением. Глобализация и есть утверждение «Империи».

«Томас Джефферсон, авторы журнала “Федералист” и другие идеологические основатели Соединенных Штатов вдохновлялись древней имперской моделью; они верили, что строят на другой стороне Атлантики новую Империю с открытыми, расширяющимися границами, где власть будет создаваться по сетевому принципу. Эта имперская идея выжила и вызрела через историю американской Конституции и сегодня проявила себя в планетарном масштабе в полностью реализованной форме», – пишут Негри и Хардт.

Важно обратить внимание на понятие «расширяющихся границ». Сам Джефферсон говорил о «расширяющейся империи» (extensive empire).

Вера в универсальность своей системы ценности лежит в основе политической истории Соединенных Штатов.

Негри и Хардт подробно останавливаются на уникальности исторического опыта США, которые сделали именно эту страну матрицей, воспроизводимой сегодня в глобальном масштабе. Европейские державы, двигающиеся в том же направлении модерна – индивидуализм, индустриальное и техническое развитие, капитализм и т. д., – были ограничены своей историей и своим пространством. Их движение к идеалу модерна постоянно натывалось на внутренние социальные, сословные, этнические, экономические преграды, что усугублялось враждебностью и конкуренцией соседних держав. И время, и пространство стран Европы на пути к реализации проекта Просвещения были ограничены, наполнены преградами. Создатели США как носители европейского проекта в его чистой форме (мессианский протестантизм и либеральная демократия) оказались в радикальной ситуации – они действовали с нуля (история осталась в Старом Свете) и на пустом пространстве.

Негри и Хардт уточняют, что североамериканское пространство было на самом деле не таким уж пустым – на нем существовала древняя индейская цивилизация. Но энергия колонизаторов и их решимость осуществить лабораторный проект общества «чистого модерна» легко преодолели это препятствие: индейцев приравнивали к «недолюдям», к своего рода «природным явлениям», «колючкам», и стали поступать так, как будто их нет (в определенных случаях прибегая к прямому массовому геноциду). В этом логика постмодернистской «Империи»: она способна состояться только на «пустом месте», «с нуля», расширяя свои пределы во всех направлениях.

Когда речь зашла об отвоевании Калифорнии и Нью-Мексико, американцы заговорили о Manifest Destiny, т. е. «явном предназначении», которое состояло в том, чтобы «нести универсальные ценности свободы и прогресса диким народам».

В истории США Негри и Хардт выделяют четыре периода вызревания концепта «Империи»:

- 1) от принятия «Декларации Независимости» до Гражданской войны;
- 2) т. н. «эпоха Развития» и особенно постепенный переход от «классической», европейской по типу, империалистической теории Теодора Рузвельта к интернациональному реформизму Вудро Вильсона;
- 3) от эпохи «New Deal» и Второй мировой войны до середины 60-х (пик холодной войны);
- 4) от социальных трансформаций США 60-х до распада Восточного блока и СССР.

«Каждая из этих основополагающих фаз истории развития США представляет собой шаг в сторону реализации Империи», – заключают авторы.

Американская модель внутреннего социально-политического и экономического устройства отражает основные черты постмодерна. И не случайно именно США становятся историческим лидером всего капиталистического мира, оставляя Европу и другие страны далеко позади. США создали общество, в котором «модерн» существует в своем чистом – почти утопическом – виде, это лабораторная реализация идеала Нового времени, капитализм в его чистейшей стадии. Поэтому «Империя», будучи по определению планетарной и сетевой, генетически связана с США. По сути, США есть ее генетическая матрица.

Негри и Хардт подчеркивают тесную взаимосвязь политических основ США с идеей «экспансии» и «открытых границ». США не могут не расширять своего контроля, так как представление об «открытых границах» и «универсальности» собственных ценностей является важнейшей чертой всей системы. Когда собственно североамериканское пространство был освоено, власти США были поставлены перед серьезной дилеммой: либо действовать как империалистическое государство (линия Рузвельта и правых республиканцев), либо – и здесь самое интересное! – рассматривать мир как «пустое место», подлежащее интеграции в единую структуру сетевой власти (эти идеи были сформулированы президентом Вудро Вильсоном и поддерживаются демократической партией). Эта планетарная сетевая власть не ставит перед собой задачи прямого колониального завоевания – просто различные зоны включаются в общую систему ядерной

безопасности, в систему свободного рынка и беспрепятственной циркуляции информации. В таком случае «Империя» не борется с «другим», не перелаживает иную систему ценностей, не подавляет сопротивление, не переделывает и не перевоспитывает «побежденного», но поступает с ним как «индейцами» – «вежливо игнорирует» их особенности, их отличие. «Через инструмент полного невежества относительно особенностей национальных, этнических, религиозных и социальных структур народов мира “Империя” легко включает их в себя». Империалистический подход модерна унижал противника (колонизируемые народы), но все же признавал факт его существования. Постмодернистическая Империя безразлична даже к этому факту, она не уделяет ему внимания: все пространство планеты является открытым пространством, и выбор «Империи»: ядерная мощь, свободный рынок и глобальные СМИ – представляется само собой разумеющимся. Чтобы включить страну, народ, территорию в рамки «Империи», их не надо завоевывать или убеждать, им надо просто продемонстрировать, что они уже внутри нее, так как «Империя» самоочевидна, глобальна, актуальна и безальтернативна.

Роль США в создании «Империи» двойственна. С одной стороны, «Империя» создается США и основывается на их матрице. Этому способствует и то, что основы национальной политики США с момента основания точно совпадают с той моделью, которая отныне утверждается как нечто планетарное. Но «Империя» вместе с тем и преодолевает национальные американские рамки, выходя за пределы «классического империализма». США укрепляются как проект, расширяясь далеко за рамки национального государства. Америка перерастает Америку, становится планетарной.

Весь мир становится глобальной Америкой. И здесь можно наметить тему, не освященную авторами «Империи»: противоречия в американском истеблишменте между сторонниками «империализма» и «Империи» в новейших условиях. Жесткость этих противоречий особенно обнаружилась в период правления республиканца Джорджа Буша-младшего и демократа Барака Обамы.

«Империя» против множества

Глобалистский сценарий, проект «глобальной Америки», распространившейся на весь мир, подразумевает новые, свойственные эпохе постмодерна отношения между властью и обществом, трудом и капиталом – которые, впрочем, не отменяют (лишь переводят в другую форму) эксплуатацию и отчуждение, родовые признаки классического капитализма. «Империя» сохраняет генетическую и историческую связь с модерном – она лишь абсолютизирует потенции, заложенные в буржуазной системе изначально, доводит их до логического предела.

В постмодерне вместо «дисциплины» капитал использует «контроль», вместо политики – «биополитику», вместо «государства» – планетарные сети. Капитализм в Империи замаскирован, освобожден от тех атрибутов, которые считались существенными в индустриальную эпоху. Растворяется государство-нация, отменяется строгая «иерархия труда», стираются границы, упраздняются межгосударственные войны и т. д. Но все же «Империя» все держит под контролем и продолжает изымать у «множества» продукты его творчества. Этот контроль «Империи» имеет планетарные формы и одинаково касается всех.

Труд, бывший на индустриальной стадии качеством промышленного пролетариата, сегодня децентрирован и разлит по нескончаемым единицам тех, кто находится в подчиненной позиции перед лицом вездесущего и утонченного контроля «Империи». Носителем Труда в эпоху постмодерна становится не рабочий класс, но «множество» (multitude).

Между «Империей» и «множеством» развертывается основной сценарий противостояния.

«Империя» имеет три уровня контроля одновременно, соответствующие монархической, аристократической и демократической формам правления. Монархии

соответствует концентрация ядерного оружия, Дамокловым мечом висящего над головой «множества», в едином центре. Аристократия империи представлена владельцами крупных транснациональных корпораций. Демократия подменена планетарным спектаклем, воплощенным в системе масс-медиа.

По мнению Негри и Хардта, «Империя», в отличие от классического капитализма, сегодня присваивает не столько прибавочную стоимость, т. е. результаты производительного труда, сколько саму «жизненную энергию» «множества». В новых условиях технического развития грань между производительным, непроизводительным трудом и простым воспроизводством стерта, считают авторы. Эксплуатации сегодня подвергается сама неструктурированная жизненная сила, равномерно разлитая в человеческом коллективе и свободно проявляющаяся в стихии желания, любви и творчества.

Суть «Империи» в коррупции. Коррупция (разрушение) как принцип является прямой противоположностью «генерации» (порождению). «Множество» порождает, «Империя» только коррумпирует. «Империя» есть вечный кризис, она разлагает жизнь, остужает ее кипение, узурпирует для своего функционирования через тонкую систему контроля стремление «множества» к свободе, его желание, его креативность.

Так как умственный труд сегодня играет центральную роль в экономическом развитии, роль средств производства существенно видоизменилась.

Главным средством производства становится человеческий мозг, следовательно, машина интегрирована в человеческое тело. С другой стороны, новые технологические средства – компьютерная техника, к примеру, – становятся необходимой частью человеческого тела и в скором будущем смогут быть в него интегрированы. Отсюда теория «киборга» как основного субъекта «Империи». Киборг, по мнению Негри и Хардта, это такое существо, в котором субъект труда – человек – и орудие труда интегрированы и слиты до неузнаваемости. Поэтому современному капиталу недостаточно собственности над средствами производства, а прямые дисциплинарные инструменты властвования классического полицейско-экономического типа оказываются неэффективными. «Империя» должна контролировать всю сеть, элементами которой являются люди, представители «множества».

Восстание большинства

Что противопоставляют Негри и Хардт «Империи»? Как предлагают бороться с ней?

Их предложение можно разбить на две составляющие. Вслед за другими новыми левыми – Бодрийяром, Делезом и т. д. – они совершенно справедливо утверждают, что характер изменений, запечатленных в эпохе постмодерна, необратим и объективен. «Империя» и ее могущество не случайны, не произвольны. Они обусловлены логикой развития человечества. Это не девиация прогресса, но его кульминация.

Западноевропейское человечество, двигаясь по траектории своего философского, социального, экономического и политического развития, не могли не прийти к Просвещению, к капитализму, к империализму, и, наконец, к постмодерну и «Империи». Следовательно, «конец истории» в глобальном рынке вполне закономерен вытекает из самой структуры истории. Тем, кто ужасается чудовищным горизонтам тотального планетарного контроля и новым формам эксплуатации, Негри и Хардт советуют обратить внимание на настоящее и прошлое: можно подумать, что капитализм был более гуманным и справедливым на иных стадиях.

Главный вывод: «Империи» избежать нельзя, затормозить ее становление, укрыться в «локальном» невозможно. Буржуазные государства-нации не являются альтернативой «Империи», они просто ее предшествующие стадии. Следовательно, противники «Империи» должны распрощаться с привычными клише, отбросить устаревшие концептуальные инструменты и расстаться с ностальгией. Мутация модерна в постмодерн, а также качественное видоизменение Труда и Капитала, – это свершившийся факт, с которым нельзя

не считаться. «Империя» – это реальность. В этом смысле с Негри и Хардтом едва ли можно спорить, даже если они немного забегают вперед. Не сегодня, так завтра.

Но в отношении позитивной альтернативы авторы намного скромнее. Она описана крайне приблизительно и вопросительно, и сами авторы постоянно делают оговорки, что пока не знают ответа. По их мнению, аналогом рабочего класса как объекта эксплуатации и субъекта революции (в классическом марксизме) сегодня являются просто люди – «большинство». Так как в условиях технического развития и глобализации капитала разница между производительным и непроизводительным трудом стерта, то трудом следует признать саму жизнь и ее телесные мотивации – желание, воспроизводство, креативность, случайные влечения. Разница между работой и отдыхом, полезными и бесполезным, делом и развлечением постепенно исчезает: остается только живые люди перед лицом коррупционной системы. «Множество» само и есть сегодня Труд. А «Империя» – капитал.

Методы борьбы против «Империи» Негри и Хардт предлагают совсем уж смешные: отказ от последних половых табу, креативная разработка эпатажных образов, пирсинг, ирокез, транссексуальные операции, культивация миграций, космополитизма, требование от «Империи» оплаты не труда, но простого существования каждого гражданина земли, а гражданами земли должно стать все «множество». Сами авторы «Империи» показывают, что позиция «множества» в условиях постмодерна по сути совпадает с «Империей» – именно «Империя» дает «множеству» быть самим собой, она эксплуатирует «множество», с одной стороны, но и учреждает, поддерживает его, способствует его дальнейшему освобождению – с другой. В «Империи» «множество» находит, таким образом, многие положительные черты, возможности, которые оно призвано использовать для своих интересов. Авторы в качестве параллели такому повороту мысли приводят отношение самого Маркса к капитализму – Маркс признавал его прогрессивность по отношению к феодальному и рабовладельческому строю, но вместе с тем выступал от имени пролетариата как его самый непримиримый противник. Так и Негри и Хардт относятся к «Империи» – они показывают ее прогрессивные стороны по отношению к классическому индустриальному капитализму, но полагают, что она несет в себе свой собственный конец.

Одним словом, их проект сводится к тому, чтобы не тормозить «Империю», но, напротив, подталкивать ее вперед, чтобы быстрее оказаться свидетелем и участником ее финальной трансформации. Эта трансформация возможна через новое самосознание и самочувствие, через обретение нового онтологического, антропологического и правового статуса жизненным и созидательным хаосом раскрепощенных мировых толп, большинства, которое призвано ускользнуть от тонкой и жесткой коррупционной хватки планетарной «Империи».

Мир, где нас нет

Для россиянина знакомство с такими трудами, как «Империя» Негри и Хардта (равно как и с текстами Хантингтона, Фукуямы, Бжезинского, Волфовица и т. д.) подобно освежающему душу. Это оздоровительное, терапевтическое чтение. Когда мы читаем о мире, который то ли уже состоялся, то ли вот-вот состоится, нас одолевает здоровая оторопь: «Постойте, о чем это они? А как же мы? А наши проблемы?»

Да, действительно, ответственная мировая мысль, озабоченная реальными и весомыми процессами, все чаще забывает делать реверансы в сторону «локальных» жителей, погруженных в свои частные проблемы, обдумывающих аксиомы прошлых эпох, оперирующих терминами, утратившими всякое соответствие с исторической реальностью. Авторы «Империи» уделяют СССР несколько строк, название России вообще не упоминается. Противников «Империи» мы отныне не интересуем. Еще менее интересуем мы ее апологетов.

А между тем на глазах вырастающий глобальный мир – это совершенно реально и всерьез. И, как справедливо показывают Негри и Хардт, этот мир создается «как бы на

пустом месте». «Локальности», «особенности», «национальная, этническая, культурная» самобытность – все это в нем вежливо игнорируется, либо рассматривается как фольклор, либо помещается в резервацию, либо, увы, подвергается прямому геноциду. «Империя» создается на пустом пространстве, в ее сеть включаются только те, кто ей же и постулируется. Иными словами, «Империя» не имеет дело с государствами и народами, она предварительно крошит их до качественного «множества», а потом включает в потоки миграции. Апологеты «Империи» пытаются упорядочить миграцию, ее противники – такие как Негри и Хардт – сделать абсолютно свободной. Но русскому человеку и то, и другое в целом мало симпатично.

Мы как-то постепенно, не отдавая сами себе в этом отчета, оказываемся в совершенно новом для нас пространстве и в совершенно новом времени. В «Империи» киборги не фантастика, а реальность новой антропологии, мировое правительство – не конспирологический миф, но общепризнанный правовой институт и т. д.

«Империя» приходит не извне, она прорастает сквозь, она обнаруживает свои сетевые узлы сама собой, и постепенно мы интеллектуально, информационно, экономически, юридически, психологически оказываемся интегрированными в нее. Но эта интеграция означает полную утрату идентичности. Об этом Негри и Хардт говорят вполне определенно, что проект «Империи» означает постепенную утрату этнической, социальной, культурной, расовой, религиозной идентичности. Но по их мнению, «Империя» способствует этому процессу недостаточно быстро, революционный проект требует еще более ускоренного превращению народов и наций в количественное космополитическое большинство. Но даже если отвлечься от такой революционной позиции, сама «Империя» основана на том, что не признает никакого политического суверенитета ни за какой коллективной сущностью – будь то этнос, класс, народ или нация. На то она и «Империя», чтобы постулировать тотальность и вездесущность своей власти.

В то же время Негри и Хардт с какой-то фатальностью правы в том, что простая ностальгия ни к чему не приведет. Да, сегодня мы русские, живем в России. Пока еще русские, пока еще в России. Сколько еще это продлится?

«Империя», однако, уже здесь. Здесь и сейчас. Ее сети пронизывают наше общество, ее лучи нас регулярно сканируют, ее передатчики планомерно и непрерывно ведут свое вещание.

Революционный проект Негри и Хардта, их альтернатива, их отказ нам явно не подходят. Нам нужен иной отказ – Великий Отказ, нам нужна иная альтернатива – могучая и серьезная. Соответствующая нашему духу и нашим просторам. Нам нужна ни больше, ни меньше как Иная Империя. Своя. Без нее нам не нужно ничего.

От понимания этого факта зависит, сохранится ли Россия как суверенная держава, способная проводить самостоятельный политический курс.

В самом определении «политики», по мысли немецкого философа и юриста Карла Шмитта, уже содержится изначальное деление на «друзей» и «врагов», которое и формирует в дальнейшем все остальное. В нашем конкретном случае ситуации начала XXI века Россия должна политически определиться в первую очередь в отношении глобализации – это «друг» или «враг»?

Как ответить на вызов?

Продолжение политики

И если глобализм – враг, то как и каким образом от него защититься? Политическая стратегия в отношении нового мирового порядка предопределит и военную доктрину России. Фраза Клаузевица, назвавшего войну продолжением политики, до сих пор вполне актуальна.

Структура Вооруженных Сил России не является изолированной самостоятельной темой и формируется исходя из того *геополитического и международного статуса*, который будет иметь наша страна в ближайшем будущем. А это на данный момент – открытый вопрос. *Россия должна ответить на целый ряд существенных геополитических вызовов*, и от того, какой вариант ответа она изберет, будет зависеть вектор, качество и этапность военного строительства державы.

Главным вызовом для России в XXI веке является тенденция глобализации, фактор глобализма. Эта тенденция предполагает процесс постепенной передачи стратегических полномочий управления от национальной администрации к транснациональным инстанциям, где основную роль будут играть США и близкие к ним страны «богатого Севера». Как уже было сказано выше, сами глобалисты описывают этот процесс как «объективный», «прогрессивный», «сам собой разумеющийся», но при этом налицо следующий факт: глобализация предполагает в качестве обязательного условия всеобщую стандартизацию экономики, политики, культуры под американский эталон и признание стратегической доминанции американских интересов в планетарном масштабе. По сути, глобализация есть десуверинизация всех стран, введение внешнего управления. От того, как российская власть отнесется к складывающейся «Империи», и зависит судьба «главных союзников» России – ее армии и флота: структура вооруженных сил не является изолированной самостоятельной темой и формируется исходя из того *геополитического и международного статуса*, который будет иметь наша страна в ближайшем будущем. А это на данный момент – открытый вопрос. Возможны три варианта ответа на него.

Первый вариант ответа на вызов глобализации: полное ее приятие. Совершенно очевидно, что, приняв такой сценарий, сказав глобализации «да», Россия должна подстроить под этот критерий свои Вооруженные Силы. Такой вариант предполагает *полный отказ от стратегических видов вооружений* (или, по меньшей мере, передачу стратегического оружия под американский контроль), превращение всей системы российских вооруженных сил (ВС) в модернизированную *«региональную полицию»* – т. е. укрупненную версию войск МВД. Задачи таких ВС в рамках глобализации будут заключаться в осуществлении полицейского контроля над теми территориями, которые «мировое правительство» выделит России в качестве ее квоты в согласии с общей моделью военно-стратегического проекта в планетарном масштабе. Т. е. российская армия станет локальным подразделением глобальной армии.

Именно к этой модели реструктуризации ВС были направлены конкретные действия по реформированию армии с приходом в начале 90-х годов в РФ к власти либерал-демократов, западников. Тот факт, что полностью искомого результата достичь не удалось, можно объяснить лишь силой инерции советской армии, которая была построена для реализации совершенно иных задач. И тем не менее значительная часть российской политической элиты, ориентированная на глобализацию, до сих пор понимает «военную реформу» именно в таком ключе: *отказ от стратегических видов вооружений и переход к компактной модернизированной профессиональной армии «полицейского типа»*.

Второй вариант ответа на вызов глобализации: региональная глобализация, империи «больших пространств». Этот *ответ на вызов глобализации состоит в концепции многополярного мира*. Здесь вместо единоличной доминанции англосаксонских ВС и полной стратегической десуверинизации большинства стран мира предполагается система нового стратегического баланса, где несколько *«больших пространств»* обретают относительную независимость друг от друга, которую они способны *подтвердить на практике* – в том числе и своим военным потенциалом. Данная модель также предполагает определенную степень «глобализации» – но на сей раз *глобализации частичной, относительной, «региональной»*. Здесь возникает не одна «Мировая Империя», но несколько *империй*, каждая из которых уравнивает другие. В данном случае также происходит частичная десуверинизация отдельных стран, но не в пользу одного единственного полюса планетарной власти («мировое правительство»), а в пользу региональной инстанции – наподобие

Европарламента или других руководящих органов Евросоюза.

В такой картине будущего российские ВС должны ориентироваться на совершенно иную модель. Здесь на первый план выходят стратегические виды вооружений – стратегическая авиация, ракеты средней и большой дальности с ядерными боеголовками, ядерные подводные лодки, авианосцы, система противоракетной обороны, космическое оружие, активная инновация в видах вооружений стратегического профиля («умное оружие», биохимическое оружие, разработки тектонических и лазерных технологий и т. д.).

Для реализации модернизации у самой России едва ли достанет собственного потенциала, и опыт СССР показал, что развитие этих видов вооружений на должном уровне *в одиночку* приводит страну к экономическому перегреву и позже к краху. Именно поэтому модернизация стратегического сектора ВС России в модели многополярного мира должна проходить *в тесном сотрудничестве с другими «большими пространствами»* – Евросоюзом, странами Азии (Япония, Китай, Индия, страны тихоокеанского региона), исламскими государствами, Израилем и Турцией, а также – в особом формате – и с США. Задача выхода на уровень полноценной стратегической субъектности в многополярном мире решается только за счет того, что Россия подключит к этому процессу *внешний ресурс* – экономический и технологический. Так как США сделали ставку на однополярную модель, то ожидать от них прямой помощи в этом вопросе не приходится. Но вместе с тем американское «большое пространство» может превратиться в настоящего партнера России, начиная с того момента, когда развитие иных полюсов – европейского, азиатского и собственно евразийского (российского) – достигнет определенного *критического порога*, за которым стратегическая доминация США будет надежно локализована в замкнутом пространстве между Тихим и Атлантическим океанами. До этого времени стратегическое развитие ВС России может осуществляться через процесс активного обмена с соседними «большими пространствами» *российского военного потенциала на экономический и технологический эквивалент*. Если Россия поставит перед собой задачу активно способствовать превращению Евросоюза, Азии и исламского мира в мощные и самостоятельные *ядерные империи* – через всестороннюю пролиферацию собственного ядерного оружия, – полученные от этого средства могут быть затрачены на осуществление стратегического рывка в области модернизации собственных евразийских ВС, что приведет к новому превосходству и отрыву России от конкурентов, но уже на качественно высшем уровне. Понятно, что это рискованное мероприятие, так как, идя на такой шаг, Россия по собственной воле наделяет более слабых в военном смысле партнеров важными козырями, которые впоследствии могут быть использованы и против нее самой. Но рывок в модернизации всегда предполагает определенный риск, именно на такой риск пошло сталинское руководство, интенсифицировав в 30-е годы промышленные, технологические и военно-стратегические контакты с гитлеровской Германией, что в результате привело к резкому повышению боеспособности СССР накануне Великой Отечественной войны.

Третий вариант ответа на вызов глобализации: поддержание статус-кво. Третий вариант ответа на глобализацию состоит в том, чтобы *настаивать на сохранении статус-кво*. Россия остается ядерной державой и не спешит демонтировать свой ядерный потенциал, но и не наращивает его; модернизирует свои ВС в том формате, на который хватает ее внутреннего потенциала; не погружается в глобализацию, но и не бросает США вызова; взаимодействует с другими державами в военной сфере, но не идет на риск «ядерной пролиферации». Этот инерциальный сценарий на практике приведет к следующему: отставание России в стратегической сфере будет возрастать, а вооружение устаревать; США постепенно укрепят свою мощь до такого состояния, что смогут навязать «новый мировой порядок», не опасаясь больше сопротивления ни с чьей стороны; многополярность не состоится, так как остальные «большое пространства» подпадут под англосаксонский стратегический контроль без такой внешней уравнивающей базы, которую до сих пор представляет собой Россия.

По сути, этот третий вариант ответа на глобализацию представляет собой разновидность согласия с глобализацией – только не мгновенного и добровольного, а отложенного, постепенного и «объектного».

Три модели Вооруженных сил России

Три сценария ответа на вызов глобализации порождают соответственно три базовых модели ВС России в XXI веке. Эти модели, безусловно, могут корректироваться в деталях, когда мы перейдем к рассмотрению более локальных угроз – вызовов, которые исходят непосредственно от ближайшего окружения России – стран СНГ, Китая, Афганистана, Турции, Ирана, стран Балтии и Восточной Европы. И наконец, определенное влияние оказывает на структуру ВС и внутренняя обстановка в стране – межэтнические и межконфессиональные конфликты, сепаратизм, экономический, социальный и политический факторы. Но здесь следует постоянно иметь в виду *качественное различие* этих факторов: самой масштабной системой, предопределяющей основной контекст реформирования российских ВС, является *ответ на вызов глобализации* – в зависимости от этого ответа избирается главный вектор дальнейшего развития, который предопределит все остальное, задаст рамочные условия, отныне неизменные. Региональные угрозы и вызовы будут вписываться уже в тот контекст, который сложится из ответа на вызов глобализации, и соответственно, сама *шкала приоритетов среди угроз будет меняться*.

К примеру, если будет избрана ориентация на *ускоренную глобализацию*, трения у России возникнут вероятнее всего с теми странами, которые *этот темп оспаривают*, а то и вовсе отвергают сам процесс. В таком случае России следует готовить ВС к возможному региональному конфликту с оппонентами США в Евразии – с Ираном, Китаем и т. д. А такая ориентация на вероятные угрозы неминуемо скажется на самой структуре вооружений.

Если Россия предпочтет просто оттягивать глобализацию, настаивая на сохранении национальной государственности в том виде, в котором она существует на данный момент, резко возрастает значение возможных региональных конфликтов, которые перестанут осознаваться как элементы большой геополитической игры, и *их природа будет анализироваться в чисто локальном контексте*. Такой подход к анализу ситуации также влечет за собой модификацию всей структуры российских ВС, которые следует в таком случае готовить к максимально широкому спектру возможных военных угроз регионального характера.

И наконец, если однополярная глобализация будет отвергнута, то окружение России превращается преимущественно в потенциальных союзников, и угроза может исходить только от тех стран, которые накрепко связали свою геополитику с американским курсом: в таком случае неминуемо обострятся отношения со странами Балтии, Польшей, некоторыми странами СНГ. При таком развороте событий собственным военным потенциалом этих стран можно пренебречь, отдавая себе отчет, что за этим фасадом России предстоит столкнуться – при самом негативном исходе – с военной мощью самих США (прямо или косвенно).

Один из возможных союзников

Говоря о потенциальных союзниках России в построении многополярного мира, отметим, что исламский мир сегодня как никогда нуждается в *политическом весе* нашей страны. Ислам несовместим с глобализмом и американской доминацией на уровне *ценностных* систем: либерально-демократическая светская индивидуалистическая модель, активно навязываемая США – в том числе и исламским странам, – бьет в самое сердце многовековой идеологии, культуры, этики мусульман, угрожает их идентичности. Антиамериканизм исламского мира – это в первую очередь *конфликт ценностей*, а не конфликт интересов, отчаянная борьба за сохранение мусульманами своей религиозной и цивилизационной идентичности. Уже *само становление России на многополярные*

антиглобалистские позиции откроет широкое поле российско-исламского альянса . Участниками такого альянса могут быть различные силы исламского мира – отдельные исламские государства, религиозные движения и партии, национальные и благотворительные организации и т. д. Здесь важно, чтобы Россия выступала в этом процессе с *прагматических* позиций – не навязывая, в отличие от США, своих предпочтений в отношении того, с какими направлениями ислама она готова сотрудничать, а с какими нет. *В той мере, в какой исламский мир противостоит однополярной модели, в той мере он является объективным союзником России* , по крайней мере до тех пределов, пока не затронуты интересы национальной безопасности, культурно-политической идентичности и территориальной целостности самой России.

Возможные геополитические альянсы рассмотрим на примере контактов России и Турции – страны, которая долгое время была флагманом исламского мира, а в последние годы вновь стала играть активную роль не только в региональной, но и мировой политике.

Раздел 3. Ось Москва – Анкара

Евразийство как общая платформа

Для того чтобы понять евразийскую позицию по отношению к Турции, необходимо предварительно дать общее изложение того, что такое «Евразийство», «Евразия», «Евразийский процесс», «Евразийский проект».

Евразийство – это мировоззрение, политическая философия и стратегический подход, который изначально возник в среде русской эмиграции в 20-е годы XX столетия. Тогда и возник этот термин – *евразийство*. Русские философы, такие как Трубецкой, Савицкий, Алексеев, Сувчинский, заложили основу этого мировоззрения. Смысл *евразийства* заключается в том, что он рассматривает историю России не только как дело славян, но в значительной степени и как дело тюрков. Фундаментальный труд Трубецкого по евразийству назывался «Наследие Чингисхана».

Для изначального евразийства было характерно такое явление, как *тюркофилия*, довольно редкое в российской политической мысли. Евразийцы считали, что Россия и другие крупные евразийские империи, в первую очередь Турецкая империя, Оттоманская империя, представляют собой не просто страны, но цивилизации, отличные как от Востока, так и от Запада. Основная идея евразийских классиков заключалась в том, что славянские и тюркские народы должны выковать общую платформу, общий стратегический проект перед лицом давления не только Запада, но и других восточных, азиатских государств. В середине 80-х годов мы возродили эту прерванную традицию и создали неоевразийское движение, которое постепенно набирает в России огромную силу, становясь повальным увлечением большинства наших мыслящих людей, интеллигенции, в значительной степени – власти.

Президент Путин еще в начале своего правления, сразу же после инаугурации на первый срок, провозгласил: «Россия – это евроазиатская страна». Для тех, кто понимает смысл этого понятия, это очень серьезное признание, которое означает, что Россия будет искать свой собственный путь, в том числе и в вопросах стратегии, дипломатии, экономики между Западом (США, НАТО, Европой) и Азией, Востоком. То есть будет отстаивать свою идентичность, свою самобытность перед лицом вызовов глобализации и давления разных сопредельных цивилизаций. Этот неоевразийский проект, по сути, обрисовал контуры совершенно специфической, новой стратегии для России, а также для других сопредельных государств в новом тысячелетии. Речь идет о том, что в наших условиях необходимо соблюсти свою собственную суверенность путем создания определенных стратегических, политических, экономических и военных блоков. Ни одно из современных государств, даже таких больших, как Россия, Франция, Германия или Турция, не способно сохранить в условиях глобализации суверенность. Происходит процесс «десуверенизации» национальных государств. Ответить на это, сохранить суверенность с точки зрения евразийской стратегии возможно только в том случае, если мы создадим несколько крупных и мощных стратегических, экономических, цивилизационных блоков. Речь идет о том, что многополярный мир, которому привержена Россия, не может состоять из такого количества полюсов, сколько есть государств и тем более народов. Количество полюсов должно быть ограничено. Ясно также, что этот многополярный мир должен иметь полюсов больше, чем один, в отличие от американского проекта, больше, чем два полюса, в отличие от стратегической ситуации эпохи «холодной» войны, но не бесконечное количество этих полюсов. Таков евразийский подход, который постепенно завоевывает доверие российского руководства, диктует определенную стратегию построения реальной многополярности, обеспеченной экономически, цивилизационно, политически, культурно и стратегически.

С некоторых пор, еще до того, как в Турции вышел перевод моей книги «Основы геополитики», я и мои коллеги, которые внимательно следят за международной ситуацией, стали все больше и больше отмечать евразийские тенденции в Турции. Все чаще в Турции звучат слова «Евразия», «евразийство». И постепенно, когда мы углубились в этот анализ,

мы увидели, что Турция находится практически в том же состоянии, что и Россия. Турция, ее суверенности также угрожает процесс глобализации. В структуре однополярного мира суверенной Турции как мощной региональной державы со своими интересами, национальными и геополитическими целями, со своей автономной стратегией просто нет места. Точно так же, как нет места в этом однополярном мире у единой и целостной России.

В своей книге «Великая шахматная доска» атлантистский геополитик Бжезинский описал будущее, уготованное в глобальном мире для России. Это будущее представляет Россию разделенной на несколько геополитически ослабленных частей. Аналогичная судьба, по сути, уготовлена Турции. Единой, суверенной, мощной Турции тоже нет места в глобальном мире. Точно так же, как и Россия, Турция принадлежит одновременно двум цивилизациям: находится в Европе и в Азии. Очень многие черты сближают Турцию с Европой, но другие – культурные, языковые, исторические – с Азией.

Таким образом, и Турция, и Россия находятся в евразийской позиции, перед лицом тех угроз и тех вызовов, которые стали объективной реальностью в начале XXI века. И одинаковость стратегического положения, в котором оказались Россия и Турция, диктует нам общность подходов, подталкивает нас к сближению. Речь идет о том, что в современном мире для того, чтобы обеспечить суверенность национальных государств, особенно таких, как Россия и Турция, необходимо осуществить объединяющее интеграционное усилие. Только в таком ключе каждая из стран способна сохранить свою независимость. Это хорошо поняли члены Евросоюза, где традиционные противники, которые много раз вели между собой кровопролитные войны (Франция и Германия), совместно отстаивают свои интересы в рамках европейской интеграции. На наших глазах появляется новый геополитический субъект – Единая Европа. За этим объединением стоят конкретные культурные, цивилизационные и стратегические силы. Но Россия и Турция, даже если мы будем всячески стремиться в Европу, едва ли смогут стать полноценными участниками этого процесса.

Из всех этих предпосылок вытекает важнейшее следствие: между Россией и Турцией необходимо установить евразийское стратегическое партнерство, которое будет затрагивать экономическую, культурную, политическую сферы. Объединив наши усилия в некоем интеграционном блоке, мы поможем друг другу сохранить суверенность, сохранить государственность, судьба которой сегодня находится под угрозой. В этом – смысл конкретного евразийского проекта.

В этом проекте участвуют не только Россия и Турция. Большинство республик союза независимых государств (бывших союзных республик СССР) также отличаются евразийским характером. Особенную роль играет в этом процессе Казахстан. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев является нашим другом и убежденным приверженцем евразийской идеи. Но интеграция постсоветского пространства будет неполной и несовершенной, даже ущербной, если активную созидательную и позитивную роль в ней не будет играть Турция.

Этот контекст – евразийская философия, евразийская идеология, евразийская стратегия – имеет очень много специфических черт, дает специальные ответы на многие вызовы современности. В частности, одной из отличительных черт евразийства, евразийской философии является теория *прав народов*. И именно этим правам народов сегодня брошен вызов со стороны глобализации. Не только государства, но и сами народы подлежат упразднению в едином мировом пространстве, в едином мире. У евразийства существует также геополитическая составляющая. С точки зрения геополитической дисциплины и геополитического анализа существуют глубинные неснимаемые противоречия между цивилизациями суши (Евразии) и между цивилизациями моря (Атлантизмом). Применение этого геополитического подхода позволяет начертить особую карту, геополитическую карту мира, на которой станет очевидно, что морские государства, в первую очередь англосаксонские (США и Англия), ведут многовековую планетарную борьбу с евразийскими державами (Россией, Турцией, Австро-Венгерской империей). И если мы посмотрим на то, как меняется эта геополитическая карта, мы увидим, что под разными оболочками смысл этой *великой войны континентов* остается постоянным. Меняются названия государств,

идеологии, но извечная борьба суши и моря – атлантизма и евразийства – продолжается.

С точки зрения геополитики и Россия, и Турция, безусловно, принадлежат к разряду сухопутных держав, являются евразийскими по своей сути. Только злая воля противников евразийства и уникальные способности Великобритании, позже Америки, в том, чтобы сеять рознь между союзниками по континенту, приводили к тому, что между нашими цивилизациями, между нашими странами было столько конфликтов в прошлом. Евразийский подход сегодня заключается в том, чтобы преодолеть прошлые обиды и выйти на путь к созданию прочного, стратегического, евразийского славяно-тюрского союза.

Геополитическая дилемма Турции

Надежда на «турецкую весну»

Прежде чем приступить к рассмотрению перспектив российско-турецкого геополитического альянса, не можем не обратить внимание на текущую ситуацию в этой стране – тем более что она служит иллюстрацией тезиса о несовместимости геополитических Суши и Моря. Современная Турция, будучи евразийским государством, всегда считалась форпостом НАТО, и в отношениях с Россией в этой связи всегда искусственно поддерживалась конфронтация. Интерес России, напротив, в том, чтобы закрепить тенденцию нормализации отношений и выйти из конфронтации. Для того чтобы реально представить наши геополитические интересы в Турции, необходимо для начала понять, что же такое Турция сегодня и, соответственно, на основе каких приоритетов выстраивать с ней дальнейшие отношения.

С точки зрения геополитики Турция принадлежит к «береговой зоне», а следовательно, геополитическая теорема турецкой политики в глобальном масштабе решается через баланс и противостояние двух ориентаций – атлантистской и евразийской.

В последние годы умеренно-исламистское правительство премьера Реджепа Тайипа Эрдогана отошло от евразийской модели, к которой присматривалось, несмотря на жесткое столкновение с группой евразийских кемалистов. В ходе дела «Эргенекон», инспирированного провокаторами из ЦРУ, тысячи кемалистов и евразийцев, в том числе и все руководство турецкого Генштаба, были сняты с должностей, и многие сотни из них брошены в тюрьму по подложным обвинениям в нарушении всех законов. Этот атлантистский и проамериканский виток Эрдогана получил название «неоосманской политики» и означал новую интеграцию Анкары в американский проект Великого Ближнего Востока. Эрдоган практически порвал связи с Ираном, сблизился с проамериканскими ваххабитскими режимами Саудовской Аравии и Катара и резко ухудшил отношения с Москвой. Поставив задачу усилить свое влияние в регионе с опорой на американцев и при тайном сговоре с Израилем, который воспользовался видимостью ухудшения отношений с Турцией, чтобы сблизиться с Грецией и скупить стратегически важные активы в области энергетики и земли, на случай нового и серьезного столкновения с исламским миром – в первую очередь с Ираном, Эрдоган подорвал не только возможные евразийские оси (в частности, ось Москва – Анкара, которой я посвятил отдельную книгу, изданную на турецком языке несколько лет назад), но и поставил под угрозу целостность Турции – противопоставив правительству половину населения и создав предпосылки для новой волны курдского сепаратизма. Иными словами, «неоосманская политика» Эрдогана оказалась полным провалом и поставила под угрозу само существование Турции. Когда Эрдоган оказал поддержку ваххабитским проамериканским экстремистам в Сирии и оказался открыто по одну сторону баррикад с Израилем, стало очевидно, что он перешел черту и что Турция обречена. Это была не флуктуация береговой зоны между Сушей (евразийство) и Морем (США и его региональные субимпериалистические прокси – Саудовская Аравия, Катар, Израиль, ваххабиты и т. д.), но однозначное встраивание в атлантизм, то есть прямой путь к самоубийству. Эрдоган оказался в положении Саакашвили 2008 года или Ющенко. До

падения его режима и развала Турции остались считанные дни.

Именно это и происходит на наших глазах. Сегодня атлантисты Эрдогана вступили в финальный конфликт с евразийскими массами Турции. Конфронтация в Стамбуле летом 2013 года, в отличие от многих других эпизодов т.н. «арабской весны», должна геополитически квалифицироваться как позитивная. Конечно, и в ней участвуют разные силы, модерируемые из США, которые имеют среди восставших и свои сети, всегда делая ставку сразу на несколько течений. Но интеллектуальным центром восстания являются евразийские левые из «Рабочей партии Турции» и их издания (в частности, «Айдынлык») и независимый телеканал «Улусал». Лидеры партии Догу и Мехмет Перинчеки сейчас находятся в тюрьме, но миллионы их последователей ведут ожесточенную борьбу с атлантистским, ваххабитским и произраильским лобби, пока еще официально доминирующим в Турции. Турция противостоит России – практически военным образом – в Сирии, где мы поддерживаем прямо противоположные силы, так как евразийцы и атлантисты всегда по разные стороны баррикад. Турция имеет при этом свободу выбора, Россия – нет, так как со своего геополитического места уйти не может. Сегодня эта двойственность Турции проявилась очевидно: евразийская оппозиция атакует атлантистскую, антинациональную, проамериканскую власть. Конечно, контроль турецких евразийцев над общей массой восставших не полный, но значительный. С кем быть в такой ситуации Москве – очевидно. И ко всякому российскому эксперту, кто советует в этой ситуации занимать сторону Эрдогана или не вмешиваться, следует присмотреться повнимательнее: не является ли он сам участником проамериканской атлантистской сети, присутствие которой в российском руководстве было преобладающим, пока Путин не начал чистку агентуры влияния Запада в политических элитах России – чистку, которая, увы, далеко не доведена до конца.

Участники турецкой революции, вне зависимости от партийной принадлежности, апеллируют к наследию основателя республики – Мустафы Кемалю Ататюрка. Геополитическая линия Ататюрка однозначна: Турция не намерена быть атлантистской колонией. Это свободный и фундаментальный выбор отца-основателя турецкого государства. И этот выбор геополитически является евразийским.

Остаток Османской империи

Нынешняя Турция представляет из себя остаток Османской империи, которая возникла в XIV веке, окончательно сложилась после захвата турками Константинополя в 1453 году и заняла территории, доставшиеся в наследство от Византийской империи. Хотя турки приняли ислам, султан носил титул халифа правоверных, мусульмане представляли собой этнополитическую элиту, но сама Османская империя была поликонфессиональной и полиэтничной. В ней, как и в любой империи, объединилось множество различных народов, очень много славян, (болгар, сербов, македонцев), но также греки, курды и другие народы.

Османская империя периодически воевала с Российской империей, которую интересовал выход к теплым морям, в то время как турки контролировали Босфор, Дарданеллы и, соответственно, Черное море. Поэтому мы привыкли рассматривать Османскую империю как враждебную нам державу, а турки привыкли видеть в русских постоянных врагов.

Надо сказать, что не все русские философы и государственники считали турок абсолютными врагами. Величайший русский консервативный философ Константин Леонтьев был консулом в Турции, и при этом сторонником солидарности Русской и Турецкой империй, считая, что их сталкивает третья сила в лице Великобритании, и что именно Запад хочет поссорить две традиционные империи, которые гораздо ближе друг к другу, чем, например, каждая из них по отношению к западноевропейской культуре. Леонтьев предлагал русско-турецкий альянс, утверждая, что в противном случае Запад нас разрушит поодиночке. И действительно, в скором времени именно Запад, пользуясь нашими противоречиями,

разрушил и нас, и их. Но в XX веке произошло очень интересное политическое событие – сближение новой, уже советской России и новой Турции. Когда распалась Османская империя, на ее развалинах Кемаль Ататюрк, которого современные турки называют отцом нации, создал малую Турцию в ее нынешних границах. Для каждого современного турка национальное государство – это высшая ценность.

Современная Турция родилась в кровавой битве на Босфоре против англичан. Первым, кто поддержал устроителя новой Турции Ататюрка, стал Ленин. По договоренности между кемалистской Турцией и советской Россией были обозначены те границы и установлен тот баланс сил, который по сей день определяет ситуацию на Северном Кавказе и в Причерноморье. Причем Кавказ традиционно был зоной повышенного внимания для английской разведки, которая пыталась выстроить там свою модель. Сегодня это продолжают делать американцы, которые всячески встраивают в пространство между Турцией и Россией. Период дружбы между Россией и Турцией длился до конца 1930-х годов. И Ленин, и Ататюрк считали, что именно российско-турецкая дружба является на новом этапе концом многовековых коллизий и столкновений, открывая совершенно новую страницу альянса молодой Советской России и новой кемалистской национальной Турции. Однако уже при Сталине отношения России и Турции начали портиться, особенно после Второй мировой войны, в которой Турция заняла сторону стран «оси». В этот момент, не без участия американцев, у турок возникли опасения, что Сталин собирается оккупировать северную Турцию. К тому времени Советская Россия уже установила свой контроль над Восточной Европой, на чем очень ловко сыграли американцы, утверждая, что безопасность Турции под угрозой. Заметим, что даже в периоды самого тесного сближения с Вашингтоном Анкара никогда не осознает себя как *колонию*, но стремится стать *партнером* Америки, сделавшим в свое время осознанный геополитический выбор.

В Турции вновь начали культивироваться традиционные для османских времен антироссийские мифы. Возобновившаяся ориентация на Запад и последующее вступление Турции в НАТО стали нарушением заветов Кемала Ататюрка. В ответ на это СССР начал поддерживать курдов, с которыми в формате национального государства у турок сразу начались проблемы. Курдских повстанцев обучали советские инструкторы, хотя версия коммунизма у этих инсургентов была весьма своеобразной: КРП была скорее этнорелигиозной общиной древнего архаичного народа, со своими родовыми устоями и религиозными культурами.

Постсоветское противостояние

Состояние холодной вражды с турками продолжалось до момента крушения советской империи, чем турки не замедлили воспользоваться, активно приступив к созданию пантюркистских сетей на территории Центральной Азии, а также среди тюркских народов России, вплоть до Якутии. Проект Великого Турана от Якутии до Босфора под патронажем Турции стал новой формой культивации антироссийских настроений и представлял собой националистическую, расистскую разработку соответствующих отделов ЦРУ и Ми-6, которые подталкивали турок к тому, чтобы нанести максимальный ущерб России. Причем эта антироссийская идея даже не вытекала из турецкого национализма, поскольку такого турецкого пантуранского национализма никогда исторически не существовало, а был османский национализм, который, как в любой империи, предполагал вербовку в элиты представителей самых разных этносов. И уж тем более это не имело никакого отношения к кемалистской Турции.

В 1990-е годы Турция – член НАТО, со своим пантуранистским проектом, пользуясь ослаблением российской власти и падением влияния России на постсоветском пространстве, была нашим откровенным врагом, а турецкие структуры, турецкие школы, турецкие фонды и организации представляли собой враждебные сети. И поэтому, оценивая ситуацию вторжения турок в северный Ирак с позиции 90-х годов, нам следовало бы однозначно

поддержать курдов, возмутиться агрессией проамериканских турок, наших противников, которые все 90-е подстрекали наши традиционные тюркские народы: татар, башкир, якутов, балкарцев или карачаевцев на Северном Кавказе – на действия против России. Геополитически это было бы совершенно правильно, и мы должны были бы именно так рассматривать то, что происходит сегодня в Турции и Ираке. Но ситуация с тех пор существенно изменилась.

Турция под ударом США

Ситуация начала кардинально меняться в начале 2000-х годов. Сначала возникли проблемы со вступлением Турции в ЕС, куда она формально стремится. Затем со стороны США поступило предложение объединить Кипр, его греческую часть, с северной частью, которая сегодня оккупирована Турцией, и только на этих условиях включить Турцию в ЕС. И наконец, уничтожение американцами режима Саддама Хусейна, сдерживавшего этноконфессиональные противоречия между шиитами, суннитами и курдами, которые после американского вторжения возобновились с новой силой, поставив Турцию под удар.

Турция хочет в Европу, Европа ее не пускает. Турция хочет морально сохранить свое присутствие на северном Кипре, Запад предлагает вывести оттуда войска. И наконец, для Турции принципиально сохранение своих национальных границ в кемалистском пространстве, а это означает, что турки будут сами разбираться с курдами. Вместо этого у них на глазах практически образуется независимый северный Курдистан, поскольку нынешний Ирак не является централизованным государством и не может контролировать курдов. И тут еще, в довершение ко всему, в американском Конгрессе ставится вопрос о признании геноцида армян, что в современной ситуации является политической эксплуатацией этой трагедии, которая наносит удар по национальному самосознанию турок. Все это ставит перед Турцией очень серьезный вопрос: а оправдано ли дальнейшее пребывание Турции в НАТО? Оправдано ли дальнейшее движение в американском ключе, и не пора ли поискать альтернативу?

Неудивительно, что после всего этого в Турции начинается пересмотр геополитической позиции. Вспоминается и дружба Кемала Ататюрка с Лениным, и то, что нынешняя турецкая государственность была создана в значительной степени при поддержке русских, и что между Россией и Турцией были периоды мира и сотрудничества. К тому же Россия бурно развивается, у России огромные природные ресурсы, Россия снова становится мировым полюсом и, по большому счету, начинает представлять собой некую внятную стратегическую альтернативу всевластию США, которые уже замахнулась единолично хозяйничать на всем Ближнем Востоке. Турция стала заложником в не своей игре.

Сегодня от сотрудничества с Америкой Турция получает только минусы: на повестке дня развал турецкого национализма, который, по большому счету, абсолютно несовместим с европейским представлением о правах человека, это просто другая традиция. Проблемы и с единством государства, поскольку продолжение дальнейшего движения на Запад, безусловно, приведет к возникновению межэтнических проблем для Турции. Встав на этот путь якобы для того, чтобы спастись от Сталина, Турция в итоге начинает утрачивать свою турецкую идентичность и свое национальное государство. И если когда-то Запад был для турок гарантом их национального государства, то сегодня продолжение движения на Запад просто чревато смертью Турции, концом не только кемализма, но и турецкой государственности.

В данной ситуации Россия имеет возможность получить довольно серьезного, активного, динамичного союзника, которого не пускают в Европу, которого все больше раздражают действия американцев на Ближнем Востоке, которому жизненно важны наши энергетические ресурсы. Именно поэтому мы прокладываем «голубой поток» по Черному морю. То, что нас сближает, все больше и больше перевешивает то, что нас исторически или политически разделяет.

Евразийская стратегия Турции

Место Турции в глобальном геополитическом контексте

Итак, мы определили геополитический статус нашего южного соседа: Турция – мощная региональная держава, пребывающая в ситуации перманентного геополитического выбора. Фундаментальной аксиомой геополитики является факт принадлежности Турции к «береговой зоне». Этот факт исторически возник в ходе драматической истории всего XX века, на заре которого Османская Империя была еще чем-то совершенно иным, самостоятельным сухопутным анклавом, хотя – как и континентальная Европа – также испытывала на себе два противоположных вектора – со стороны Великобритании (атлантизм) и Российской Империи (евразийство). Однако в эпоху империй контуры окончательной геополитической картины были туманны, и понадобилось несколько столетий, чтобы предвидения первых геополитиков точно совпали с политической картой мира: с одной стороны США, с другой стороны Евразия (Россия).

Как бы то ни было, сегодня Турция принадлежит в «береговой зоне», а, следовательно, геополитическая теорема турецкой политики в глобальном масштабе решается через баланс и противостояние двух ориентаций – атлантистской и евразийской. Крайним случаем является ситуация прямой колонизации прибрежной территории, но и в этом случае остается политическое пространство для оппозиции и, соответственно, для поиска геополитической поддержки у противоположного полюса. Такова геополитическая история современного Вьетнама, Кореи, Афганистана и т. д. Но в тех береговых странах или ансамблях стран, которые претендуют на самостоятельную политическую роль в региональном масштабе, выбор между атлантизмом и евразийством является добровольным, активным и драматическим.

Следует подчеркнуть, что геополитический выбор чаще всего остается *трансцендентным* в отношении конкретных идеологий или политических партий. Хотя между геополитическим выбором и определенными идеологическими системами существует определенная симметрия и взаимосвязь, никакого тождества в этой области провести нельзя. Евразийская и атлантистская партии могут быть правыми и левыми, религиозными и светскими, демократическими и тоталитарными, консервативными и прогрессистскими. Более того, в рамках одной и той же партии и политической системы вполне могут существовать геополитические полюса, ориентирующиеся на противоположные геополитические реальности. Такое положение дел требует очень тщательного анализа в каждом конкретном случае. Решение геополитической теоремы в рамках партийных, социальных, идеологических споров и полемик может происходить самым причудливым образом, разводя по разные стороны баррикад партийных единомышленников, сближая между собой сторонников даже противоположных мировоззрений и партийных платформ. Геополитика накладывает на политологическую и социологическую картину общества дополнительную сетку, которая основана на автономной системе признаков.

Все это напрямую касается Турции как мощной региональной державы, принадлежащей к «береговой зоне». Турция со времен Ататюрка обладает мощным национальным самосознанием, воспринимает свою государственность как колоссальную, высшую, почти абсолютную ценность и стремится играть в региональном контексте самостоятельную и сильную партию. Следовательно, исторические инвестиции политической воли и интеллектуальных усилий в геополитический выбор, баланс между силовыми линиями атлантизма и евразийства в Турции огромны и представляют собой важнейший политический процесс, определяющий во многом курс национального пути на каждом историческом этапе.

Фазы перманентного геополитического выбора

История становления современной Турции после краха Османской империи, которой мы вкратце коснулись в предыдущей главе, демонстрирует симметричные волны смены ориентаций. Изначально зажата между Россией и Англией Турция осознает себя ближе всего к Средней Европе, конкретно к Германии, которая находится в том же положении, что и Турция, только в ином секторе «береговой зоны», к Северо-западу. Турция ориентирована на Германию как на свое европейское alter ego. Но эта ориентация – еще не сам геополитический выбор. На самом деле здесь пока еще нечего выбирать: находясь в сходной геополитической ситуации, обе страны естественным образом тяготеют друг к другу, поддерживают друг друга, стремятся к проведению совместной консолидированной политики в регионе. Турция – естественная опора континентальной Европы (до второй половины XX века – Германии) на Ближнем Востоке, и наоборот, Германия органично выражает и защищает интересы Турции в Европе. Это тоже закон геополитики, но скорее в той ее части, которая связана с логикой отношений стран между собой внутри «береговой зоны».

Настоящий же выбор начинается в ином контексте: это фундаментальный выбор между атлантизмом и евразийством.

Современная Турция рождается в кровавой битве на Босфоре против англичан. Кемаль Ататюрк строит новую Турцию, «молодую Турцию» на жестком противостоянии англо-саксонскому (атлантистскому) проекту. Иными словами, евразийский выбор лежит в самом основании современной турецкой государственности, с этого антианглийского (и во вторую очередь прогерманского) импульса начинается для Турции отсчет современной истории. Геополитическая линия Ататюрка однозначна: Турция не намерена быть атлантистской колонией, она хочет быть свободной от атлантизма. Это свободный и фундаментальный выбор отца-основателя нового государства. И этот выбор геополитически является евразийским.

Далее следует серия симметричных шагов в сторону Советской России. Убежденный сторонник лаицизма и светскости Ататюрк видит в большевизме то, что хочет видеть: новую нацию, светскую республику, динамично развивающийся евразийский полюс, выбирающийся из развалин старой империи. И как сам Кемаль Ататюрк решительно рвет с османским прошлым, так и Ленин рвет с царизмом. Следует сближение Анкары с большевистской Москвой, одним из зримых следов которого является современный Карабах, отданный Кремлем Советскому Азербайджану в знак симпатии к младотурецкой Анкаре.

Однако, как и в любой «береговой» стране, геополитический фундаментал, с одной стороны, всегда относителен и ограничен конкретными историческими рамками, с другой стороны – сопряжен со стремлением региональной державы увеличить свою национальную мощь и независимость, играя на геополитических противоречиях главных планетарных полюсов. Поэтому Ататюрк не идет на «советизацию» Турции, настаивая на «третьем пути» между социализмом и капитализмом, на модели солидарного и самобытного национального государства. Отсюда определенные трения с Советской Россией в первой половине XX века: Анкара хочет идти своим путем, с позитивной ориентацией на Москву и отвержением атлантизма, но с большой долей независимости. Этому способствует стремление нацистской Германии вопреки всем правилам геополитики объявить себя самостоятельным геополитическим субъектом. Высокомерное невежество Гитлера приводит к грандиозной бойне, когда цивилизации Моря в противоестественном альянсе с цивилизацией Суши приходится совместно и ценой колоссальных жертв тушить обреченный на неминуемый провал пожар восстания «береговой зоны» против обоих геополитических полюсов.

К концу 40-х годов Турция снова стоит перед необходимостью определить свою геополитическую ориентацию. Германии как самостоятельного игрока отныне больше нет, Европа разделена, и политический выбор приближен к ясности дуальной геополитической картины – американский атлантизм или советское послевоенное евразийство.

На этот раз Анкара делает выбор в пользу Атлантики и цивилизации Моря. Этому способствует успешная дипломатическая тактика Лондона и Вашингтона, а также недальновидная политика Сталина, который – после территориальных успехов в Восточной Европе и шокированный нацистской агрессией – считает, что самый надежный способ справиться с «береговой зоной» – это просто завоевать ее. Здесь появляется мифологема о якобы «стремлении Сталина захватить северную Турцию» и реализовать в советской версии старый царистский миф об «освобождении Царьграда». Трудно сказать, были ли такие планы у Сталина, документальных подтверждений нет, но ничто не убеждает нас, что их не было. Могли быть, могли и не быть – и то, и другое вполне вписывается в геополитическую логику событий, следующих за Второй мировой. Другое дело, что этот миф был удачно использован американцами, чтобы повлиять на Анкару в атлантистском ключе: так как национальное государство для турок – высшая ценность, то угроза потерять его была воспринята весьма серьезно. Кроме того, СССР стал активно поддерживать ряд исламских государств, региональных соперников Турции, а Запад предлагал гарантии и защиту в обмен на присоединение Турции к атлантистской стратегии.

В этой геополитической фазе Турция делает атлантистский выбор и строит свою политику на антикоммунизме и антисоветизме, следуя логике Вашингтона. В вопросе Северного Кипра СССР занимает жестко прогреческую позицию, поддерживает курдов, арабские баасистские страны против Израиля, что еще усиливает интеграцию Анкары в цивилизацию Моря. Но при всем этом Турция остается совершенно самобытным государством. Если на первом этапе это было «евразийство третьего пути», то теперь это «атлантизм третьего пути».

Атлантистская стратегия Турции во второй половине XX в

Во второй половине XX века региональная политика Турции проистекает из баланса между ориентацией на США и НАТО и стремлением сохранить свою национальную самобытность и региональную независимость. Даже в периоды самого тесного сближения с Вашингтоном Анкара никогда не осознает себя как *колонию*, но всегда как *партнера* Америки, сделавшего в свое время осознанный геополитический выбор. Тот же Северный Кипр был своего рода тестом – насколько остальные страны НАТО допустят конфликт между Турцией и Грецией – европейской страной, членом НАТО. Тест относительно удался, серьезных санкций не последовало.

В этот период Турция является надежной стратегической опорой Запада на Ближнем Востоке. Светское правление сдерживает рост исламского фактора, исторические противоречия между турками и арабами в эпоху Османской империи ставят Анкару в особое положение в отношении исламских стран региона, что диктует, в частности, сближение с Израилем. Вместе с тем жесткий антикоммунизм Анкары делает Турцию потенциальным противником СССР. Наготове виртуальные структуры влияния на тюркские народы СССР, попытки проникновения спецслужб на Кавказ, лабораторная экзальтация «пантурских идей», готовящих теоретически выведение обширных евразийских территорий, населенных тюркскими народами, из-под контроля Москвы. Все это не столько проявление особой воли турок, сколько тезисы, логически вытекающие из атлантистского выбора. Раз Анкара разыгрывает атлантистскую карту, она вынуждена развиваться в русле атлантистской логики, а следовательно, выступать *против* врагов своих союзников и старших партнеров. Это условие. У тех, кто стал на сторону атлантизма, евразийство оказывается в роли врага.

Атлантистская идентичность Турции в последние полвека была более или менее постоянной и пустила в политической системе глубокие корни.

Особенно обострились эти тенденции в тот период, когда стало очевидно, что СССР доживает последние дни. У Анкары появился шанс перейти от вялого и виртуального во многом противостояния с евразийским противником к более конкретной форме деятельности. С середины 80-х годов атлантизм в отношении СССР активизируется.

Турецкие эмиссары начинают активно работать в тюркских республиках СССР, в зонах расселения татар, башкир, чувашей, кавказских тюрков, а также шире, в исламской и кавказской среде. Ориентация на Анкару выглядела тогда как специфический маршрут общей ориентации на Запад, на Вашингтон, а значит – в геополитической логике дуального выбора – *против* Москвы и русских. Пантуранизм стал приобретать более конкретные формы: множество изданий и текстов, эмиссаров и пропагандистов из Турции хлынули под прикрытием различным благопристойных фондов и миссий в СССР с целью подготовки «туранской интеграции».

Распад СССР в 1991 открыл, казалось, для этого все возможности. Турецкие организации потоком хлынули в страны СНГ, совмещая бизнес и пропаганду, гуманитарные проекты и идеологическую индоктринацию в пантуранистском, иногда даже «исламистском» (что немислимо в самой Турции) ключе. Турецкие премьеры посещали столицы новых среднеазиатских государств и Азербайджан, открыто призывая к пантуранской коалиции, по сути, к противодействию российскому влиянию на огромных территориях континента – вплоть до Поволжья и Якутии.

Турецкие спецслужбы резко активизировали свою деятельность в Азербайджане, Центральной Азии и на Кавказе. Там, где позиции Москвы слабели, там Анкара пыталась укрепиться сама в формате антирусской фронды. Кульминации эти тенденции достигли в период чеченской кампании, которая логистически, информационно, экономически и по-иному была активно поддержана Турцией. Наличие значительной чеченской диаспоры в самой Турции помогало в этом.

Одним словом, к середине 90-х годов атлантистская роль Турции в отношении Евразии достигла апогея. Если бы Москва ушла с Северного Кавказа, поддалась бы сепаратистскому натиску, окончательно ослабла бы и потеряла контроль над ситуацией в других регионах, нельзя было исключить масштабное втягивание Турции в администрирование гигантских евразийских территорий, оторвавшихся от heartland'a. И до определенного момента Вашингтон не только не препятствовал бы этому, но пассивно способствовал: расчленение России после распада СССР было следующей задачей атлантистских стратегов, как свидетельствуют книги Збигнева Бжезинского «Великая шахматная доска» («The Grand Chessboard» 1997) и «Выбор» («The Choice. Domination of Leadership», 2004). Турция могла бы стать важнейшим элементом этого желаемого атлантистами процесса в региональном масштабе.

Новые явления в мировой геополитике

Последние десятилетия были переломными в мировом масштабе. На наших глазах выстраивался новый мир. Крах Советского Союза резко дисбалансировал общую ситуацию, в мировой геополитике появились новые и невиданные ранее явления. По сути, изменились роли и функции основных участников Большой Игры.

Крах СССР и капитуляция Москвы перед атлантизмом – курс, воплощенный в Горбачеве и Ельцине, по инерции отчасти и в Путине, – создали предпосылки для новой реальности – реальности «однополярного мира». Цивилизация Моря, талассократия впервые в новой истории добилась столь очевидного превосходства над геополитическим оппонентом – цивилизацией Суши, теллурукратией. Весы Большой Игры резко сместились в сторону Запада. Это повлекло за собой серьезные последствия.

Во-первых, сам Запад, достаточно монолитный в эпоху биполяризма, довольно быстро разделился на два обособленных полюса – на США (шире, Америку) и Европу. Линия виртуальной границы, намеченная по Атлантике, стала превращаться в реальность, вместо единого Запада возникли два геополитических субъекта – Америка и Европа, со своими собственными геополитическими интересами, проблемами, перспективами, проектами будущего мироустройства. Отныне понятие «Запад» перестало быть точным – и в вопросе Евросоюза, и в отношении блока НАТО, и применительно к системе ВТО – возникли

довольно серьезные альтернативы. Европа реализовала собственную валюту, вступила в нешуточную торговую конкуренцию с США, отстранилась от военных проектов англо-саксонской коалиции, которая в разных точках мирах – в частности, в Ираке – предпочитала действовать отныне самостоятельно. Этот процесс еще не завершен, но набросок полноценной оппозиции между США (и Англией) и Евросоюзом (особенно в лице Франции и Германии) мы видели в период последней иракской кампании – страны континентальной Европы оказались в этом конфликте на противоположной от США стороне. Естественно, не за режим Саддама Хусейна, но против прямой американской агрессии.

Это обстоятельство существенно повлияло на Большую Игру. У Европы появились наброски собственной геополитической линии, собственной стратегии в отношении региональных проблем – в частности, в отношении арабского (шире, исламского) мира и Ближневосточного региона.

Во-вторых, новое значение приобрел фактор исламизма, фундаментального ислама. Будучи созданным при поддержке ЦРУ для противодействия просоветским, левонационалистическим режимам в арабском мире (Сирия, Ирак, Ливия и т. д.) и в среде континентального ислама (Афганистан), радикальный ислам – пресловутая «Аль-Каида» – после краха СССР изменил свою геополитическую функцию и стал собирательным образом «мирового зла», «врага», столь необходимым для архитекторов и строителей однополярного мира. Отныне радикальный ислам был не инструментом атлантистской геополитики, но экстерриториальным антагонистом, война с которым, по мнению американских стратегов, должна оправдать претензии США на стратегический контроль над ключевыми точками планеты, вплоть до присвоенного США права вмешиваться в дела тех государств, чья политика будет угрожать американским интересам в регионе: доктрина «ограниченного суверенитета», принятая Вашингтоном в 2002 году. Отныне исламизм или исламский фундаментализм стал субститутутом исчезнувшей «империи зла», и это понятие «исламизм» в глазах широкой и часто некомпетентной публики Запада легко соскальзывало к понятию «ислам». Хотя эксперты не устают объяснять разницу между «исламом» и «исламизмом», широкие массы такие нюансы воспринимают с трудом. В объявленном Самуилом Хантингтоном «столкновении цивилизаций» исламский мир явно оказывался по ту сторону баррикад от Америки.

В-третьих, в данном контексте однополярного мира как раз и встал впервые вопрос о Евразии в новом контексте. Если в эпоху двуполярного мира Евразия как геополитическая реальность была плотно заслонена идеологическим дискурсом марксизма и коммунизма, то отныне – при слабой и довольно невнятной российской политике – это огромное пространство, объединенное стратегически, экономически и социально, представляло собой скорее вопрос, нежели ответ, скорее потенциальность, нежели актуальность. Евразия стала самостоятельным геополитическим концептом именно в последние годы, когда это пространство – в целом называемое постсоветским – окончательно отделилось от понятий «социализм», «советизм», «марксистская идеология». Термин «Евразия» стал очень удобным для обозначения постсоветского пространства в отрыве от недавнего прошлого этих территорий. Но, лишившись идеологии и части подконтрольных территорий, Евразия (с ядром в России) все же продолжала играть существенную роль в регионе, шире – в мировой политике. Отчасти масштаб этой роли основан на инерции, «фантомных болях» бывшего СССР, который был, безусловно, одним из главных субъектов мировой политики, и к этому привыкли как советские люди, так и люди Запада, все человечество. Объявив себя наследницей СССР, современная Россия сделала заявку на преемственность геополитической функции на новом витке истории. На практике 90-х годов это обстоятельство скорее опровергалось фактами, нежели подтверждалось ими, и мы были свидетелями резкого упадка российского влияния на те мировые процессы, которые активно и относительно успешно контролировал СССР. Но от СССР (а в чем-то и от царской России) остались и вполне конкретные реальности – ядерное оружие, огромные соединенные транспортными сетями территории, экономические системы, связанные с разработкой и

переработкой полезных ископаемых и энергоносителей, довольно образованное социально сознательное население, культурный потенциал. Несоветская, постсоветская Россия, даже в качестве лишь потенциального игрока и без возможности и желания активно диктовать свою волю соседним государствам в колониальном «империалистическом» ключе, приобретала новую функцию. Оставаясь ядром Евразии, Россия постепенно стала осознавать преимущества такого положения, встала на путь усиления своих позиций в мировой политике уже на новой основе. Это и есть Евразия, еще не до конца определенный, но постепенно становящийся все более и более весомым геополитический фактор новейшей геополитической картины мира. Интерес к этому потенциальному субъекту существует у всех участников мирового процесса – глобального и локального.

В-четвертых, в мире стали набирать силу процессы глобализации. Эти процессы имели скорее виртуальный, нежели реальный характер. Глобализация затронула информационную сферу, верхушку правящих элит, молодежные нравы, процессы финансового сектора экономики (фондовые рынки), пользователей сети Интернет. Причем моделью глобализации стали, по сути, именно американские ценности, распространенные на весь мир, – либеральная демократия, культура постмодерна, крайний индивидуализм, растворение всех форм коллективной идентичности (национальной, государственной, этнической, конфессиональной, социальной и т. д.), преобладание финансового сектора над реальным сектором экономики и т. д. По сути, глобализация совпала с американизацией. Но ее отличие от жестких проектов однополярного мира с американской гегемонией состоит в том, что глобализация настаивает не просто на доминации США в планетарном масштабе, но на глубинном внедрении «американского образа жизни» в масштабах всего человечества, с перспективой «конца истории» (Ф. Фукуяма) и построения «Соединенных Штатов Мира» во главе с «мировым правительством». Если строительство «однополярного мира» предполагает лишение государств части их суверенитета, то глобализация ведет к полному исчезновению самих этих государств.

В-пятых, общий процесс глобализации довольно успешно реализовался в ограниченном масштабе: оба американских континента довольно плотно интегрированы, Евросоюз на глазах становится единой реальностью, попытки заново объединить постсоветское пространство предпринимают Россия, Казахстан и Белоруссия, тихоокеанский регион с доминацией бурно растущего Китая и мощной Японии ищет путей сближения. Но эта региональная глобализация несет совершенно иной смысл, нежели глобализация планетарная, по американскому образцу. Региональные страны объединяются на основании общих цивилизационных ценностей, превращаясь в современные аналоги «империй», причем в каждом случае речь идет о процессе отдаления от США, от (мягкого или жесткого) противопоставлении своих цивилизационных начал глобализму по-американски. Такая региональная глобализация также является ультрасовременным явлением, так как она даже потенциально восстанавливает не разрушенную двуполярность, но скорее футуристическую четырехполярность, где основными зонами являются американская, европейская, евразийская и тихоокеанская. Причем каждая из этих зон состоит из разнообразных компонентов – этнических, государственных, религиозных и т. д.

Все эти новые явления усложняют классическое видение геополитического дуализма, который в эпоху «холодной войны» воплощался наиболее отчетливо в идеологическом противостоянии цивилизации Моря (капиталистический лагерь) цивилизации Суши (социалистический лагерь) – с позиционной битвой за контроль над «береговой зоной», балансирующей между двумя полюсами. В новой картине мира атлантизм стал актуальностью, причем почти безальтернативной и планетарной, а евразийство – потенциальностью, альтернативным геополитическим сценарием. При этом оба полюса освободились от идеологической нагрузки: противостояние капитализма и социализма ушло в прошлое, геополитические конфликты и противоречия перешли в иную плоскость. Эти явления отныне было почти невозможно описать в терминах классовой борьбы, но легко – в терминах геополитики.

Радикальная трансформация геополитической функции Турции в 1990-е – 2000-е годы: кризис атлантизма

Беглый анализ новейших изменений в геополитической картине мира показывает контекст, в котором меняются геополитические функции всех основных игроков. В огромной степени это затрагивает и Турцию, ее геополитическую позицию в масштабе региональной политики.

Раз СССР и Россия перестали быть главным врагом атлантизма – по меньшей мере в открытой части внешней политики США, то антироссийская функция Турции на Кавказе, в Центральной Азии и на самой российской территории потеряла свою актуальность. Это легко проследить по быстрому падению интереса к пантуранистским проектам, как в самой Турции, так и на постсоветском пространстве. Одно дело – давить на тюркское население СССР в русле общей атлантистской стратегии для его антимосковской мобилизации с неопределенным исходом, другое дело – всерьез строить Пантуранское государство в условиях постбиполярного мира. На серьезную реализацию этого проекта не хватило бы ресурсов не только у одной Турции, но и у всего атлантистского сообщества, которое к тому же расколото на США и Европу и вообще теоретически никак не благоволит интеграционным процессам на расовой основе, особенно в Азии. Следовательно, пантуранская интеграция была оставлена Анкарой даже как чисто теоретическая модель, что сняло одно из существенных препятствий для позитивного развития российско-турецких отношений. Более того, являясь привлекательной альтернативой для тюрков и тюркских государств СНГ на первом этапе – в конце 80-х – начале 90-х, – Турция постепенно утратила значительную часть своей притягательности по мере того, как развивалась рыночная экономика в России, в самих этих странах, и прогрессировали прямые связи с Западом. Мощное национальное государство Турция с довольно жестким стилем дипломатии представляло собой слишком серьезный выбор для колеблющихся и неуверенных в себе постсоветских стран, особенно после того, как прошел первый шок независимости. Турция осталась значимым партнером для многих из них, но нигде она не стала играть роли реального центра притяжения. В этот же период активную поддержку турецких проектов на постсоветском пространстве отзывает и США, предпочитая действовать напрямую через сложившуюся сеть прямых агентов влияния.

Далее: реакция Турции на однополярный мир и глобализацию. Оба эти проекта, ставшие основным содержанием стратегии атлантизма в новых условиях, хотя и в разной степени, оказались для Анкары очень болезненными. Турецкая идентичность основана на абсолютизации государственности. После Ататюрка Турция как национальное государство для турков – это все, и больше, чем все. Это абсолют, вещь в себе. Именно полный консенсус относительно ценности государства лежит в основе турецкого понимания легитимности и служит высшим критерием в определении баланса антагонистических социальных сил – левых, правых, религиозных, светских, прозападных или националистических. Легитимация атлантистской политики во второй половине XX века также основывалась на этом абсолюте: выбор Запада в «холодной войне» обосновывался интересами укрепления и развития турецкой государственности в реальных условиях. И вот в новом мире главный заокеанский союзник и патрон – США – провозглашает либо ограничение государственного суверенитета, либо вообще отмену государства. Это подтверждается действиями: США оказывают прямое давление на Турцию в стратегической сфере, заставляя участвовать пассивно или активно в невыгодных для Турции региональных конфликтах, обрушивают экономику через провоцирование коллапса финансовой системы, давят на кипрскую проблему. Если ранее атлантизм прагматически поддерживал и защищал турецкую государственность, то к середине 90-х стало ясно, что отныне все изменилось, и продолжение лояльности атлантистской линии в какой-то момент начнет наносить ей прямой ущерб.

Весьма болезненно переживали турки и проволочки их принятия в Европу. Европа – особенно как самостоятельный геополитический субъект – весьма заинтересована в развитии автономной политики в отношении арабских стран. Это связано как с перспективой строительства Евроафрики, так и с обеспечением Европы нефтью напрямую от арабского мира, минуя посредничество США. Турция же в рамках атлантистской и проамериканской линии заняла в свое время антиарабскую позицию.

Новое значение получил исламский фактор. Ислам составляет один из аспектов турецкой идентичности, но пропорции влияния ислама на турецкое общество очень точно определены и нюансированы. Будучи светским государством, Турция бдительно следит за тем, чтобы исламские круги оставались в рамках, строго очерченных принципом лаицизма и модернизации, и в политической сфере действовали по строго определенным правилам. Так как в арабском мире, а также в соседнем Иране, функции ислама совершенно другие, то активное вовлечение Турции в дела исламского мира грозит нарушением этого довольно хрупкого баланса, стремление к сохранению которого еще недавно заставило военное руководство напрямую вмешаться в политическую жизнь страны. В форме исламизма, радикального ислама Анкара имеет просто смертельного врага. Причем в глазах руководства Турции эта угроза напрямую сопрягается с ослаблением государственности. Одно влечет другое: исламизм – как деструктивная сила – активизируется при ослаблении государства, государство слабеет от активизации радикальных исламских кругов.

В такой ситуации поддерживать исламистское антироссийское чеченское сопротивление на Северном Кавказе, как это имело место в первой половине 90-х, для Анкары становилось самоубийственным, так как чеченские боевики, возвращаясь на отдых и лечение в Турцию несли с собой «исламистскую революцию».

Все эти факторы повлияли на то, что на рубеже XXI столетия геополитический курс Турции стал *резко меняться*. Перед Турцией всерьез стал вопрос о пересмотре того геополитического выбора, который был сделан в начале 50-х годов XX века, и в этот пересмотр были вовлечены не только руководство, но и широкие общественные и политические силы. Ориентация на атлантизм, НАТО, Вашингтон отныне ставила больше вопросов, нежели ответов, несла с собой больше минусов, нежели плюсов. И хотя окончательный выбор пока не сделан (и вероятно, не может быть сделан по объективным обстоятельствам), факт остается фактом: *в последние 5 лет Турция стала постепенно сворачивать свою атлантистскую активность на постсоветском пространстве* – на Кавказе (Южном и Северном), в Центральной Азии, в самой России.

В этот период в Турции начинают все чаще употреблять термин «Евразия». Появляются первые признаки *турецкого евразийства*.

Евразийство как национальная идея Турции

Евразийство в Турции наиболее активно стало распространяться в левых кругах. Это была левая, «коммунистическая» версия, во многом напоминающая сходную эволюцию российских коммунистов (КПРФ Зюганова), которые восприняли на рубеже 90-х годов от нашей группы многие евразийские идеи, сочетая их с пересмотренными и адаптированными к современности коммунистическими теориями. Речь идет о «Рабочей партии Турции» Догу Перинчека, журнале «Айдынлык» и близких им культурным инициативам. В этом случае инерциальный антикапиталистический и антиамериканский вектор, традиционный для левых и крайне левых, сочетался с постоянно растущим национализмом и неокемализмом, что в сочетании с обостренным вниманием к стратегии и геополитике вывело эти круги на проблематику евразийства.

Вместе с тем к евразийству проявили интерес и совершенно противоположные силы – правые националисты, центристы, некоторые религиозные круги, определенный сегмент военного руководства Турции, интеллектуальные фонды, такие как Фонд Ясави и АСАМ, движение «Платформа Диалог Евразия», стремящееся сблизить интеллигенцию стран СНГ и

Турции, экономические структуры, такие как «Евразийский Форум» Аркана Сувера, евразийский департамент Торгово-промышленной палаты Турции, организация евразийского сотрудничества России и Турции РУТАМ, нонконформистский журнал «Ярын» и т. д. В каждом случае оформление евразийства было своеобразным, но основным вектор был ясен: Анкара стремится активно ответить на вызовы новой геополитической системы, отказывается от однозначного атлантистского выбора, отзывает и сворачивает прежние антироссийские сценарии, ищет нового понимания своего места в региональном раскладе сил, смотрит на новую Евразию новыми глазами, ищет новой системы взаимодействия с Россией – по новым правилам и в новом контексте.

Параллельно этому прагматическому евразийству в сфере турецкой интеллигенции стали разворачиваться иные – более качественные, содержательные процессы, связанные с определением турецкой идентичности. Все больше людей стали понимать, что сама Турция – уже в отрыве от России и постсоветского пространства – является совершенно евразийской страной, с евразийской географией, этнополитическим наполнением, с евразийским имперским прошлым и евразийской социальной психологией. Турция – это Восток, ушедший на Запад, но оставшийся Востоком в глубине. Турция – это Запад, зашедший глубоко на Восток и сплавившийся с его ценностями. Современная Турция, как и современная Россия, выстроена на обломках евразийской империи. Корни турок – в бескрайних просторах континента. Вектор их движения – на Запад. Итак, Турция сама по себе Евразия, мощный сгусток исторической и политической воли, переплавившей народы и государства в новое историческое явление. Европейское и азиатское в турках неотделимо слиты между собой, а осью этого синтеза является национальное турецкое государство, государство глубоко евразийское.

Ярче всего эту идею евразийской идентичности турок выразил знаменитый турецкий поэт Аттила Ильхан. «В турках веет дух Азии, – утверждает Ильхан. – В Европе мы всегда будем людьми второго сорта, но не потому, что мы хуже, а потому, что мы иные, и нам надо набраться мужества, чтобы быть самими собой, т. е. турками, т. е. евразийцами». В случае Аттилы Ильхана мы окончательно переходим от стратегических соображений и геополитической логики к поиску новой формы идентичности, и евразийство здесь приобретает новое значение и новое содержание: это подход к глубинному переосмыслению логики национальной и политической истории, постановка вопроса о множественности цивилизаций и неуниверсальности западного (особенно американского) пути развития. По сути, у Аттилы Ильхана и его сторонников, у тех, кто внемлет ему и следует за ним, евразийство приобретает характер нового мировоззрения, если угодно, «национальной идеи» современной Турции.

Ирак, Северный Кипр и стамбульский саммит НАТО (июнь 2004 г.)

В событиях последних лет мы видим яркие проявления кризиса атлантистской стратегии в Турции. Во-первых, это протест против американской оккупации Ирака и отказ Анкары от предоставления военных баз американским летчикам для бомбежки Ирака.

Здесь, безусловно, решающим фактором являются серьезные опасения Турции относительно курдской проблемы, так как де-факто получившие независимость от Багдада иракские курды автоматически становятся источником для дестабилизации турецкой части Курдистана. Курдская проблема крайне болезненна для турецкой государственности, и иракский конфликт стал, по сути, испытанием степени лояльности атлантизму, когда американский патрон заставляет младшего партнера делать шаги, направленные против его собственных интересов. Этот тест на безусловную лояльность Турция в случае Ирака не прошла, и несмотря на огромное влияние атлантистских сил в Анкаре (инерция двуполярной истории и эффективность американской работы с вербовкой агентуры влияния), правительство Турции отказало США в том, что они требовали. Это было в каком-то смысле вызовом Америке, первым внушительным и сознательным проявлением «евразийской

стратегии». Власть показала свою озабоченность судьбой государственности, доказала, что независимость остается главной ценностью турков, пошла навстречу настроениям широких народных масс. По Турции прокатилась волна атиамериканских демонстраций.

При этом показательно, что в данном случае антиамериканизм объединил морально три различные, подчас антагонистические силы турецкого общества: левых, националистов и представителей религиозных кругов. Такой широкий спектр показывает, что у евразийства в Турции огромные перспективы, далеко выходящие за уровень какой-то одной политической силы или партии.

Вторая важная проблема – проблема Северного Кипра. Если в истоках этой территориальной проблемы в эпоху «холодной войны» Запад неявно оказал поддержку Анкаре, тогда как СССР вступился за греков-киприотов, то сегодня все предлагаемые сценарии вообще не учитывают турецкие интересы в решении этой проблемы. Максимум, что Вашингтон гарантирует, это толерантное отношение к туркам-киприотам в составе единого Кипра в рамках Евросоюза, а также некоторую преемственность в вопросах собственности на Северном Кипре. Иными словами, Турция теряет свои позиции на Кипре, и туркам-киприотам предлагается мирно раствориться в общекипрском (с доминантой греков) контексте. Рауф Денкташ оказывается в таком контексте персоной нон грата для Запада, так как является символом той Турции, которая еще недостаточно глобализирована и приведена к единому «общечеловеческому» стандарту. Как бы то ни было, в вопросе Северного Кипра турки видят еще одно ясное подтверждение того, что атлантистская стратегия Анкары не является более гарантом укрепления национальной государственности. И снова по стране прокатывается волна демонстраций в поддержку Северного Кипра. И снова правые соседствуют с левыми.

Наконец, стамбульский саммит июня 2004 года. Тогдашний президент Джордж Буш, несколько опомнившийся, понаблюдавший массовые антиамериканские демонстрации на улицах Стамбула, говорит о «важности Турции как главного регионального партнера США», о том, что «светская Турция – главная преграда на пути распространения радикального ислама», требует от Евросоюза принять туда Турцию немедленно. Налицо отчаянная попытка укрепить атлантистское влияние в Турции, несколько запоздалая реакция на рост евразийских настроений. Но за этими словами Буша-младшего не может последовать реальных дел. США в новых условиях являются заложниками своей геополитической стратегии. Инструментальное использование своих «младших партнеров» уже не сопровождается теми выгодами, которые они могли извлечь из этого в период «холодной войны». Вашингтон, по сути, не может ничего предложить Турции взамен продолжения лояльности атлантистскому курсу. Ведь не откажутся же США от планов мирового господства или глобализации только потому, что один из региональных союзников слишком высоко ценит национальную государственность, свободу и независимость. Впрочем, Джордж Буш-младший, судя по выражению лица, едва ли знаком с деяниями и идеями Кемала Ататюрка.

Как свидетельствует в своей новой книге «Конец американской эры» (The end of the American era) видный американский неоконсерватор и интеллектуал Чарльз Купчан (Charles Kupchan), США стали заложниками своей глобальной миссии, которую они не в состоянии выполнить, но от которой не в состоянии отказаться. В интервью итальянскому журналу «Imperi» на вопрос: «Какие выгоды получили европейские страны взамен поддержки политики Буша в войне против Ирака?» – Купчан жестко ответил: «Никаких». То же самое верно для Турции. Усилив сегодня связи с Вашингтоном, Анкара только еще более противопоставит себя не только исламскому миру, но и Европе, снова начнутся трения с Россией, внутренняя нестабильность, а значит, колоссальный виток социально-политической энтропии. События улицы, которые сопровождали стамбульский саммит, подтвердили однозначно: *евразийство постепенно становится фундаментальной составляющей турецкой политики*. И отныне России, странам СНГ, Европе, исламскому миру следует также посмотреть на Турцию новыми глазами. Турция – это отныне нечто новое.

Проект стратегической интеграции Евразии

Теперь можно заглянуть в будущее и набросать основные направления евразийской стратегии Турции. Конечно, речь идет о чисто теоретическом проекте, но, как мы видели выше, конкретная политическая и социальная реальность в определенные моменты подходит очень близко к теоретическим разработкам, а некоторые теоретические установки, напротив, корректируется этой реальностью, как своего рода reality check.

Если мы руководствуемся предпосылкой евразийской идентичности Турции, то новая стратегия в регионе должна строиться исходя из 4 осей: Анкара – Москва, Анкара – Тегеран, Анкара – Брюссель, Анкара – Эр-Рияд. В такой ситуации Анкара становится пятым – и при этом центральным! – элементом в двух огромных геополитических интеграционных проектах – в проекте евразийской интеграции по оси Москва – Тегеран и в евроафриканском проекте будущей Великой Европы.

Если Турция будет рассматриваться не как форпост атлантизма, а как самостоятельный региональный игрок, определяющий свои интересы в системе региональных центров силы, то она может сыграть огромную, возможно, решающую роль в создании мощного евразийского стратегического блока. До последнего времени кавказская и в меньшей степени центральноазиатская проблемы рассматривались геополитиками как конкуренция российско-иранской оси (региональные державы Евразии, жизненно заинтересованные в независимости всего этого пространства) и турецкого полюса притяжения, представляющего атлантистскую реальность. Эта дуальная модель сказывалась на маршрутах прокладки трубопроводов, на смысле дипломатических встреч и стратегических договоров, на разыгрывании азербайджанской карты, в том числе на вопросах Карабаха и Южного Азербайджана, и т. д. Но как только Анкара оказывается в этом пространстве не как антироссийская и антииранская одновременно сила, а как полноценный евразийский игрок, то вся картина мгновенно меняется. Инструменты турецкого влияния на Кавказе оказываются не дезинтеграционными, но интеграционными, и Турция входит в полноправный процесс евразийской интеграции вместе с Москвой и Тегераном, оговаривая, безусловно, свои собственные национальные интересы. Но это совершенно иной вектор. С Москвой у Турции отношения улучшаются, но системный евразийский характер это улучшение приобретет только в случае согласования общей последовательной стратегии, с учетом всех факторов. С Тегераном дело обстоит сложнее, хотя, возможно, эти сложности связаны больше с исторической инерцией. Турция опасается Ирана по соображениям опасности исламизма, но здесь стоит учитывать, что современный Иран явно отказался от идеи экспорта своей политической системы вовне и заинтересован, скорее, в региональной стабильности и сохранении своей системы перед лицом возрастающего давления со стороны атлантизма. У Турции, России и Ирана, по сути, одни и те же проблемы. Государственность этих стран, их суверенность и независимость в атлантистском и глобалистском сценарии подлежат отмене: неважно через прямую конфронтацию (Иран отнесен к «оси зла») или мягкое партнерство. Мы знаем, что в некоторых случаях друзья опаснее врагов, а soft power эффективнее hard power.

Отношения с Евросоюзом и арабском миром – это вторая половина проблемы. *Европа сама сегодня становится в чем-то Евразией*, она занимает промежуточное положение между азиатской материковой массой и трансатлантическими США. Изменился и этно-конфессиональный состав Европы. Поэтому и перед ней предельно остро стоит вопрос о новой идентичности. Те, кто считает, что вхождение в Европу – это ответ на все вопросы, жестоко ошибаются: Европа сегодня – это вопрос, поиск, кризис и неопределенность. Европа не может и не хочет больше быть лишь совокупностью стран, но пока еще не пробудилась как новая демократическая империя. Для Турции важно выстроить с Евросоюзом паритетные отношения. Независимо от того, войдет Турция в состав Евросоюза или нет (скорее всего, нет), она должна выстроить с Брюсселем систему сбалансированных позитивных отношений, основываясь на отказе от выполнения антиевропейских и

антиарабских функций, заложенных в основу атлантистской стратегии. Как это ни парадоксально, именно евразийская Турция, сконцентрированная на своих национальных интересах и активно участвующая в интеграционных процессах как с Европой, так и с Россией (шире, СНГ) и Ираном, будет ближе и дружественней Европе, нежели ближневосточная держава, истово настаивающая на своей светскости, враждебная всем соседям, исповедующая жесткую национальную идеологию, постоянный источник волнений для бдительных наблюдателей за «правами человека», в частности, по курдскому вопросу.

Тот же самый вектор идеально вписывается в стратегию отношений с исламским миром. Турция лучше сохранит уникальность своей системы, совмещающей светскость и традиционный ислам, не в том случае, если она примется, как предполагает Вашингтон, пропагандировать эту модель у арабов или в странах континентального ислама – это обречено на провал, но в том, если она выстроит со странами уммы сбалансированные партнерские отношения. Исламская традиция имеет свое достойное место в евразийском концерте конфессий, причем место очень влиятельное, а следовательно, евразийский ислам, евразийство как таковое сможет служить оптимальным форматом для диалога с мусульманскими странами, с гарантией сохранения за Турцией права самой выбирать политическую систему и определять баланс между религией и политикой на основе собственных национальных традиций.

Четыре довольно условные оси, лучами звезды расходящиеся от Анкары, представляют собой краткий набросок евразийской стратегии для Турции в том случае, если она сделает именно такой выбор. Как и любой исторический выбор, он сопряжен с риском, всегда имеет издержки. И эти издержки должны быть обязательно просчитаны и минимализированы. Вряд ли имеет смысл делать слишком резкие шаги в евразийском направлении: надо учитывать, что *евразийство еще не стало официально принятой стратегией основных действующих субъектов* – ни Москвы, ни Тегерана, ни Брюсселя, ни арабских стран. Но все движется именно в этом направлении. Важно заранее очертить основные вектора, а остальное – дело тайминга и политической конъюнктуры, где мы сталкиваемся с широким полем борьбы различных сил, группировок, тактик, идей, влияний, что, собственно, и составляет содержание конкретной политики.

Евразийский завет и геополитика Турции

Империя «разбойников суши»

Базовым импульсом турецкой геополитики следует признать древнейшие пласты тюркского этногенеза, которые и лежат в основе исторического возвышения турок, создавших гигантскую мировую империю (чьим сердцевинным фрагментом остается и современная Турция).

Степные кочевники, древние тюрки, были носителями ярко выраженного континентального, сухопутного начала. Они сложились в этнос на просторах Евразии и там же впитали энергию экспансии, воли и власти. Как и другие евразийские кочевники – монголы, скифы, гунны, авары, готы, аланы и т. д., – тюрки несли в своей культуре принцип кочевой империи, объединяющей под своим контролем как пустынные пастбища, так и оседлые – более миролюбивые – цивилизации. Кочевые империи являются постоянным интегрирующим элементом всей евразийской истории. По выражению Хэлфорда Маккиндера, основателя геополитики, эти империи являются ярким выражением импульса «разбойников суши». Собственно, этот экспансионистский интегрирующий имперский импульс, идущий их глубин континента, максимально далеких от береговых линий или граничащих с холодными несудоходными океаническими пространствами, и называется в геополитике евразийством.

В этом смысле предыстория современной Турции и даже предыстория Османской империи уходит корнями в чистую стихию евразийства.

Это глубинное архаическое евразийское начало следует считать закваской турецкой геополитики. И если встать на точку зрения геополитического фундаментализма, понятого по-турецки, то именно этот донный пласт должен быть рассмотрен как основной и определяющий.

А поскольку геополитика как философия пространства не знает понятия «прогресс», то данный евразийский слой ничуть не умаляется тем, что он преобладает в истории турецкой государственности и довольно сильно бледнеет на настоящем этапе.

В сущности, идея пантуранизма обращается именно к этому глубинному пласту, хотя акцент исключительно на расовом факторе и исторически предопределенная русофобия (а также перспективы использования этой идеологии в инструментальных целях третьей силой) существенно релятивизируют ее. Если бы можно было бы надеяться на ректификацию пантуранизма в евразийском ключе, то это бы вполне вписывалось в последовательную и непротиворечивую модель полноценной турецкой геополитики.

Второй уровень – это собственно османская геополитика. Здесь происходит существенное изменение изначального тюркского импульса: вступают в действие исламский фактор и сложная этнически и культурно структура завоеванных турками территорий. Здесь мы имеем геополитический симбиоз между исторической геополитикой ислама и сложнейшей многовековой геополитической системой Средиземноморья и Ближнего Востока. И геополитика ислама, и геополитика ближневосточно-средиземноморского ареала представляют собой совершенно отдельные темы, в которых тесно переплетаются сухопутные и морские вектора.

Арабские завоевания, положившие начало исламской эйкумене, в своем истоке являются, безусловно, сухопутными и континентальными. Само же Средиземноморье было клубком противоположных геополитических тенденций, где сухопутный принцип вечно сражался с морским. Причем помимо прямого противостояния сухопутного Рима морскому Карфагену, где обе геополитические реальности были представлены почти в чистом виде, эти же начала более завуалированно и тонко сходились и в каждой отдельно взятой цивилизации этого ареала – в Египте, Сирии, Месопотамии, Греции, Антиохии, Персии и т. д.

Оттоманская империя собрала весь этот сложный геополитический конгломерат под евразийским контролем жестких степняков, которые за счет своей имперостроительной энергетики, простой, но жестокой воинской этики смогли сплавить эту разнородную массу в единую геополитическую систему. Но, установив свой контроль над огромными пространствами от Магриба до Балкан и Кавказа, турки сами постепенно впитывали геополитические тенденции, свойственные покоренным цивилизациям. Полноценная картина геополитической истории Османской империи требует тщательного и подробного исследования, которое могло бы дать множество важных и интересных сведений для геополитики в целом. Пока, насколько мне известно, такого труда не существует.

Третий фундаментальный этап геополитической истории Турции можно назвать современным, национальным или постимперским. После чрезвычайного растяжения по бескрайним пространствам Средиземноморья геополитический импульс управленческого ядра империи сжался до размеров компактного национального государства. Это сразу же породило множество новых проблем: когда турки были этническим ядром имперской администрации, национальное начало совпадало с геополитической, социальной и религиозной миссией. Но при переходе к кемалистской модели государства-нации с преобладанием одного титульного этноса вопрос о национальных меньшинствах – в частности греках, болгарях, армянах и курдах – встал в новом свете. Мы знаем, что современная Турция была скреплена железной волей младотурков и основана на преобладании жесткого военного начала, сопряженного с принципами светскости и национализма. Но данное скрепленное военно-политической структурой национально-

государственное единство диктовало уже совершенно новую геополитическую линию: отныне Турция не могла претендовать на лидерство в исламском мире, так как большинство других исламских стран возникли в результате антитурецкой национальной политики, поддерживаемой и даже активно провоцируемой Великобританией; имперские функции турок были также утрачены; вокруг государства располагались старые и новые враги – арабские страны, Россия, Греция, Болгария, Югославия, Иран. В такой ситуации требовалась внешняя опора. В качестве такого неангажированного геополитического союзника в первой половине XX века Анкара обращалась к Германии, но после Второй мировой войны, этим «внешним легким» стали США.

С геополитической точки зрения это означает, что Турция перешла от большой геополитики, континентальной и имперской, к малой геополитике, ситуативной и прагматичной. Но следует учитывать и то, что вхождение в НАТО как в атлантический по форме и содержанию блок и концептуально, и исторически, и цивилизационно не могло не сталкиваться с проявлением глубинных геополитических факторов, которые, собственно, и составили историю турок, а эти факторы были, безусловно, преимущественно сухопутными и евразийскими. Решая тактические задачи, альянс с НАТО, форма национального государства и военно-демократический светский режим не могут быть основой масштабной геополитической перспективы. Иными словами, для того чтобы Турция вновь стала весомым игроком в большой, а не в малой геополитике она должна всерьез переосмыслить свою историю, наметить новые перспективы, найти надежных и верных партнеров, с чьими масштабными геополитическими проектами Анкара могла бы быть солидарна.

Ирак и Кипр, территориальные проблемы – евразийское видение

Рассмотрим, как евразийская система проецируется на ситуации в Ираке и на Кипре. В обоих случаях мы видим вмешательство в дела двух государств, принадлежащих к Евразии (Ирак и Кипр) со стороны третьей, неевразийской силы, воплощенной в стратегической воле США. Раньше было принято говорить об американском империализме. С точки зрения того языка, на котором говорит геополитика, это называется «атлантизм». Задачей атлантизма является не допустить возникновения на евразийских ключевых пространствах зоны мира и стабильности. Задача атлантизма и в Ираке, и на Кипре, и в других местах, в частности, на Кавказе, – создать хаос, столкнуть между собой народы и цивилизации, государства и культуры, а также религии, которые естественным и гармоничным образом должны быть союзниками и участниками создания единого пространства мира и процветания.

Те страны, которые сегодня все больше и больше осознают необходимость многополярного мира (Европа, особенно Германия и Франция, Россия, Турция), хотят играть роль геополитических субъектов. Они выступили с последовательным осуждением американских действий во время иракского кризиса. И это было началом, или первой демонстрацией евразийского геополитического мышления. И Европу, и Россию, и Турцию трудно было заподозрить в симпатиях к Саддаму Хусейну. Мы – последовательные приверженцы демократических ценностей, но вопросы политического управления, качества режима должны решаться гражданами той страны, которые в ней живут. Нежелание поддержать Америку (англосаксонскую коалицию) в агрессии против Ирака продемонстрировали Европа, Россия и Турция. Конечно, многие вещи изменились с этого времени, но это была первая демонстрация стратегического евразийского сознания и совместных, более или менее консолидированных и скоординированных действий великих держав XXI века.

Сегодня Ирак превращен американскими и атлантическими геополитиками в территорию хаоса с перспективами распада на несколько этнических и конфессиональных фрагментов. Та же перспектива, по сути дела, уготована Турции. В статье американского политолога Самуила Хантингтона «Столкновение цивилизаций» Турция прямо названа «country» – «страной, подлежащей расчленению». Россия в видении другого геополитика,

Бжезинского, тоже «country» – страна, подлежащая расчленению. Ирак – страна, подлежащая расчленению, страна, где расчленение уже началось, это тоже «country». Причем распад Ирака и создание, к примеру, Курдского государства на севере повлечет за собой резкую геополитическую дестабилизацию в Турции.

Проблему Северного Кипра следует поместить в тот же контекст. Турция стремится сохранить Северный Кипр в зоне своего влияния. И это вполне естественное желание суверенного государства со своей независимой стратегией. Но мы видим, что эмиссары США навязывают сегодня свое видение кипрской проблемы, которое не имеет никакого отношения к национальным интересам ни турок-киприотов, ни греков-киприотов.

Америка и атлантизм разыгрывают на Кипре свои собственные интересы. Официальная позиция России по поводу Кипра остается неизменной. Мы являемся сторонниками демократического решения этой проблемы и считаем, что судьбу народов и государств, судьбу Кипра, в том числе Северного Кипра, должны решать люди, которые живут на Кипре. Следовательно, мы активно поддерживаем тот демократический выбор, который осуществляют граждане Северного Кипра. Но при этом следует подчеркнуть, что ослабление геополитического статуса Турции в том случае, если атлантисты будут дестабилизировать ситуацию, может повредить евразийской перспективе. Это очень опасно для Турции, но логически это ослабит и позиции России. То же самое мы видели, когда ряд западных стран подталкивали международное сообщество к признанию независимости Ичкерии.

Распад государств легко начать, но трудно остановить. В этом контексте евразийское видение северо-кипрской проблемы должно исходить из следующей предпосылки: это евразийская тема, и только евразийские державы должны участвовать в ее разрешении. У России традиционно существует серьезное влияние на Грецию и на Южный Кипр. Нас сближает с греками конфессия, а с турками нас сближает общность евразийской цивилизации. Кроме того, не надо забывать, что дело происходит в Европе, и поэтому Европейский Союз тоже имеет все основания быть включенным в разрешение этой ситуации. Но совершенно недопустимо, чтобы принадлежащие к иному цивилизационному пространству американцы навязывали бы народам, государствам, целым блокам свою собственную волю.

По мере того как евразийские тенденции набирают силу в России и в Турции, мы становимся свидетелями стратегического партнерства между нашими странами. В евразийской перспективе это означает, что защита и укрепление суверенитета Турции, геополитического потенциала Турции становится, в некотором смысле, заботой России. И это, безусловно, скажется и отразится на позиции России по поводу северного Кипра. Но следует обратить внимание и на обратное: Турция должна симметрично рассматривать геополитическую судьбу России как близкую и понятную вещь, как можно более активно сотрудничать с Россией в геополитической сфере, в первую очередь на Кавказе, а также в странах Средней Азии, где обоюдное влияние наших стран достаточно сильно.

У нас не так много времени для того, чтобы осуществить этот стратегический евразийский альянс. Мировые события подталкивают нас к тому, чтобы мы поспешили с этим. Сохранение целостности и суверенитета Турции в значительной степени зависит от того, в какой степени российская внешняя политика будет развиваться в евразийском ключе. Но очень многое и в самой России, и в Кавказском регионе, и в Средней Азии будет зависеть от того, как Турция осознает свою евразийскую геополитическую миссию.

Неоевразийский проект для Турции

В Турции наибольший интерес представляют именно евразийские тенденции, так как на этой базе можно не просто достичь сиюминутной общности интересов, но и положить конец многовековому русско-турецкому конфликту в Причерноморье и на Кавказе, а также предложить для всего континента новый многополярный проект стратегической реорганизации.

Как государство-нация и член НАТО Турция представляет собой довольно антагонистическое для евразийского проекта образование: с такой Турцией у России гораздо больше геополитических противоречий, нежели общих задач. Надо быть реалистами и трезво оценивать ситуацию – определенная поддержка Анкарой чеченских сепаратистов, давние турецко-армянские трения, поддержка антимосковских настроений в Баку, вся тематика, сопровождавшая строительство нефтепровода Баку – Джейхан, явно вписывается в параметры атлантистской и антиевразийской стратегии. В такой ситуации Россия автоматически подталкивается к системе традиционных ответных ходов: укрепление связей с Ираном, приоритетная поддержка армян, лоббирование позиции греков в отношении Кипра – вплоть до благожелательного отношения к курдским повстанцам и исламским традиционалистами. Но все это тактический уровень. Ноевразийский проект предполагает нечто совершенно другое.

Ноевразийство предлагает осмыслить современную ситуацию глобально: мы стоим на пороге однополярного мира, создания глобальной атлантистской империи под прямым американским контролем и с доминацией англосаксонской системы политических, экономических и религиозных ценностей. С геополитической точки зрения, речь идет о планетарной победе моря и о проигрыше суши. А значит, в жертву «новому мировому порядку» будут принесены не просто политико-стратегические интересы сухопутных держав, но и вся система традиционных ценностей и нормативов, не укладывающихся в прокрустово ложе мондиалистской эрзац-культуры. Сегодня никто не способен победить в частном противостоянии: пока народы и конфессии оспаривают между собой, чьи ценности лучше, планетарный каток глобализации вминает в асфальт «единого человечества» все различия и особенности народов, рас, религий и культур. И в этом процессе в равной мере пострададут и те, кто добровольно пойдет на сотрудничество с США, и те, кто посмеют восстать против грядущей планетарной диктатуры.

Для того чтобы отстоять свою собственную идентичность, мы просто обязаны пойти на серьезный геополитический союз даже с теми, кто был еще совсем недавно нашим соперником и даже противником.

Речь идет о том, что в наших условиях необходимо соблюсти свою собственную суверенность путем создания определенных стратегических, политических, экономических и военных блоков. Ни одно из современных государств, даже такое большое, как Россия, Франция или Германия, не способно сохранить суверенность в условиях глобализации. Происходит процесс «десуверенизации» национальных государств. Ответить на это, сохранить суверенность с точки зрения евразийской стратегии возможно только в том случае, если мы создадим несколько крупных и мощных стратегических, экономических, цивилизационных блоков. Следовательно, необходимо искать то, что нас на самом деле и глубинно сближает. Выше я показал, что геополитический фундамент Турции следует искать именно в евразийстве. Это уже немало, это дает серьезную базу для открытия новой страницы российско-турецких отношений. Не следует, однако, строить иллюзий: написать эту страницу будет очень непросто, ведь относительный антагонизм русских и турок, так же как и все остальное, является частью нашей исторической идентичности. Однако серьезность угрозы, исходящей из американоцентричного «нового мирового порядка», должна заставить нас пройти этот этап как можно быстрее.

Великий русский философ Константин Леонтьев еще в конце XIX века предрекал, что судьбы России и Турции должны будут сомкнуться, он находил в соответствующих империях того времени много общих черт. Эта туркофилия, свойственная Леонтьеву, позже возродилась как тюркофилия русских евразийцев от Трубецкого до Гумилева. Славяне, осознавая ценность имперостроительного импульса братских тюркских народов, готовы протянуть руку дружбы Турции. Евразия огромна, и ее просторов хватит на всех. Но мы можем потерять нашу общую Родину, если сбудутся зловещие изречения о XXI веке как об «американском веке». Если этому столетию суждено стать «американским», то Евразию ожидает гибель, ведь с точки зрения основного закона геополитики атлантизм как

цивилизация моря является прямым антиподом евразийства как цивилизации суши.

В Турции уже сегодня издается множество материалов по евразийству, в особенности в контексте изданий «Рабочей партии» Турции, которые посвящены евразийству. Но евразийство не сводится только к политической или стратегической сферам. Евразийство – это философия, это особый взгляд на историю, это геополитика, это социология, это проблема постмодерна, которую необходимо внимательно изучать, поскольку именно образовательная сфера, наука и культура призваны создать евразийский контекст, в котором наши проекты смогут стремительно воплотиться в жизнь.

Евразийство в России и в Турции созрело. От «интеллектуальной лаборатории» оно переходит к уровню мощного международного социального движения. Те шаги, которые делались в этом направлении в России и в Турции, сейчас дали свой предварительный результат. Мы подошли к переломному моменту: евразийство переходит на новый качественный уровень. Показателем этого является то, что мы говорим о евразийстве при решении конкретных и болезненных политических проблем, что заставляет все большее количество людей включаться в этот евразийский процесс, думать и действовать в этом направлении, критически осмысливать многие постулаты евразийства, поскольку евразийство – это не догмат, это не законченная идеология, это приглашение думать и действовать в определенном, довольно понятном и крайне важном стратегическом ключе.

Раздел 4. Евразийство и вызов ислама

Ислам против ислама

Миф об «исламской угрозе»

Исламский мир – Турция, страны арабского Ближнего Востока и Магриба, Иран, Пакистан, Индонезия и др. – потенциальный партнер и союзник России и, шире, Евразийского Союза. Но строительству «осей дружбы» зачастую мешают стереотипы, фабрикуемые архитекторами «нового мирового порядка».

Среди таких современных политических мифов, потребляемых наивными массами, одним из злобнейших является миф о едином исламском фундаментализме как дикой мракобесной силе, угрожающей цивилизационному человечеству и особенно «богатому Северу». Существованием исламской опасности или фундаменталистской опасности оправдывается наличие НАТО. Этот аргумент является одним из главнейших в политико-стратегических отношениях между Западом и Россией. Перед лицом этого мнимого зла Запад отводит России роль заградительного отряда. По крайней мере, на этом настаивают официальные представители НАТО и посланцы Вашингтона. На самом деле все обстоит совершенно иначе. Эта концепция является лишь дымовой завесой, ширмой для осуществления Западом своих реальных и более изощренных и тонких стратегических операций, направленных, в соответствии с нормами классической стратегии, на столкновение между собой потенциальных союзников в лагере конкурентов, для того чтобы расправиться с каждым из них по одиночке.

Исламский мир далеко не однороден. Следует подчеркнуть, что, вопреки исламистскому проекту, отрицающему многообразие различных культур народов, исповедующих ислам, евразийство, напротив, видит в самобытности каждого из этих народов, в уникальности их усвоения и адаптации ислама к своим локальным условиям высшую ценность.

В исламском мире есть несколько влиятельных геополитических узлов, каждый из которых опирается на обособленные религиозные, исторические, культурные и цивилизационные тенденции и проводит самостоятельную стратегическую линию как в глобальном, так и в локальном масштабе. Помимо собственно фундаментализма в исламе существует множество других версий и течений. Но – что еще важнее – за самим понятием «исламский фундаментализм» стоит несколько не просто различных, но прямо противоположных тенденций. Не осознав этого, мы не сможем адекватно осознать ни смысла происходящих сегодня кризисных событий в Чечне и Дагестане, а также на Северном Кавказе, ни назревающей катастрофы в других районах с исламским населением на территории РФ, – ни того, что происходит в исламском мире в целом.

Полюса ислама

Наиболее геополитически активными полюсами исламского мира являются следующие цивилизационные и политические центры.

а) Важную роль во всем исламском мире играет Саудовская Аравия, где идеология ваххабизма является не просто весьма распространенной, но официальной идеологией правящего режима. Ваххабизм представляет собой крайне моралистическую пуританскую экстремистскую форму арабского суннизма, абсолютно лишенную намека на какие бы то ни было мистические, инициатические элементы. Это – ислам, полностью лишенный духовного измерения, воплощение моралистического фанатизма и самодовлеющей буквы законничества. В определенном смысле, к понятию «ваххабизм» термин «фарисейство» применим в еще большей степени, чем к иудейской религии.

В современной же реальности этот саудовский ваххабитский полюс, сопряженный с тоталитарным правлением нефтяных шейхов, является абсолютным союзником атлантистского Запада, надежнейшим форпостом США в странах Ближнего Востока и, шире, во всем исламском мире.

б) Второй, во всем противоположный первому полюс, воплощен в иранском исламе преимущественно шиитского направления. К этой же категории примыкают различные течения в суннитском исламе, имеющие подчеркнута мистическую, инициатическую ориентацию. Совокупно эти группы можно назвать шиитско-суфийскими. Это течение и исторически, и философски, и культурно представляет собой полную противоположность ваххабитской версии. Это ислам живой, визионерский, парадоксалистский. Мораль и внешняя буква имеют в нем второстепенное значение. На первом же месте стоит мистика личного или коллективного преображающего опыта, тайного сердечного знания, таинственного, сложного пути к центру вещей. Проиранские, шиитско-суфийские течения в современном исламе геополитически можно совокупно назвать евразийскими, континентальными. Они, как правило, имеют общий знаменатель – радикальную неприязнь к Западу и атлантизму, священную ненависть к технократической материальной атеистической цивилизации богатого Севера, отождествляемого с «большим шайтаном».

Важно подчеркнуть абсолютную несовместимость этих двух разновидностей исламского фундаментализма. Показателен тот факт, что шиитский мир высшими духовными авторитетами почитает убиенных имамов, погибших от рук султана Йазида. Ваххабитская же традиция, со своей стороны, считает этого исторического персонажа – халифа Йазида – высочайшим духовным авторитетом. Таким образом, здесь налицо тотальная религиозная, психологическая и геополитическая оппозиция.

в) Следующей самостоятельной версией ислама, сегодня ограниченной, впрочем, почти исключительно арабским миром, являются различные версии исламского социализма, чаще всего связанные исторически с партией БААС. До вторжения американцев в Ирак в начале 2000-х годов и событий «арабской весны» начала 2010-х эта тенденция была чрезвычайно сильна в Ираке, Сирии, Ливане, Южном Йемене, а также в Египте и Ливии. В свое время исламский социализм геополитически поддерживался Советским Союзом, но после его распада это направление стало постепенно терять свое влияние перед лицом неуклонно растущей популярности разнообразных фундаменталистских тенденций. В будущем, чтобы выжить, данное течение обречено на комбинацию с иными исламскими движениями.

г) Еще одной мощной тенденцией в исламском мире является «просвещенный исламизм». Он представляет собой фактически полный отказ от нормативов исламской традиции в ее религиозном и цивилизационном измерении, ориентируется на копирование западных образцов политики и экономики, представляет собой, по сути, светскую модель атлантистского толка, целиком прозападную и стратегически несамостоятельную, но в то же время сохранившую рудиментарные, сувенирные элементы фольклорного исламизма. Самые характерные примеры таких режимов в исламском мире: светская Турция, проамериканский Египет во времена Мубарака, Тунис при Бен Али, Пакистан, Алжир, Марокко.

Перечисленные четыре версии ислама, несмотря на свое разнообразие, могут быть сгруппированы по геополитическим ориентациям следующим образом: потенциально евразийскими является суфийско-шиитская линия и остаточный арабский социализм; атлантистскими – саудовский ваххабизм и «просвещенный ислам». Поэтому когда речь заходит об исламском факторе, мы обязаны немедленно уточнить, что, собственно, имеется в виду, хотя бы в рамках приведенной нами выше несколько упрощенной схемы.

Геополитическая подоплека

Итак, представление о «едином исламе» является заведомо ложным и чисто пропагандистским ходом. Есть ислам евразийский и ислам атлантистский, прозападный и антизападный, и критерием разделения служит не факт исповедания религии Мухаммада, а

специфика исповедания, в частности, противоположность ваххабизма и суфизма; не особенности светского политического режима, но геополитические предпочтения конкретной идеологии – в частности, радикальная оппозиция капиталистических прозападных режимов просвещенного исламизма и стран исламского социализма.

Запад поддерживает атлантистски ориентированный ислам и борется против ислама евразийского. В отношении такой объективно и органически евразийской державы, как Россия, стратегия Запада однозначна: Россию необходимо посорить с потенциальным союзником (евразийским исламом), а также поддержать все антироссийские подрывные действия всех сил «атлантизма в исламском обличии». Этой формулой и руководствуются американские и натовские стратеги, навязывая российскому руководству те правила международных внешне– и внутривнутриполитических отношений, которые будут удовлетворять интересам «нового мирового порядка».

Так как геополитические интересы Запада транслируются внутри России посредством атлантистской агентуры влияния (прозападного лобби), то совершенно логичным становится внешне противоречивое и парадоксальное (если не учитывать геополитику) отношение либералов к чеченской кампании: с одной стороны, либералы помогали раздувать антиисламские настроения в российских массах, с другой стороны, проявляли солидарность с мусульманами там, где речь шла о нанесении ощутимого вреда России как евразийской оси.

Со стороны патриотов было бы также вполне логично руководствоваться строго геополитическим подходом, отбросив все эмоциональные или вкусовые предпочтения, конфессиональные противоречия, скорее преодолеть страшную память междоусобной войны. Но, увы, если геополитическое самосознание Запада в практической плоскости опирается на сотни серьезных аналитических центров, фондов и интеллектуальных институтов, которые впоследствии и снабжают геополитическими проектами проводников своей политики в других странах (среди прочего и российских либералов и «молодых реформаторов»), то геополитическое самосознание национальных сил России фрагментарно, поверхностно, случайно, эмоционально и неразвито.

Почти всеобщее геополитическое невежество патриотов крайне облегчает реализацию атлантистских планов и замедляет процесс пробуждения нашего народа и государства к исполнению органичной и естественной евразийской миссии.

Идеологическая карта Чечни 1990—2000-х гг.: атлантистский ислам против евразийского

Внутренний конфликт в Чечне во время первой (1994–1996) и второй (1999–2009) кампаний обусловлен радикальной разнородностью тех сил, которые были сплочены изначальной антироссийской кампанией. Можно очень условно сопоставить промосковские силы на ранних стадиях конфликта – Хасбулатов, Завгаев и т. д. – с позицией «исламских социалистов». Но ослабление и геополитическая самоликвидация Москвы, особенно в период практического полновластия там неприкрытых атлантистов, обрекла их позицию на неминуемое поражение. Против них и против Москвы сплотились три силы: национал-фундаменталистские, протурецкие (просвещенный исламизм) и ваххабитские, в основном импортированные извне. Здесь важно учитывать еще один фактор: чеченский ислам традиционно является практически исключительно суфийским по своей ориентации, совершенно чуждым саудовскому морализму, и, напротив, близким к шиитским и иранским моделям. Следовательно, органичный и последовательный чеченский фундаментализм с необходимостью окрашен в евразийские тона. Это отнюдь не означает автоматической симпатии к Москве как к основному полюсу Евразии, но в то же время практически исключает атлантистскую, прозападную ориентацию.

Протурецкая и ваххабитская линии имеют совершенно иное содержание. Это геополитические тенденции, которые вовлекают Чечню в новый цивилизационный контекст,

не имеющий никаких исторических и духовных корней. Причем здесь важно указать на то, что современная светская Турция – член НАТО – к своим собственным фундаменталистским и национально-органическим силам относится крайне враждебно. И поэтому следует различать контакты некоторых чеченских фундаменталистов с турецкими исламистами проиранского толка, чаще всего находящимися вне закона и у себя на родине, в Турции, и ориентацию на официальную Анкару других, откровенно проатлантистских, чеченских лидеров.

Иными словами, в определенный момент для самих чеченцев должно было стать очевидным, что силы атлантистского ислама (ваххабизм) и протурецкое лобби навязывают Чечне такую модель, которая будет противоположна культурной, цивилизационной и религиозной специфике этого экзотического и своеобразного народа еще в большей степени, нежели исполнение воли Москвы.

Первым аккордом такого геополитического осознания является настоящий конфликт между сторонниками и противниками ваххабизма.

Афганская модель

Другим ярким примером геополитической противоположности исламских сил являются основные действующие лица афганского конфликта 1980-х – 2010-х годов. Там также существовало несколько разнородных тенденций.

а) Исламский социализм Кармаля и Наджибуллы, утративший свои позиции вместе с падением СССР.

б) Широкая коалиция моджахедов, которая включала в себя как фундаменталистов проиранской ориентации, в основном суфиев, так и ваххабитски ориентированные группы, связанные одновременно с атлантистским руководством официального Пакистана. Впоследствии эти силы составили костяк антиталибского «Северного альянса» (1996–2001), ориентированного проирански и пророссийски одновременно. При этом региональные полевые командиры, пусть и номинально, лояльны проамериканскому правительству Хамида Карзая.

в) Фундаменталистское ваххабитское движение «Талибан», ориентирующееся на Саудовскую Аравию, Пакистан, и опосредованно – на атлантистские страны.

г) Просвещенный исламизм – действующая власть Исламской республики Афганистан.

После падения Наджибуллы основная линия конфликта прошла внутри этой второй группы. Движение талибов представляет собой откровенно атлантистский вектор, поддерживаемый через Пакистан Западом, а остальные суфийские и проиранские группы – таджиков Ахмад-шах Масуда и Раббани, узбека Дустума и хазарийца Халила – выступили против коалиции талибов. Показательно, что в какой-то момент успехи атлантистов-талибов заставили антиатлантистских моджахедов искать союза даже с Москвой, что, на самом деле, следовало бы сделать намного раньше.

Ясное понимание геополитических закономерностей в этой сфере помогает понять и конфликт в Таджикистане 1992–1997 гг., в котором, к счастью, ваххабитский и проталибский фактор недостаточно силен, и арьергардные – в историческом смысле – бои велись между исламским социализмом Рахмонова и фундаменталистами суфистского, проиранского толка. Кстати, подпитываемая из Афганистана таджикская оппозиция резко смягчила свои требования и пошла на переговорный процесс именно тогда, когда в самом Афганистане моджахеды-суфии едва не были сметены волной талибов и перед лицом тотального поражения обратились за стратегической помощью к Москве.

Неумолимая логика альянсов

Геополитическое мышление является единственно адекватным в современном мире. Независимо от того, принимаем ли мы выводы и методы геополитики или нет, сама логика

событий заставит нас считаться с этой реальностью, так как на геополитике построена вся стратегическая методика Запада, который на данный момент остался единственным хозяином планеты. Там, где его торжество неполно, там его геополитические требования не соблюдаются или соблюдаются плохо. Но от этого сила давления – а оно очень реально и действенно – отнюдь не уменьшается. Следовательно, и в случае России наличие у политического руководства страны и даже у простых патриотов и людей с обостренным чувством гражданственности базовых навыков геополитического самосознания является необходимым требованием. И напротив, геополитическое невежество в такой критической ситуации, в которой мы находимся, просто преступно.

Объективная логика геополитики диктует со всей очевидностью и недвусмысленностью необходимость скорейшего стратегического альянса всех евразийских сил, какой бы ни была их конфессиональная, расовая, культурная или идеологическая принадлежность. В частности, сам собой напрашивается российско-исламский пакт, координация общей стратегии Москвы и тех течений в исламе, которые ориентированы на Иран, суфизм, фундаментализм почвенного, континентального и антизападного типа. Это касается как внешнеполитических, так и внутривнутриполитических проектов.

Из такой общей установки уже нетрудно вывести целый веер рекомендаций политическому руководству и силовым министерствам России в отношении ситуации в Чечне и, шире, на Северном Кавказе. Евразийский чеченский ислам, который совсем недавно рассматривался исключительно как непримиримый враг, на самом деле в 2000-е годы проявил свое геополитическое и цивилизационное качество, а оно отмечено явным евразийством.

Так стоит ли терять время?

Геополитика арабского мира

Геополитический подход – против клише о «колыбели терроризма»

Как уже я отмечал выше, одним из расхожих клише стало отождествление в странах Запада исламского (и в том числе арабского) мира с колыбелью международного терроризма. В доказательство приводят зловещие фигуры бен Ладена и Саддама Хусейна, события 11 сентября 2001 года, непрекращающийся палестинско-израильский конфликт, распространение по всему миру ряда радикальных исламских течений, практикующих террор на базе своеобразно проинтерпретированных религиозных ценностей. Беспристрастному наблюдателю очевидно, что такая демонизация арабского мира является явной натяжкой, не имеет ничего общего с действительностью. Но внутренняя растерянность арабов не позволяет пока выдвинуть какой-то солидарный ответ на этот вызов. С одной стороны, арабский мир разрознен, и его сотрясают внутренние противоречия. С другой стороны, арабская цивилизация, как, впрочем, и любая традиционная цивилизация, на самом деле, не может безоговорочно принять нормативы глобализма, активно навязываемого народам Земли США и странами «богатого севера». Кроме того, сегодня отсутствует адекватный понятийный аппарат для того, чтобы адекватно сформулировать свои глобальные стратегические позиции – идеологические штампы прошлой эпохи более не пригодны.

Поэтому введение геополитической методологии в арабский культурно-политический контекст мне представляется более чем актуальным.

Палео-геополитика семитской расы и реперкуссии в современность

Не претендуя на компетентность в этих вопросах, я постараюсь наметить определенные ключевые моменты арабской геополитики в самых общих чертах. Геополитика арабского мира имеет древнейшую историю. Изначальным этапом ее можно считать геополитику

семитской расы от древней Ассирии, Сирии вплоть до общесредиземноморской финикийской империи. Очерк этой древнейшей палео-геополитики семитских народов представлял бы собой увлекательное и поучительное повествование. Сразу можно заметить, что уже в этот период семитское пространство имеет оба характерных полюса – сухопутный и морской. Ассирия, Эдом, Моав и аравийские государства относятся к тому, что геополитика называет «цивилизацией Суши», финикийская морская империя является пример законченной «талассократии».

Более того, в геополитическом учении именно Карфаген берется в качестве собирательного понятия для обозначения «талассократии» – «власти посредством моря». Таким образом, в архаических пластах истории арабская геополитика находит один из классических типов геополитических систем – Карфаген, который является матрицей позднейших талассократий. С точки зрения ортодоксальной геополитики, современные США являются историческим и типологическим развитием именно карфагенской модели. Сами основатели американской геополитической школы, такие как адмирал Мэхэн, Брукс Адамс и позднее Николас Спикмен, отчетливо осознавали «морской характер» американской империи, восходящей к образцам Великобритании, Голландии, Венеции и так вплоть до Финикии. Таким образом, сегодняшний мировой геополитический гегемон – США – по своей типологии имеет палео-семитские корни.

С геополитической точки зрения, в США нет ничего «римского». Напротив, это глобализация и модернизация главного противника Рима в пунических войнах. Так, за Атлантикой великий Карфаген был спустя тысячелетия возрожден из пепла. В определенном смысле современный арабский мир и генетически, и пространственно наследует карфагенскую эстафету, быть может, поэтому диалог арабов с США переживается сегодня столь остро. При этом следует подчеркнуть, что «финикийская» составляющая арабской геополитики – это только одно из двух. Естественно, преемственность в данном случае весьма относительна, и рассматривать ее характер следует весьма диалектически.

Геополитика халифата

Нынешний арабский мир, в значительной степени совпадающий с ареалом распространения древних финикийцев, тем не менее имеет несколько иной геополитический исток. Осью современного арабского мира являются потомки выходцев из Аравийского полуострова, влекомые подъемом исламской религии. В VII веке семитский мир был раздроблен, и отдельные его части входили в различные государственные образования – в частности в Византийскую империю и т. д. Появление в Западной Аравии исламской религии стало основой радикального преобразования всего мирового пространства. Для геополитического анализа важно, что ислам зародился среди арабских племен бедуинов, жителей внутренней пустыни, чей ландшафт («месторазвитие») представляет собой чистую стихию суши, парадигмальный пейзаж теллуократии. В своей картине мира один из первых геополитиков англичанин Хэлфорд Маккиндер использует термины «разбойники суши» и «разбойники моря», понимая под ними истоковые импульсы, лежащие в основе наиболее масштабных мировых империй противоположных геополитических ориентаций. «Разбойники моря», корсары, мореплаватели, торговцы, колонизаторы и их потомки создают морские империи, талассократии; «разбойники суши», кочевники, воины, завоеватели – сухопутные империи, теллуократии. В этом смысле созданный Мухаммадом и его последователями халифат был по происхождению, структуре и геополитическому качеству продуктом именно «разбойников суши» (равно как и империя Чингисхана, положившая основу Российской Империи и собственно политической интеграции Евразии).

Халифат, таким образом, в семитском мире проистекал из матрицы, геополитически полярной Финикии. Это была антитеза Финикии, своего рода «арабский Рим» (если под «Римом» понимать не город и цивилизацию, а геополитический принцип, архетип теллуократии).

Изначальный халифат является парадигмой современного арабского мира, его генетическим и геополитическим стартом, его надвременным идеалом и образцом. Структура халифата соединяла в себе религиозные, правовые, этнические, обрядовые, доктринальные, этические и иные нормы. По сути, это геополитическая матрица арабского мира, в каком-то смысле сам арабский мир. Дальнейшая судьба арабских народов, завоевание Северной Африки, Сирии, Палестины, Пиреней, Анатолии, Персии и так вплоть до Средней Азии, Кавказа, Синда и т. д. – было, по сути, распространением халифата с интеграцией в его состав инонациональных элементов и царств, принимавших основные параметры аравийско-исламского религиозно-культурного цивилизационного стиля. Изначально весь исламский мир был чем-то наподобие единого халифата, расширенного до мировых пропорций.

Это очень важный момент: халифат является геополитической матрицей арабского мира. И именно потому, что ислам представляет собой не просто «религию» в ее современном западном смысле, но еще и политическое, социальное, экономическое, этическое и культурное учение, его возрождение остро и жестко (подчас ультимативно) ставит геополитические проблемы.

Геополитические и государственно-политические мотивы заложены в самой сердцевине исламской традиции, генетически и цивилизационно восходящей к изначальной системе арабского халифата. Геополитика халифата актуальна вплоть до сегодняшнего дня, так как среди всех остальных вариантов, именно эта форма идентификации является для арабского мира, понятого как целостность, наиболее ясной и надежной, соответствующей фундаментальным историческим и цивилизационным основам.

Геополитика ислама

В IX в. единый халифат распался на несколько фактически самостоятельных феодальных государств. С первой половины X в. существовали халифаты Фатимидов (909—1171), Омейядов в Испании (929—1031) и Аббасидов. В этом процессе разложения халифата все отчетливее проявлялись местные особенности конкретных пространств, объединенных изначально «импульсом пустыни» и свежим новорожденным исламом.

Одной из важнейших линий был заложенный на ранних стадиях раскол на суннитов (подавляющее большинство мусульман) и шиитов. С самого начала шиитское меньшинство стало полюсом «регионализации» ислама, нюансированной и тонкой дезуниверсализации его религиозной и геополитической миссии. Будучи в большинстве случаев миноритарными диссидентами, шииты формировали в себе альтернативную геополитическую модель ислама, толковавшую смысл и содержание уммы и ее политико-правовое устройство на свой собственный лад. Шиизм нес в себе открытость к мистико-созерцательному элементу, экстатической харизматике имамата, наделенного особыми духовными и политическими привилегиями, и оспаривал политико-религиозную легитимность магистрального развития халифата. По сути, это был полюс внутрисламской цивилизационной альтернативы.

В Фатимидском халифате и много позже в шиитском Иране этот шиитский геополитический проект получил свое выражение, довольно жестко противопоставленное мажоритарному исламу. Контекст шиитской версии исламской теологии предрасполагает к учету региональных культурных особенностей, что облегчает проникновение в исламский контекст местных геополитических элементов. В любом случае разложение единства халифата на отдельные составляющие размывало изначальную идентичность арабского мира, открывало дверь проникновению в общий универсальный контекст местных элементов, что в сочетании с этнической и религиозной арабизацией порождало мозаичную картину полуинтегрированного единства, в котором отдельные составляющие могли довольно далеко отходить от универсальной халифатско-аравийской матрицы, увлекаясь иными геополитическими энергиями.

Реальная геополитическая история исламских стран и народов дает богатую картину этого процесса, динамичного взаимодействия культурными, политическими и религиозными элементами, что составило разнообразную и чрезвычайно разнородную картину реального исламского мира.

Для нас важно, что, будучи продуктом широкой экспансии изначально унифицированной и единообразной этнокультурной религиозно-политической модели, сопряженной с общим и единым для все геополитическим проектом (арабский халифат), исламский мир постепенно стал геополитической мозаикой, состоящей из довольно разнородных частей, значительная часть которых довольно далеко отошла от изначальной матрицы. Геополитика исламского мира исторически и этно-политически совпадала с геополитикой арабского мира лишь до определенного момента; после него мы имеем дело уже с более сложной и разнородной геополитической системой, в которой следует учитывать многомерные влияния этнических и культурных факторов в сочетании с проекциями «качественного пространства».

Османская империя

После взятия Египта в 1517 г. турками каирские халифы Аббасиды передали инвеституру победителям, и Османская империя стала новой геополитической структурой исламского мира, его политическим выражением. В определенном смысле турки взяли на себя миссию восстановителей халифата, но на самом деле Османская империя была устроена совершенно иным образом и имела иной геополитический вектор. Сразу следует сказать, что турки пришли из евразийских степей и по геополитической классификации были типичными представителями «разбойников суши». Османская империя в своих истоках есть типичная теллурократия, основанная на импульсе энергичных кочевников-завоевателей. Но, в отличие от изначального арабского халифата, в ней полностью отсутствует религиозно-культурная универсальная составляющая. Турецкая империя настаивала лишь на административном единстве правления – вполне в духе монголов или в меньшей степени русских, в остальном она, опираясь на номинальный ислам, вполне терпимо относилась к региональным особенностям народов и культур, попавших под ее контроль.

Турецкий «халифат», претендовавший на формальную преемственность Аббасидам, был не унитарной, но плюральной империей, разнородной культурно, этнически и социально, и не случайно в Османской империи процветали разнообразные суфийские ордена, впитывавшие и свободно развивавшие формально исламизированные местные национальные культы и традиции.

В Османской империи арабы были лишь одной из этнических составляющих наряду со многими другими, и не случайно национальный подъем арабского мира в XIX–XX веках мыслился как процесс национального освобождения от власти турок – почти как и в среде православных народов Греции и Балкан, попавших в сходную ситуацию, с тем лишь различием, что завоеватели навязывали побежденным иное вероисповедание.

Таким образом, с XVI века арабский мир как осколок изначального халифата, разрозненный и покоренный, постепенно шел к выработке новой геополитической программы. В XIX веке эти геополитические тенденции стали воплощаться в теории арабского национализма.

Появление современных арабских государств и панарабский проект

Распад Османской империи провоцировался не только внутренними процессами и национально-освободительной борьбой народов, в нее входивших, но и внешними силами – в первую очередь Великобританией, мечтавшей колонизировать обширные пространства Средиземноморья, необходимые ей для геополитического контроля над Европой. Колониальная политика Англии использовала в своих интересах подъем арабского

национализма и способствовала возникновению новых независимых арабских государств.

Практически все новосозданные после распада Османской империи арабские государства, кроме Саудовской Аравии, строились по светским принципам, как прямой аналог западноевропейских атеистических держав. Границы между современными арабскими странами абсолютно произвольны. Они основаны на том, что принято называть «постимперской легитимностью». Эти границы не несут в себе никакого качественного или исторического содержания, по обе их стороны живет, как правило, один и тот же народ с одной и той же культурой. Государственная история каждой из этих стран коротка и довольно малозначительна. Межгосударственные конфликты напоминают более внутрисемейные склоки, нежели эпизоды диалога культур, политических идей или цивилизаций.

Осознание искусственной природы арабских государств, подъем интереса к исламской религии, вступление в политические процессы социальных низов арабского мира, продолжающих стихийно жить в условиях традиционного общества, – все это привело к постепенной ферментации панарабского проекта как воли к объединению арабов в единую политическую конструкцию.

Панарабский проект имеет две принципиальные версии: социал-национальную – в стиле партии Баас или Муаммара Каддафи, светскую, основанную на национализме, – и религиозную (фундаменталистскую), основанную на идее возврата к интегральному традиционализму (она ориентирована более на Саудовскую Аравию, ваххабизм и его аналоги). Оба проекта совпадают в характере геополитической воли: объединение арабских стран в единое политико-стратегическое пространство. Однако идеология этого объединения существенно различается. Как бы то ни было, геополитика интеграции арабского мира представляет собой увлекательную модель конструирования будущего. И привлечение к верстке этого проекта геополитического инструментария в высшей степени важно и своевременно. С другой стороны, даже в таких искусственных образованиях, как существующие арабские государства, постепенно накапливается историческая инерция, складывается некое подобие национальной идентичности, что на практике создает многополюсную картину, мозаику локальной геополитики.

Война в Персидском заливе 1991 г.: геополитический анализ

Классик современной геополитики австрийский генерал Йордис фон Лохаузен привел пример геополитического анализа войны в Персидском заливе 1991 года. Этот разбор показывает функционирование геополитической методологии применительно к конкретным ситуациям. Ирак Саддама Хусейна представляет собой сухопутное государство, тяготеющее к автаркии, чрезвычайно богатое нефтью и стремящееся к ее экспорту. Ирак – это региональный heartland. Понимая это, англичане создают в береговой зоне марионеточное государство Кувейт, запирающее Ирак и прямо контролируемое Англией (позже США). Теперь экономический и стратегический контроль над полуавтаркийным и довольно крупным унитарным Ираком зависит от контроля над небольшой береговой зоной Кувейтом. Пока Ирак следует в русле атлантистской (западной) политики, запор в виде Кувейта имеет ограничительное значение. Но когда Ирак пытается выйти на самостоятельный курс, вопрос контроля над Кувейтом приобретает жизненно важное значение. Кувейт населен теми же арабами, что и Ирак, но геополитически это зона более прямого атлантистского контроля. Саддам Хусейн вторгается в Кувейт, чтобы иметь свободу доступа к портам. В ответ американские и европейские войска, при попустительстве контуженного геополитически СССР, вступают в Кувейт, потом в южную часть Ирака, и отбрасывают Хусейна вглубь страны. Кувейтский запор укрепляется, континентальный Ирак замкнут, через 11 лет блокады его оккупация атлантистскими войсками составляет уже чисто техническую задачу. Все формальные поводы и предлоги войны ничего не значат. Единственное истинное содержание – нарушение, сохранение или изменение геополитического баланса.

Арабо-израильский конфликт

Геополитика арабо-израильского конфликта – отдельная большая тема. Самым общим образом она описывается так. Израиль был задуман как антибританское образование с опорой на евреев, выходцев из России. Это национал-социалистическое расистское государство стало зоной общего внимания Англии и России (СССР). С конца 40-х СССР сделал выбор в поддержку арабской стороны, и Израиль стал ассоциироваться геополитически с Западом. До определенного момента – начало 60-х – Тель-Авив старался ориентироваться преимущественно на Европу наподобие политики Франции, и лишь к 1967 американское влияние там укрепилось окончательно. С этого момента геополитические роли в нем установились окончательно: евразийский СССР поддерживал сторону палестинцев и арабов в целом, США последовательно поддерживали Израиль как региональный оплот атлантизма.

До момента краха СССР и распада двухполюсного мира тезис интифады имел строго евразийский характер, и поддержка Палестины была нормативом евразийской геополитики. Но после краха СССР и переход евразийской геополитики из актуального состояния в потенциальное, вся картина изменилась. Инерциальная и существенно ослабленная поддержка Москвой ООП и Арафата стала значить намного меньше, чем ранее. Со своей стороны, смысл одномерной поддержки Израиля со стороны США тоже несколько утратился, и конфликт приобрел региональный характер, в котором США стремится играть уже не с одной, но с обеих сторон, тогда как России, утратившей геополитическую субъектность, остается только подыгрывать США также с обеих сторон, причем отныне весомость ее действий резко падает.

Вместе с тем, все более двусмысленным становится сам курс на создание Палестинского государства. Оно теряет смысл как в панарабском проекте, так и в проекте возрождения исламского халифата. Кроме того, в эпоху интеграций национальных государств в «большие пространства» потенциальному палестинскому государству не сулит получить даже призрака суверенитета. Таким образом, палестино-еврейский конфликт становится не столько геополитическим, сколько цивилизационным, и провоцирует обращение к фундаментальным религиозно-философским вопросам, на которые заведомо не существует однозначного банального ответа.

Вместе с тем, рассмотрение региональной геополитики этой сложнейшей проблемы может дать множество полезных результатов.

Евразийский проект для арабского мира

В заключение скажу несколько слов о евразийском видении будущего арабского мира. Евразийский проект исходит из того, что человечество в XXI веке должно жить в условиях многополярности, а не однополярности. Однополярный глобализм несет в себе смертельную угрозу человечеству, и ему должна быть предъявлена реальная альтернатива. Такой альтернативой заведомо не может стать проект сохранения прежних национальных государств – таких как Франция, Египет, Ливан, Россия, Иран и т. д. Каждая из существующих сегодня стран (за исключением США) не дотягивает до статуса «полюса» в одиночку. Только при интеграции в созвездие «больших пространств» можно выстроить подлинную многополярность. Евразийский проект многополярного мира видит 4 планетарных пояса, расположенных по меридиану: американский, евроафриканский, евразийский и тихоокеанский. Каждый пояс состоит из нескольких «больших пространств». Арабский мир представляет собой в этой картине одно из трех «больших пространств» евроафриканского пояса. К северу от него находится единое «большое пространство» Евросоюза, к югу – «большое пространство» Черной Африки. «Большое пространство» панарабского мира представляет собой самодостаточный автаркийный блок, объединенный цивилизационно, культурно, религиозно, экономически и стратегически. Техно-

экономическую поддержку он получает с севера и продлевает этот развивающий импульс в сторону африканского транссахарского юга.

При этом следует учесть, что евразийский проект видит континентальный (неарабский) ислам самостоятельным «большим пространством», технологически связанным по меридиану с Россией-Евразией, что, естественно, не означает трений с арабским «большим пространством». Эти проекты поясов и «больших пространств», впрочем, принадлежат к геополитике будущего, и их детальная разработка – дело новых геополитических школ.

Каким будет идеологическое содержание панарабского проекта, решать самим арабам. Единственно, следует предупредить о том, что слишком формальное утверждение универсалистских, почти одномерно-тоталитарных мотивов такой интеграции, с которым мы часто сталкиваемся в проектах фундаменталистов, салафитов и ваххабитов, распространяющих модель халифата не просто на весь исламский мир (в том числе неарабский), но и на все человечество, явно не способствуют реализации чаяний арабского единства на практике. Более того, слишком агрессивные лозунги фундаменталистов в стиле «Islamic World State» легко могут превратить друзей и союзников арабского мира, к которым, безусловно, отношусь и я, в нечто иное, вплоть до противников. Последнее: с арабами русских связывает многочисленные исторические узы. Но помимо прошлого у нас впереди общее будущее: нам предстоит строить справедливый многополярный мир, уважающий различие культур, религий и цивилизаций. А это значит, что у нас есть и общий враг – глобализм, планетарное насаждение атлантизма. Известно, что ничто так не сближает, как общий враг. Поэтому я рассматриваю перевод моей книги на древний арабский язык как еще один кирпич, положенный в здание великой борьбы суши против моря. И я убежден, что с опорой на геополитику мы вместе построим новый лучший мир – справедливый и свободный от эксплуатации, насилия и лжи.

Проект «Великого Ближнего Востока» и его враги

Исламский мир и образ «глобального врага»

Для понимания стратегии атлантистов на Ближнем Востоке, отношения Запада к войне в Сирии, переворотам в Египте, послевоенному хаосу в Ливии и т. д. необходимо иметь в виду проект, обнародованный 9 лет назад администрацией Буша и не теряющий своей актуальности и сейчас – и как «дорожная карта» для пока что отставленных от власти неоконсерваторов, и как выражение внешней политики Вашингтона в целом.

Проект американских консерваторов, призванный спасти постоянно ухудшающуюся для американцев ситуацию, получивший название «*Великий Ближний Восток*» (Greater Middle East), был подготовлен весной 2004-го, а в июне того же года обнародован Джорджем Бушем на Стамбульском саммите НАТО. Этот проект дает американскую трактовку всей ситуации, определяет основные моменты американских интересов.

Показательно, что этот проект не только вызвал тогда бурю возмущения в арабском и исламском мире, но и встретил жесткое сопротивление со стороны Франции и мягкое – со стороны Берлина.

Проект «Великого Ближнего Востока» основан на геополитической концепции американских правых неоконсерваторов *о необходимости найти нового «глобального врага»*. После краха СССР и резкого ослабления России США понадобился новый претендент на роль «империи зла», и *эта роль постепенно отошла исламскому миру*. Демонизации мусульман в глазах американских стратегов помогли теракты исламских экстремистов 11 сентября: *реальность американской трагедии подтверждала теоретические конструкции неоконсерваторов*. Яснее всех эту позицию сформулировал неоконсервативный теоретик – очень влиятельный в республиканских кругах – Майкл Ледин. Его мысль сводится к следующему: «современный исламский мир – это новое издание фашизма», но «фашизм

играет без правил», следовательно, победить «фашизм (т. е. исламский мир) можно только с помощью фашизма (т. е. крайне жестких и агрессивных действий, попирающих – ради «благих» целей – некоторые основополагающие нормы демократии)». На протяжении последних 20 лет Майкл Ледина настаивал на американском вторжении в Афганистан и Ирак, на объявлении войны Ирану, Сирии, Ливану и, в перспективе, даже Саудовской Аравии. Некоторое время официальный Вашингтон от него отмахивался, но с конца 90-х годов прошлого столетия все пошло именно по его сценарию, а события 11 сентября 2001 года сделали Ледина «политическим пророком» американских ястребов-республиканцев.

Концепция «Великого Ближнего Востока» сформулирована в той же неоконсервативной лаборатории идей, что и остальные проекты Ледина. Ее смысл: *прямое силовое вторжение американской военной и политической системы в исламский мир; свержение исламских режимов, отказывающихся активно сотрудничать с США; военные действия против Ирана, Сирии, Ливана, позже Саудовской Аравии; жесткое подавление в исламских странах, лояльных Вашингтону, любых признаков политической исламской оппозиции*. Враг понятен: *политический ислам*, приравненный к «фашизму». Методы понятны: *военно-политическое, дипломатическое и экономическое давление США* на упорствующие арабские режимы. Цель понятна: *установление в исламском мире либерально-демократической светской проамериканской политической системы*. Таким образом, проект «Великого Ближнего Востока» есть *прямое объявление войны* всему исламскому миру, чьи политические режимы – как радикальные, так и умеренные и относительно проамериканские – оказываются в такой ситуации «козлами отпущения» и «зданиями, подлежащими сносу».

«Американский порядок» против интересов арабского мира, России и Европы

Можно задаться вопросом: почему США берут на себя роль арбитра в столь сложных вопросах? Прямолинейная ментальность Буша и Вашингтона отвечает: *мы выиграли «холодную войну» и отныне имеем право устанавливать во всем мире наш собственный «американский порядок»*; кто не согласен, пусть попробует возразить – смотри судьбу Афганистана – муллы Омара, или Ирака – Саддама Хусейна; право силы, приравненное Вашингтоном к «торжеству исторической справедливости».

Что может возмущать в таком проекте арабские страны региона, вполне понятно. Им просто предъявлен ультиматум: либо вы отказываетесь от своего политического суверенитета, религиозно-культурной и социальной самобытности в пользу США и светского либерал-демократического устройства, либо вам будет объявлена война. «Аль-Каида», «Талибан» и тоталитарный режим Саддама Хусейна – как очевидные «образы зла» – оправдывают (должны оправдывать!) жесткое поведение Вашингтона: «с волками жить – по-волчьи выть». В который раз создается впечатление, что радикальные исламисты просто подыгрывают США в реализации их мирового господства, снабжая противника «неопровержимыми аргументами». От арабов Америка требует не просто конкретных уступок в политической или экономической областях: *ей нужно все и немедленно, особенно нефть*.

Но что проект «Великого Ближнего Востока» несет Европе и России? Внимательное рассмотрение этой темы объясняет жесткую позицию Франции, сделавшей ставку на *повышение геополитической самостоятельности Евросоюза*. Дело в том, что Вашингтон старается сделать конфликтный, фактически экстремистский проект «Великого Ближнего Востока» делом не просто Америки, но *всего Запада*, всех стран НАТО. Иными словами, *в жесткий конфликт с исламским миром планируется вовлечь не только собственно США, но и Евросоюз, и даже Россию*. В такой ситуации Вашингтон получает уникальную возможность «загрести жар чужими руками» и закладывать мину под развитие исламско-европейских (исламско-российских) отношений. Если Европа выступит в этом проекте на стороне США, в рамках т. н. «евроатлантического сообщества», *она нанесет непоправимый*

ущерб развитию своих собственных партнерских отношений с арабским миром – важнейшим поставщиком энергоносителей в Европу и объективным геополитическим союзником в деле становления Евросоюза самостоятельным геополитическим субъектом. Арабский мир – традиционный геополитический партнер именно европейского полюса, а соучастие Евросоюза в заведомо конфликтной вашингтонской модели «Великого Ближнего Востока» вполне может разорвать (хотя бы на время) эту историческую и географическую преемственность.

Для России этот проект абсолютно неприемлем, поскольку он предполагает усиление прямого американского влияния в зоне Центральной Азии – в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Узбекистане, Туркменистане, а также в Афганистане. Мало того, что, поддержав этот план, *Россия окончательно испортит свои отношения с арабским миром*, нашим традиционным союзником, так он еще фактически подразумевает *передачу инициативы в области российских геополитических интересов в «ближнем зарубежье» трансатлантическому полюсу*. Показательно, что российский президент не принял участия в Стамбульском саммите: это стоит расценивать как выражение «молчаливого неодобрения», которое не получило более явной расшифровки в российской дипломатии исключительно в силу общей растерянности Москвы перед лицом столь откровенной и, по сути, враждебной для нас международной политики Вашингтона, который совсем недавно многими российскими экспертами-международниками расценивался как «союзник» и «старший партнер».

Катастрофическим этот план выглядит и для Турции, к которой – формально – Вашингтон крайне расположен в рамках этого проекта; США превозносит Турцию как «образец исламского государства, преданного идеалам светскости и демократии». Это очень *опасные похвалы*, так как дальнейшее следование Анкары в русле американской стратегии в регионе сделает ее *объектом ненависти во всем исламском мире*, а также даст неоспоримый аргумент внутренней политической оппозиции в Турции, где большую роль начинают играть настроения политического ислама. Участие в проекте «Великого Ближнего Востока» грозит Турции нарушением того *хрупкого баланса между светским национализмом кемалистской государственности и исламской культурой масс, на котором основана вся политическая история современной Турции*.

Интересы объединенной Европы лежат в области геополитического партнерства с исламским, в первую очередь арабским, миром. И Турция в этом вопросе должна определиться: либо она на стороне Европы, либо на стороне США. Не говоря уже о том, что США намерены использовать в своих целях тезис о создании Курдского Государства, что есть не что иное, как нож в спину Турции, хотя формально он направлен против Ирака и Ирана.

Очень уязвимой в перспективе строительства «Великого Ближнего Востока» становится и позиция Израиля. Чем больше Израиль позиционируется в такой ситуации как «enfant chéti», «баловень» США, тем больше обостряются его противоречия не только с традиционно враждебным арабским миром, но и с исламским миром в целом, и в перспективе с Евросоюзом и Россией. Приняв неоконсервативную концепцию Майкла Ледина и ответив «фашизмом на фашизм», Израиль очень рискует тем, что на этот раз его не поддержат ни демократическая, «кантианская» Европа, ни дружественная постсоветская Россия. Т. е. не приобретя друзей и не сохранив старых партнеров, Израиль рискует в свою очередь стать «козлом отпущения» в неосуществимых и авантюрных на сегодняшний день американских планах по установлению единоличного мирового господства.

Именно в связи с активной фазой реализации проекта «Великий Ближний Восток» Израиль уже не раз оказывался в самом центре кровавых событий, частным случаем которых стала, например, израильско-ливанская война, продлившаяся 34 дня в июле-августе 2006 года. Тогда же неизвестные атаковали посольство и самих Соединенных Штатов в Дамаске. Группа боевиков, подъехавшая к посольству на двух машинах с ливанскими номерами, открыла огонь из автоматического оружия. Затем они бросили на территорию посольства

несколько гранат. Охрана диппредставительства вступила в бой с террористами. В результате сопротивления со стороны сирийцев из охраны посольства трое нападавших были убиты, один получил ранение, от которого позже скончался в больнице. Один сирийский военнослужащий также погиб в перестрелке. Никто из американских сотрудников дипмиссии не пострадал. О принадлежности нападавших к какой-либо террористической группировке ничего определенного тогда установить не удалось, а администрация Джорджа Буша поблагодарила власти Сирии за отражение атаки. При этом американцы оговорились: Сирии «необходимо наконец войти в антитеррористическую коалицию» – только тогда Вашингтон исключит Дамаск из «оси зла» и отменит экономические санкции. Сама Сирия, правда, так и не собралась воспользоваться этим шансом и примириться в Вашингтоне. Сирийское посольство в США заявило: «Разжиганию экстремизма, терроризма и антиамериканских настроений способствуют сами Соединенные Штаты, их политика на Ближнем Востоке». Именно эта очевидная для многих сегодня констатация чуть позже обернулась для Сирии серьезными проблемами.

Террористическими организациями, неподконтрольными сирийским властям и действующими на ее территории, всегда были только ваххабитские экстремисты, с которыми у правительства Башара Асада и его отца Хафиза Асада давние противоречия. Кровавая гражданская война в Ираке и конфликт в Южном Ливане сделали все это пространство взрывоопасным.

Атака на американское посольство при других обстоятельствах могла бы стать предлогом для начала войны против Сирии, к которой в Вашингтоне готовились заведомо. Понимая это, власти Дамаска осмотрительно не давали никаких поводов США для прямого вторжения. Сирийские войска из Ливана были выведены. В конфликт Хезболлы и Израиля Сирия также открыто не вмешивалась, и для защиты американской дипмиссии своих людей сирийцы не пощадили. Поэтому-то США сквозь зубы поблагодарили-таки Асада, на что сирийцы справедливо ответили: «вы заварили эту кашу, а нам теперь расхлебывать». Прошло немного времени, и США начали действовать против Сирии не прямым образом, а руками тех самых террористических сетей, в создании которых сирийские власти обвинили американскую сторону. Если американцы будут действовать в таком духе и дальше, то нападения на них и их представительства станут самым обычным делом, и удержать от этого никто никого не сможет.

Одним словом: проект «Великого Ближнего Востока» – не что иное, как стремление посеять вражду между объективными союзниками и переложить проблему с «больной головы на здоровую». Если США не справляются с бременем «мирового господства», то это можно понять и помочь им в разделе зон ответственности. На это готовы и Европа, и Россия, и исламский мир, и Турция, и Израиль. Но если США продолжают упорствовать, то им придется столкнуться с совершенно *новой – евразийской – формой антиамериканской коалиции*: сам того не ведая, Вашингтон заставляет искать общие точки соприкосновения те геополитические силы, которые ранее и не помышляли о сотрудничестве и общей стратегии.

Пять смыслов войны в Ираке

Кампания, которую США и их сателлиты вели в Ираке в 2003–2011 гг., является в определенном роде «модельной» ситуацией, позволяющий понять и специфику современных войн, которые Запад ведет в Третьем мире, причину этих войн, их геополитические последствия, и то, каким образом, страны – участницы евразийских «осей» могут выстраивать свои констратегии. Можно тезисно выделить пять аспектов этой войны, пять ее смыслов.

1) *Экономический смысл* – это фактор нефти. Сейчас мы должны начать осваивать язык нефти, которым многие международные эксперты объясняют все происходящее в мире. От цены на нефть и от ее конъюнктуры зависит очень многое: положение России, отношения

между Россией и Европой, отношения между Россией и США. Война в Ираке ставит в центр нашего внимания такие сделки, какие совершила «British Petroleum» с Тюменской нефтяной компанией, прокладывание новых нефтепроводов и т. д. Эти вещи настолько уже взаимосвязаны – откуда пойдет нефть, куда и по какой цене, что мы просто должны говорить на нефтяном языке. И если раньше мы учитывали много разных факторов, среди которых была и нефть, то сегодня фактор нефти становится доминирующим.

Война в Ираке, безусловно, ведется за нефть. Значит, формы, объемы, маршруты поставки нефти, ее качество, ее цена могут стать причиной для военных конфликтов и в других ситуациях и раскладах. Из этого можно сделать следующий вывод: топливно-энергетическая политика России теснейшим образом связана с ее геополитикой. Очевидно, что геополитика целого государства не может быть частной и руководствоваться исключительно интересами бизнеса. Следовательно, в той или иной форме, но российский крупный нефтяной бизнес должен быть безотлагательно поставлен под контроль тех инстанций, которые отвечают за национальную безопасность России и стоят на страже ее суверенитета.

Мы знаем теперь, что нефть весомей международного права. Значит, нефть – это язык и оружие. Также это значит, что позволить развиваться нефтяному российскому бизнесу по закону рынка – все равно что позволить частным компаниям свободно торговать ядерным оружием с тем, кто больше заплатит.

2) *Геополитический смысл.* Америка стремится установить однополярный мир. Вне зависимости от исхода войны, в ходе этого конфликта и после него, Америка все равно будет сталкиваться с тем, что этому начинанию будет оказано сопротивление. У многополярного мира есть сторонники, и они полны решимости его отстаивать, как показали Франция, Германия, Россия и Китай.

Какова будет окончательная коалиция многополярного мира – в дальнейшем выяснится. Кое-кто не устоит перед американским давлением, кое-кто, наоборот, примкнет к этим рядам.

Франко-германская Европа очень резко выступила, особенно в начале американо-британской кампании, в качестве претендента на авангард этого многополярного строительства, и для многих это было неожиданно. Соответственно, однополярный мир на деле устанавливается отнюдь не «как по маслу». Будет борьба, ожесточенная борьба между американским проектом и сторонниками многополярного мира.

Понятно, что ялтинская реальность ушла в прошлое, но системы антагонизмов не упразднены. ООН должна поменять свое качество: в той форме, в какой она существует, это анахронизм. Она должна либо стать зародышем антиамериканской многополярной коалиции, либо просто упраздниться. В любом случае она обречена.

3) *Цивилизационный смысл войны.* Совершенно очевидно, что либерально-демократическая система, об окончательной победе которой объявил Фукуяма в статье «Конец истории», не состоялась, как это планировалась в планетарном масштабе.

История не закончилась. Сегодня мы можем окончательно констатировать: Хантингтон оказался прав – мы имеем дело со столкновением цивилизаций.

Холодная война кончилась, началась эпоха иных войн с иными правилами. С этим мы будем иметь дело и впредь.

Оказывается мир не стал «единым», как поспешили объявить глобалисты, он остался «различным», и, скорее всего, на попытку искусственного сплавления народы и цивилизации ответят еще большим погружением внутрь себя, в свою идентичность.

Вместе с тем, эта идентичность едва ли станет прямым продолжением государств-наций XIX–XX веков. Это уходит в прошлое, но на освобождающемся месте возникает не «brave new world» с улыбающимся Бенеттоном, но хмурое поле цивилизаций, разламывающих привычные границы рамки. Идентичность всех стран, культур, религий, наций сегодня под вопросом. Раскол по линии ценностей проходит не только между Западом и Востоком, но и в самом Западе. Оказывается, и Запад состоит из разных цивилизаций –

европейской и американской. В них много общего, но они далеко не тождественны. Все люди похожи чем-то друг на друга, но многим они отличаются.

США видит себя как глобальный полюс либерализма. Европе ближе демократия и даже социал-демократия. России ближе евразийство. Чем дальше в Азию, тем сложнее. Китаю нравится реформированный коммунизм. Корею – нерепформированный коммунизм. Японии – особый вид национал-капитализма. А арабскому миру, Ирану, Пакистану и Индонезии нравится исламская цивилизация.

Идет битва за трактовку смысла современности, и оказывается, мнения на сей счет разделились.

На повестке дня диалог цивилизаций, конфликт цивилизаций, спор цивилизаций, и никак не «конец истории». Фукуямовский тезис окончательно снят с повестки дня.

4) *Военный аспект.* США играли по праву силы и мощи. Вне зависимости от военной победы в первой половине 2000-х (и то относительной, учитывая послевоенный хаос, партизанскую войну, террористическую активность «Аль-Каиды» и необходимость военного присутствия даже после «победы»), Америка действовала слишком дерзко и без оглядки на остальной мир. США приступили к изъятию суверенитета у стран мира. Этого суверенитета стало меньше не только у Ирака, но и у России, Франции, Германии, Китая, Ирана. Это значит, военный вызов брошен каждой из стран, стремящихся проводить независимую политику. Очевидно, это не замедлит сказаться на военной стратегии наиболее крупных из них. США противопоставили себя миру военным образом.

Система НАТО продемонстрировала свою несогласованность, так же как и система ООН. Война показала: есть только вооруженные силы англо-американской коалиции и ВС всех остальных стран. Явно напрашивается идея о новом сценарии организации системы коллективной безопасности, с включением стран Европы и Азии. Война в Ираке и ее жестокая откровенность поставила на повестку дня до сих пор в полной мере не разрешенный вопрос о структуре Евразийской коллективной безопасности.

5) *Этноконфессиональный аспект.* Одним из итогов войны стало исчезновение – уничтожение или эмиграция – общины иракских христиан и других религиозных меньшинств. Партизанская война, которую в 2003–2008 гг. вела шиитская «Армия Махди» (пользовавшаяся поддержкой единоверного Ирана), восстание, которое в апреле 2013 года подняли сунниты против действий премьера-шиита Нури аль-Малики, существование полунезависимого иракского Курдистана, провоцирующее курдский сепаратизм в сопредельных странах, – все это свидетельствует о том, что этнический и конфессиональный баланс, существовавший при режиме Саддама Хусейна, был непоправимо нарушен, причем исключительно из-за вмешательства США.

События в Ираке – результат однополярности

Необходимо обратить внимание на контекст, в котором происходила подготовка военной операции против Ирака и, одновременно с этим, очередное обострение российско-грузинских отношений. Этим контекстом стало общее укрепление однополярной американоцентричной системы мира. Она складывалась постепенно, и то, что происходит в мире начиная с Ирака и по сей день, – лишь локальные события ее укрепления. Развитие и укрепление этой модели однополярного мира, очевидно, происходит за счет каких-то других моделей. За счет каких именно – следует рассмотреть подробнее:

1. За счет бывшей двуполярной модели. Ликвидация Ялтинской двуполярной системы вызвала стопроцентное установление мира однополярного.

2. За счет еще не реализованного, но потенциально возможного будущего неоднополярного мира.

Иными словами, занимаясь разложением остатков двуполярной советско-западной системы, нынешний единственный субъект мировой геополитики – США – помимо деструкции и декомпозиции прошлой двуполярности, в превентивной манере работает

против возникновения как новой двуполярной модели, так и новой многополярности. Построение однополярного мира проходит за счет ликвидации предпосылок для возникновения мира неоднородного. Именно поэтому Запад так болезненно относится к возвращению России на международную арену, к внешнеполитической активности Владимира Путина, которая уже привела к возвращению Крыма в Россию, на чем Путин явно не собирается останавливаться.

Из этого следует, что операции в Югославии и Ираке, война Грузии против Южной Осетии и то, что происходит в других частях света с участием США или их интересов (как известно, Америка объявила зоной своих национальных интересов всю территорию планеты), – есть процессы ликвидации старой (реальной) и уничтожения предпосылок для возникновения новой (потенциальной) форм многополярности. Утверждение этого одностороннего подхода и содержится в действующей стратегической доктрине США, предусматривающей возможность нанесения превентивных ударов. Ни о какой симметрии относительно возможности применения превентивных ударов в условиях однополярного мира речь не идет. Посему не может идти и речи о том, чтобы пытаться проводить некую параллель между американской доктриной и действиями российской армии в Грузии, Крыму и возможностях нанесения превентивных ударов на Юго-Востоке Украины. Американская операция в Ираке и российская в Грузии и Крыму – абсолютно несимметричные явления разного порядка.

Отсюда понимание реальной задачи американской операции в Ираке – тестирование новой однополярной мощи нового однополярного мира. Это не было решающим столкновением и не стало последним моментом истины, а оказалось всего лишь одним из этапов по тестированию однополярной стратегической модели. На примере Ирака США изучили то, как поведут себя все остальные центры силы, которые претендовали или могут претендовать на какое-то собственное мировое значение. Американцы провели своего рода психологический тест на реакцию Европы, Евразии, России, арабского мира, крупных азиатских держав регионального масштаба, для того чтобы понять, где именно, на каком этапе находятся строители неоднородного мира. Важно было понять не столько то, до какой степени они будут сопротивляться (понятно, что никто всерьез американцам сопротивляться не будет), сколько определить, какую цену за это невмешательство, за это сообщничество, за это молчаливое попустительство запросят те или иные силы.

Очевидно и то, что ничья позиция – ни стран ООН, ни Совета безопасности ООН, ни России, ни азиатов – Америку всерьез не интересует. Интересует лишь фиксация наличия той активности, которая будет кулуарным образом в дипломатическом ключе или за счет закулисных переговоров проводиться между этими политическими образованиями и США. Америка действует как субъект, выбирая себе одну из жертв для демонстрации укрепления своего могущества. Россия не является субъектом даже региональным. Ничего в отношении Грузии, Украины или других стран СНГ она пока продемонстрировать не может, и никакой стратегии у нее в этом вопросе нет.

Если мы вернемся к геополитическому контексту, объяснение воинствующей позиции России, например, по Украинскому вопросу может быть только одно: так как строительство однополярного мира идет за счет разрушения возможного неоднородного мира, потенциального или бывшего, то, соответственно, в интересах США никоим образом не интеграция постсоветского пространства, а наоборот, его дальнейшее расчленение. Тут же уместно вспомнить то, с чего начинался иракский конфликт, когда Саддаму Хусейну, бывшему тогда союзником США, путем закулисных переговоров было предложено вступить в Кувейт, обещая, что за этим ничего плохого для Ирака не последует. Но, как мы знаем, за этим последовала первая война в Персидском заливе. И то, что происходит сегодня с Ираком, это следствие той самой Кувейтской эскапады.

Таким образом, США не только не заинтересованы в повышении российского влияния на постсоветском пространстве или устранении неудобных Москве режимов в СНГ, (которые, в основном, напротив выгодны США), но скорее заинтересованы в прямо

противоположном. А именно: в срыве любых интеграционных процессов на пространстве СНГ, в эскалации российско-грузинских, российско-украинских отношений, во втягивании России в некий безысходно-тупиковый конфликт на своей пограничной территории. Чтобы это стало одной из проблем, к решению которой будет привлечено мировое сообщество и непосредственно сами США, уже имеющие как в Грузии, так и на Украине определенное, пусть символическое, военно-стратегическое присутствие.

Стратегические перспективы для укрепления геополитического статуса Российской Федерации в современном мире связаны с возможностью развития, постепенного складывания некоего стратегического блока, многополярного мира, или новой дуполярности, т. е. со всем тем, чего так стремятся не допустить Соединенные Штаты Америки.

Исходя из подобной геополитической оценки, России следует не допустить как дальнейшей эскалации отношений с православной Грузией, которая, в свою очередь, является геополитическим аспектом, комплиментарным России, так и стараться избежать других подобных конфликтов с сопредельными государствами. Необходимо искать более серьезной геополитической поддержки в лице других, потенциальных субъектов мировой политики, в частности Европы, Азии, арабского мира, других держав, заинтересованных в некоей реликвизации американской гегемонии и однополярного мира. Учитывая саму логику построения однополярного мира за счет ликвидации возможности неоднородного мира, любое следование в русле американской политики будет неизбежно ориентировано на ослабление международной позиции России и ее геополитической субъектности.

Ферментация нового мира

Иракский кризис 2000-х годов обнажил серьезнейшие противоречия относительно того, как видят облик XXI века ведущие силы мировой политики.

Очевидно, что «вина» свергнутого и убитого Саддама Хусейна – доказанная или нет – имеет довольно второстепенное значение; на повестке дня стоит официальное открытие эры прямой американской гегемонии в мировом масштабе. Провозглашенный лидерами США «американский век» и принятая Вашингтоном стратегическая доктрина отводят Америке «моральное» право поступать с различными государствами мира, попавшими в «черный список», по своему усмотрению. Это действительно «новый мировой порядок» – отныне международная поддержка, позиция ООН, согласие других крупных мировых держав «официально» ничего не значат. Век-то американский...

Но тогда же была сформулирована и альтернатива, причем исходила она не от России и Китая, а, как уже отмечалось, от стран «старой Европы».

Выступая против прямого американского вторжения в Ирак, Франция и Германия, по сути, предлагают иной сценарий глобальной геополитики: ни больше ни меньше. Вместо однополярного мира ненавязчиво предлагается многополярный, вместо американской гегемонии – демократический консенсус стран и народов, вместо контроля одной державы над всеми остальными – представительская система различных сил, с учетом изменившихся условий нового мира. При этом, несмотря на стремление любой ценой сохранить ООН и его функции, европейские державы не просто хотят законсервировать условия XX века: те же Германия и Франция дают пример динамичного перехода к новым формам государственности, выходящим за рамки государств-наций. Иными словами, предлагаемый континентальной Европой многополярный мир тоже открыт будущему, допускает слияния государств и наций в новые образования. Ни одна из европейских стран сама по себе не претендует на статус «полюса». Только объединяясь, Европа может вступить в новейшую геополитическую историю в качестве субъекта. Ирак – пробный камень для этого «образа мира». Как повернутся обстоятельства в этом конфликте, где пройдут границы компромиссов, какой окажется последняя «цена вопроса» – от всего этого будет зависеть ближайшее будущее человечества.

Показательно, что в те годы президент Путин поддержал позицию двух ведущих европейских держав: мы снова услышали подзабытые слова о многополярности, которые произносились после 11 сентября и начала нового этапа «дружбы» с Америкой не так часто. Путин был корректен и учтив, но едва скрывал внутреннюю радость, ясно осознавая судьбоносный характер происходящего: он прозрачно намекнул на это, заметив, что «происходящее могло случиться только во Франции», имея в виду старую традицию европейско-американских трений, где именно Париж выступал наиболее активной стороной.

На самом деле Россия тогда сделала очень серьезный и важный шаг. Это выбор Европы, континентальной франко-германской Европы, которая осторожно обозначила свои геополитические позиции и интересы в общемировом контексте и примеряется к ситуации. Всем очевидно, что *«старый порядок» мироустройства стремительно ветшает*, но все более выясняется, что предлагаемый США сценарий – «американский век» – не является единственным и безусловным. Готовящаяся акция против Ирака – первое подведение баланса «за» и «против». И тут начинается самое интересное: перед тем, кто однозначно говорит «американскому порядку» – *Rex Americana* – «нет», стоит очень серьезная проблема – какую внятную и привлекательную альтернативу предложить взамен? Ведь потенциал двуполярного мира исчерпан, и нет ни одной державы, которая могла бы сегодня конкурентно ограничить могущество США.

Здесь-то и выступает потенциал континентальных евроазиатских связей, стратегическая, пространственная, экономическая и культурная структура Старого Света – от Атлантики до Владивостока. Только авангардное объединение усилий запада и востока Евразии может создать предпосылки для мирового кондоминиума, где США будут играть огромную, пусть первостепенную, но все же региональную роль, наряду с Европой, Россией, тихоокеанскими державами.

На наших глазах происходит *ферментация новой альтернативной модели мироустройства*, где Европе и России отводится новая историческая роль. Очевидно, что США никак не готовы пойти навстречу этим набирающим силу тенденциям.

Ближний Восток: мечты о многополярном мире

Мы являемся свидетелями проявления воли США к построению американоцентричного мира. Это и есть главный модуль объяснения происходящего. В сегодняшнем мире остается только один субъект мировой политики – это США, и этот субъект хочет протестировать свои возможности – в юридическом, стратегическом, политическом, геополитическом и экономическом смыслах.

В такой ситуации американцев волнует не столько поведение той или иной арабской страны, сколько реакция остального мира на утверждаемую Штатами однополярность. Заметим, что эта однополярность строится не в вакууме: в жертву ей приносится как останки бывшей двуполярности, так и будущая возможная многополярность. Начиная войну против Ирака, поддерживая «повстанцев» в Ливии и Сирии или революционеров «арабской весны», США внимательно следят за тем, какие конкретно шаги предпримут те мировые силы, которые втайне лелеют надежду на то, чтобы стать самодостаточными геополитическими полюсами. Это и есть главный смысл всего происходящего.

Показательно, что начало первой крупномасштабной операции по построению проатлантистского «Большого Ближнего Востока» – войны в Ираке 2003–2011 годы, совпало с принятием новой военной доктрины США, закрепляющей основные постулаты стратегической однополярности. В этой доктрине США провозглашают возможность превентивных ударов против потенциального противника. Это фактически означает провозглашение стратегической гегемонии Вашингтона в мировом масштабе и право единолично распоряжаться судьбой народов и государств.

Чья реакция на нарочито вызывающее поведение США более всего интересует

американцев? Всех остальных потенциальных субъектов мировой геополитики. Всех тех, кто претендует на статус самостоятельных полюсов.

Это в первую очередь Евросоюз. С другой стороны – это Россия, которая в процессе закрепления однополярности утрачивает не только остатки геополитического веса прежней двухполярной модели, но и возможность играть роль самостоятельного геополитического субъекта в будущем.

В случае радикального развития ближневосточного конфликта геополитической жертвой станут те страны, которые никакого отношения ни к оружию массового поражения, ни к «международному терроризму» не имеют, все это не более чем прикрытие.

Если Россия мыслит себя великой державой, о чем говорил президент Путин, заявляя, что «Россия будет либо великой, либо никакой», то, безусловно, ее будущее зависит от возможности установления многополярного мира. Следовательно, национальный интерес России состоит в противодействии американскому вмешательству в дела суверенных государств.

Может ли Россия противодействовать этому самостоятельно? Очевидно, что не может. Для того чтобы заблокировать намерения американцев, необходима консолидированная позиция практически всех субъектов (пусть частичных) мировой политики. Но это не может на сегодняшний день произойти спонтанно – для подобных консолидированных решений требуется длительная и последовательная проработка. Приходится констатировать, что Россия, став безоглядно на сторону США после трагических событий 11 сентября 2001 года, упускала время для того, чтобы ее осуществить.

Феномен «армии Махди»

Десять лет назад США вторглись в Афганистан и Ирак: в первом случае под предлогом «борьбы с терроризмом», во втором (без санкции ООН) – под предлогом «химического оружия» и связей руководства страны с «Аль-Каидой». Как известно, «химическая» версия оказалась фальшивкой – никаких доказательств наличия оружия массового уничтожения у Саддама Хусейна или связей багдадского режима с «Аль-Каидой» так и не было представлено. США со своими союзниками наплевали на международное право и элементарную логику: отвечать за свои слова. Перед нами остается голый факт – США всерьез принялись устанавливать *единоличное мировое господство*: те, кто встает у них на пути – в политическом, стратегическом или экономическом смыслах – подлежат уничтожению. США всерьез поверили, что выполняют в современном мире *функцию Римской Империи* – американские интеллектуалы неоконсервативного направления говорили об этом открыто: Пол Волфовиц, Ричард Перл, Уильям Кристол, Роберт Кэйгэн и особенно Роберт Кэплэн и Майкл Ледин. Единственный возможный порядок для них – это «американский порядок», все остальное – «хаос», «дикость», «варварство» и «отсталость».

Поначалу, свергая Саддама Хусейна, США не встретили серьезного сопротивления – это напоминает ситуацию с талибами; всякий ранее созданный американцами марионеточный экстремистский режим с исламистской идеологией рассыпается перед их же прямым вторжением, как по команде. Блицкриг Буша против вышедшего из-под контроля Саддама удался. *Не удалось все остальное*. И это главный урок, который мир может извлечь из официально завершившейся два года назад иракской войны.

У США было единственное оправдание их неправомерной агрессии – *визуальное силовое превосходство и наглядная слабость сопротивления противника*. И это сработало: американцы получили того, чего хотели – в международной практике начинает торжествовать *право сильного*.

В эпоху постмодерна снова торжествуют принципы традиционного общества: *vae victis* – победитель всегда прав. Гуманистические нормы модерна отброшены. Что ж, как угодно. Но на пути этой новой – постмодернистической – логики встала «Армия Махди». Иракцы – совсем не саддамовцы и далеко не ваххабиты – нет ничего более полярного, чем

шииты и сторонники ваххабистского ультрарадикального суннизма – поднялись на войну с оккупантом. Они взяли оружие, они собрались с силами, они напрягли мышцы и открыли новый фронт борьбы за *реальное освобождение*. Освобождение не только Ирака – это уже частности. Мы имеем дело с настоящей армией настоящего Махди. Самое время спросить себя: *кто такой Махди?*

Махди – это фигура исламского учения о конце света, когда в мир должен прийти «антихрист», по-мусульмански «даджал», «лжец». Он принесет человечеству рабство, покрытое ложью, фиктивные чудеса и фосфоресцентный соблазн греха. В мире даджала все будет фиктивно – и наслаждения, и обладание, и сама реальность. *Современные исламские теологи единодушно отождествляют с даджалом США*. Против этого «антихриста», согласно хадисам, должен восстать *вождь мусульман*. Который поведет их на последний и решительный бой. Это и есть «Махди» – «вождь», Дух тамплиеров и гибеллинов. Война Махди и его армии станет всечеловеческой битвой. Мусульманские священные тексты уверяют: *эту войну против даджала Махди будет вести вместе с настоящими христианами, а не еретиками, так как враг у них будет общим. Согласно хадисам, Махди будет биться вместе со Вторым Пришествием Христа* против «князя мира сего», по одну сторону баррикад.

«Армия Махди» – это не только Ирак, это весь мир, так как линия выбора проходит по сердцу каждого человека. С одной стороны «армия даджала» – англо-американская коалиция, с другой – наши ребята. В Южной Осетии и Абхазии, в Приднестровье и Ираке идут не локальные войны – вселенская «армия Махди» формирует свои отряды. *Вот линия водораздела: с США или не с США?* Отбросим формулы политкорректности и скептический пацифизм модерна. Не мы снова ввели в оборот лексику «права сильного», но это не такая плохая лексика. *Might is right.*

Неоколониальные войны США и их экономическая подоплека

Попытаемся взглянуть на этот вопрос в более широком контексте: как политика США на Ближнем и Среднем Востоке (и ее «горячая» фаза в виде войны в Ираке и последующего военного присутствия в этой стране) вписывается в логику развития американской экономики в последние десятилетия и чем она может – или призвана – стать в русле дальнейших ее этапов?

Первое, что следует постоянно иметь в виду: экономическая мощь США, которой эта страна достигла к концу XX века, является выражением сложной системы исторических факторов, включая геополитику, стратегию, культуру, дипломатию, социально-политическую систему, цивилизационные тренды и т. д. Иными словами, экономика США является лишь одной из сторон в многомерном процессе – возвышении Америки в ранг гипердержавы: если учесть, что «держав» было много, «супердержав» – две, гипердержава – одна. Да, это наиболее понятная и наглядная форма процветания и превосходства, но отнюдь не единственная и не главная.

США шли к своему расцвету и к глобальной доминации долго и последовательно в течение веков. На одних этапах экономика была мотором, на других в дело вступали иные факторы – в том числе и чтобы справиться с экономическим кризисом. Так, из Великой Депрессии американскую экономику вытянуло кейнсианство и «New Deal» Рузвельта. Можно сказать, что это было прямым вмешательством государства, обращением к плановой экономике и элементам «национального социализма». После Второй мировой войны, когда все экономисты предсказывали новый коллапс в результате реконверсии военной промышленности в мирную индустрию, «холодная война» снова спасла ситуацию, продлив оборонный заказ на неопределенное время. Это очень важное обстоятельство: экономика и государство в США – несмотря на декларации либеральных теоретиков – далеко не так уж и разведены. В сложной ситуации они приходят друг другу на помощь ради высшей цели,

которой является мировое возвышение Америки.

После падения СССР экономика США оказалась в новой ситуации: исчезновение главного геополитического противника лишало руководство страны определенного оперативного простора. Отныне международная ситуация была такова, что экономическое процветание должно было достигаться преимущественно экономическими средствами. Иными словами, Белый Дом терял важнейший аргумент – «образ врага», к которому можно было прибегнуть всякий раз, когда собственно экономические процессы подходили к критической черте. А эта черта в конце прошлого века была не за горами: перегретый фондовый рынок, распространение в мире гигантского объема американских долларов, не обеспеченных ни товарным покрытием, ни каким-то иным эквивалентом, ускоренная виртуализация финансовой системы – все это было чревато самой настоящей новой «Великой Депрессией». Причем эти явления в значительной степени возникли именно как побочный эффект американской геополитической стратегии в мировом масштабе, т. е. как экономический инструментарий политического могущества; резкое изменение в политической структуре мира столь же резко меняло и их экономический смысл.

В такой ситуации Америка нуждалась в новом образе врага. И эта потребность обосновывалась не просто «кровожадностью» американских «ястребов», но вытекала из самой структуры американской экономики. Наличие внешнего «врага» должно было стать инструментом «патриотической мобилизации» граждан, аргументом в политико-экономических договоренностях с различными союзниками США в мире, обоснованием сохранения и увеличения военного бюджета, при необходимости, оправданием для чрезвычайных мер – в том числе и в экономической сфере.

Но в отличие от СССР и восточного лагеря, чей «враждебный» характер был очевиден и подтвержден идеологически и исторически на протяжении долгих десятилетий, «новый враг» – столь необходимый США – должен был доказать свою состоятельность – в противном случае этот миф не подействовал бы. Это не значит, что США вообще не могут обойтись без врага. Теоретически, наверное, такое возможно, но только в исторической перспективе. На рубеже XXI века стало очевидно, что на данный момент – *не могут*.

В 2001 г., к моменту начала «войны с терроризмом», основные экономические показатели в США достигли критически низких отметок, что грозило обвалом всей системы. В этот момент и случились трагические события в Нью-Йорке, после которых имя Усамы бен Ладена стало известно всему миру. «Образ врага» был явлен, и масштаб произведенных им злодеяний достаточно впечатлял. Последовавшие за этим шаги Вашингтона разворачивались по привычному сценарию – выделение новых средств на оборону, военная операция в Афганистане, новые аргументы со стороны США для того, чтобы союзники и противники выстроились в фарватере американской политики – в том числе и в вопросах экономики. Так как война с талибами и бен Ладеном была представлена как операция по обеспечению безопасности всего человечества, то экономические и стратегические издержки возлагались и на союзников – Европу, Японию, Россию.

Постепенно Афганистан исчерпал свое геополитическое значение, и тогда на повестке дня стал поиск нового врага. Из членов обозначенной экс-президентом Джорджем Бушем-мл. «оси зла» (Ирак, Иран, Северная Корея) Ирак был наиболее простым. С него и решено было начать. Война в Ираке призвана реактуализировать «образ врага», придать ему конкретное измерение, новую жизнь. Враг нужен США не для того, чтобы его победить, но для того, чтобы с ним бороться. США нужна война как процесс.

Если отвлечься от краткосрочной экономической конъюнктуры, война в Ираке была призвана решить очень серьезные экономические проблемы Америки. Война основательно отвлечет внимание американцев от собственного экономического положения дел; повышение госзаказа на военную индустрию создаст тысячи новых рабочих мест, даст импульс развитию высоких технологий. Война санкционирует при необходимости даже чрезвычайные меры – к примеру, введение «розового доллара», имеющего внутреннее хождение, с параллельной девальвацией той долларовой массы, которая пребывает за

пределами США, что предсказывают сегодня многие эксперты. А если представить себе, какова цена мирового господства и его экономического обеспечения, то станет понятно, почему такими мелочами, как нестыковки в так и не доказанных связях Саддама Хусейна с «Аль-Каидой», международные протесты и противоречия в отчетах экспертов, вполне можно пренебречь.

Американская экономика в 2000-е годы переживала более серьезный кризис, чем это могло показаться на первый взгляд, – что, в конце концов, и нашло свое выражение в рецессии 2008–2009 гг. Этот кризис не поверхностный, но системный. Он связан в том числе и с новым статусом Америки как гипердержавы, который требует не просто продолжения старых приемов господства, но их качественно нового уровня. Сегодня трудно сказать, справятся ли США с этой задачей, но очевидно, что без врага и войны они с ней не справятся точно.

Раздел 5. Евразия и Азия

Азиатский уклон

Географическое положение России уже само по себе диктует направление внешней политики. Располагаясь между Европой и Азией, Россия всегда балансировала между ними – то делая бросок на Запад, то отступая к Востоку.

После того как энтузиазм в отношении новой дружбы с Западом – США и Евросоюзом – после трагических событий сентября 2001 года – стал постепенно рассеиваться, на горизонте снова проявился этот несколько подзабытый в последнее время вектор. После однозначного «западного уклонизма» российской внешней политики 1990-х, в 2000-е годы Москва вновь обратила внимание на своих южных восточных соседей.

Многочисленные визиты президента Путина в Индию, Китай, Иран, другие страны Востока напомнили нам об этой второй составляющей России – об азиатском векторе.

Неправы те аналитики, которые приписывали идею оси Москва – Пекин – Дели лишь востоковедческому прошлому Евгения Примакова, который в бытность свою премьером в 1998–1999 годах «вспомнил» об Азии. Восток – это константа российской геополитики, и на протяжении всей нашей национальной истории мы по-своему и с переменным успехом разыгрывали эту карту. И во времена империи, и при СССР позиционная война между Москвой и англосаксонским миром за контроль над азиатской зоной материка шла полным ходом. Как правило, об этом направлении мы вспоминаем, когда начинает колебаться идиллия на западном фронте. В годы первого президентства Путина Россия все больше тяготилась необходимостью поддержки Запада, начиная с американской акции против Ирака, которая была чревата коллапсом российской экономики, едва ли способной выдержать резкое снижение цен в случае поступления на мировой рынок иракской нефти. С Евросоюзом также то и дело возникали трения – то из-за калининградской проблемы, то из-за невыдачи Ахмеда Закаева, «дела Литвиненко» и более прозаических экономических разногласий (которые стояли и за упомянутыми выше скандалами). Созрело понимание того, что наступает время сделать марш-бросок в восточном направлении.

Индия была последней целью российской геополитики на протяжении нескольких веков. Начиная от задуманного индийского похода императора Павла I до разыгрывания карты «движения неприсоединения» Россия не оставляла индийского вектора. Традиционная поддержка враждебного Дели Пакистана со стороны англосаксов объективно сближала Россию с Индией.

В позиционной битве за контроль над береговой зоной материка это было вполне естественно. Обострение ситуации в Кашмире и усиление правонационалистического режима премьер-министра Атала Бихари Ваджапаи (1996, 1998–2004), а также весьма специфическое состояние индийской экономики – все это рано или поздно должно было привести к укреплению оси Москва – Дели на новом историческом витке. Российские технологии и особенно российское вооружение – неконкурентные или просто ненужные для западных рынков – идеально соответствуют потребностям Дели. Кроме того, и в стратегическом противостоянии исламскому радикализму, одним из мировых эпицентров которого является Пакистан и индийский штат Джамму и Кашмир, населенный преимущественно мусульманами, у России и Индии сходные проблемы. Если слегка пофантазировать, то геополитически для России идеальным решением всей региональной конфигурации был бы проект «Великой Индии». Это стало бы идеальным фактором сдерживания для региональных конкурентов России – Китая и Пакистана. По ходу дела Москва могла бы поставить и соответствующее проекту оборудование.

Большая ось Москва – Дели была в срочном порядке подкреплена малой осью Москва – Бишкек: Путин как бы вспомнил о тогдашнем президенте Киргизии Аскаре Акаеве, выразил благодарность за введение русского языка как второго государственного и заодно договорился о российской военной базе.

Российское военное присутствие сохранилось, невзирая на две последующие революции в Киргизии – 2005 и 2010 годов. Это снова – геополитический жест. Евразийская стратегия в масштабе материка усиливается стратегическими шагами в пространстве СНГ – и снова укрепляется именно восточное направление.

Причем формат азиатских турне Путина в бытность его президентом и премьером безупречен: российский лидер подчеркивает, что ищет сближения с демократическими режимами, к которым у Запада никаких нареканий нет и которые никак не входят в число стран-парий, пресловутую «ось зла». Устав биться о едва приотворенные врата Европы, Москва заново открывает иную сторону света – с которой у нее обнаруживается гораздо больше общего, где ее технологии и вооружения весьма кстати, а политический вес крайне актуален и значим. Со стороны Азии мы также не рискуем услышать раздражающие поучения о политкорректности и напоминания о «правах человека» – это суровый край, где к любым проблемам России отнесутся с пониманием.

Более того, продолжив эту тему, мы вполне можем открыть для себя и еще более широкий выбор: Иран, Корея, тихоокеанские «молодые драконы», благословенная Япония – все это, безусловно, нам гораздо ближе и понятнее. Конечно, мы мыслим себя европейцами, но Запад в очередной раз не готов признать за нами это качество.

Если данная линия будет продолжена Кремлем, она может иметь весьма далеко идущие последствия. Стоит не отмахиваться от нее заранее, но лишь внимательнее присмотреться к азиатским партнерам, точно, прагматически взвесить баланс интересов в каждом конкретном случае: Азия бывает разной, и структуры осей надо выписывать весьма тщательно и осторожно. Между Москвой и азиатскими странами намечается веер осей, и конфигурация его может быть весьма неоднородной и даже причудливой. С Индией нас сближает одно, с Ираном – другое, с Японией – третье, со среднеазиатскими странами СНГ – четвертое.

Трудно пока оценить результативность такого поворота геополитических интересов, но нет сомнений, что это на самом деле что-то новое. Хотя и просто забытое старое в то же время.

Новый геополитический порядок в Азии

В геополитике Средней Азии наметились важные стратегические изменения. Самым принципиальным моментом является очевидное пробуждение стратегического сознания со стороны Китая. Пекин все больше внимания уделяет будущей конфигурации сил на евразийском пространстве, на глазах превращаясь в активного игрока в вопросах региональной безопасности. На повестке дня в китайской политической и интеллектуальной элите остро стоит вопрос создания собственной полноценной школы геополитики, учитывающей актуальные закономерности.

Впервые интерес Китая к центральноазиатской политике ярко и открыто проявился в 2005 г., после «цветной революции» в Киргизии и мятежа в узбекском Андижане.

Пекин, справедливо видящий за волнениями у западных соседей «руку Вашингтона» и ясно понимающий, что американское присутствие в Центральной Азии в значительной степени ориентировано на сдерживание китайских интересов и даже на провоцирование нестабильности в Синьцзяне – северо-западном районе Китая, населенном мусульманами-уйгурами. В рамках ШОС Китай постепенно занимает лидирующие позиции, активно поддерживая те шаги Москвы, Астаны и Минска, которые направлены на блокирование американского присутствия.

В свою очередь, серия спонсированных американцами «цветных революций», прошедших в середине 2000-х годов на постсоветском пространстве, заставила Москву искать партнеров по «евразийской обороне» в Азии. И в этой роли бурно развивающийся Китай стал естественным союзником.

Чрезвычайно важным результатом работы ШОС является привлечение к этой организации в качестве наблюдателей Ирана, Индии, Пакистана, Монголии, Афганистана, и

в качестве партнеров по диалогу Турции, Шри-Ланки и последнего по-настоящему независимого государства Европы – Белоруссии.

Участие в ШОС Ирана, вошедшего в организацию во время президентства Махмуда Ахмадинежада, придало этому континентальному союзу еще больше радикальности.

Еще один важный момент: одновременное присутствие в ШОС непримиримых противников, Индии и Пакистана – это показывает, сколь большое значение придают этой организации и Нью-Дели, и Исламабад. Их повышенное внимание к Центральной Азии объясняется зависимостью обеих стран от баланса сил в этом регионе и озабоченностью неизбежной перестройкой всей стратегической модели. И Пакистан, и Индия стремятся выступать в этом процессе активными игроками, геополитическими субъектами, вместо того чтобы пассивно наблюдать за постепенным переходом инициативы из рук России в руки США и их региональных ставленников.

ШОС стала наброском евразийского блока, объединяющего Россию и страны ЕвразЭС с Китаем, Ираном, Индией и Пакистаном. Блок складывается под эгидой антиамериканизма, или, скажем мягче, «многополярности», в противовес однополярной конструкции классической атлантистской геополитики.

Подоплекой такого евразийского блока является именно активизация американцев в этом регионе. Ослабшие позиции России, упустившей инициативу из рук в 2003–2005 годах, когда к власти в Грузии и на Украине пришли Саакашвили и Ющенко, а в Киргизии наступил послереволюционный хаос, и рост американского влияния за последние два года резко изменили то относительное равновесие, которое существовало ранее. И тогда крупные региональные державы – Китай, Иран, Индия и Пакистан – твердо решили принять участие в стратегической реорганизации всей этой зоны. Нельзя сказать, что они спешат на помощь России, стремительно теряющей контроль за ситуацией. Они думают о своих интересах, и у каждой из этих стран есть собственные резоны – подчас прямо противоположные, – чтобы не отдавать инициативу в руки американцев. Для достижения этой чисто прагматической цели именно слабая Россия, а не сильная Америка становится приоритетным партнером. Экспансии и диктата от Москвы в таких условиях ожидать не приходится, напротив, сейчас она готова сторицей благодарить за стратегическую поддержку и коллективное противодействие «цветным» процессам.

Здесь уместно задаться вопросом: какую цену Россия заплатит за то, что допустит в Среднюю Азию – до последнего времени бывшую по факту зоной российского влияния – столь серьезных игроков? Так уж ли лучше китайские и индийские военные базы американских?

На самом деле, лучше и безопаснее. Сегодня очевидно, что Россия в одиночку не способна вести активную геополитическую игру на евразийском пространстве при нарастающей конфронтации с США и НАТО (что явно прослеживается в драматических событиях последних лет в «ближнем зарубежье»). Но и идя на поводу у Вашингтона и сдавая ему одну позицию за другой, Москва ничего не выигрывает: американцы и пальцем не пошевелят для усиления России, пока она окончательно не рассыплется – в этом проявляется атлантистская геополитическая логика, настаивающая на полном американском контроле над Евразией. Россия приперта к стенке самими американцами, и у нее просто нет никакого иного выхода, кроме как просить поддержки у азиатских региональных держав.

Самую большую проблему представляет здесь не Индия – ее присутствие вообще никак и ничем не угрожает России, – но Китай. Слишком велика диспропорция между китайской и российской демографией. Перенаселенный прилежными работниками, готовыми трудиться за небольшую плату, бурно развивающийся Китай, лишенный к тому же ресурсной минеральной и энергетической базы, и пустынная российская Сибирь, богатая полезными ископаемыми, населенная деморализованными людьми с совершенно иными трудовыми и социальными традициями. Любое сближение в такой ситуации чрезвычайно опасно. Сильный и развивающийся Китай готов ассимилировать плюсы от партнерства с Россией, но едва ли поможет справиться с нашими проблемами. То же самое, кстати,

касается и Казахстана и Киргизии, граничащих с Китаем и являющихся довольно уязвимыми. Китайское военное присутствие может повлечь за собой китайское этно-социальное присутствие, китаизацию Средней Азии, да и всей северо-восточной Евразии. Это действительно проблема.

В данном случае привлечение к стратегическому альянсу Индии и Ирана способно отчасти смягчить ситуацию. И самое главное, Москве необходимо убедить Пекин в том, что в его собственных геополитических интересах укрепить позиции России и принять все возможные меры для перекрытия демографического потока. Проще говоря, Россия должна настаивать на формуле: «ресурсы, стратегическое партнерство и общность контроля над пространством Средней Азии в обмен на остановку китайской этнической экспансии». Сегодня ситуация такова, что Пекину ресурсы и военно-техническая кооперация с Москвой гораздо важнее, чем «жизненное пространство», которое можно поискать и на юге – например, в малозаселенной Австралии. Все зависит от того, проявит ли Москва в этом диалоге достаточно жесткости, убедительности и воли.

Что же касается Пакистана, то хотя он традиционно рассматривается как проамериканский плацдарм, не следует забывать, что основной массив пакистанского населения, напротив, настроен жестко антиамерикански, и при нынешнем сложном балансе сил в регионе Пакистану выгоднее быть внутри процессов перераспределения влияния, нежели уповать только на американскую поддержку.

Иранцы же в их сегодняшнем состоянии едва ли представляют опасность для России, так как даже теоретически для реализации «паниранистских проектов» за счет земель Кавказа или Прикаспия у Тегерана совершенно недостаточно военного и экономического потенциала. В то же время шиитская версия ислама является лучшим противоядием для ультрасуннитского салафитского исламизма, чьи доктрины лежат в основе той версии радикального ислама, которая ведет с Россией войну.

Ось Москва – Тегеран и феномен Ахмадинежада

Эпоха Ахмадинежада: пора подвести итоги

В отношении Ирана – одного из государств, включенных Вашингтоном в «ось зла», существует очень много мифов. Очевидно, что Иран – одно из тех государств, которое противостоит однополярной политике США, и в этом, пожалуй, на сегодня и заключается его главное качество. Несмотря на то, что ресурсы Ирана по мощи и объему несопоставимы с ресурсами США, он все же бросает вызов американской гегемонии, говоря американцам, что те неправы – ни политически, ни юридически, ни морально, – навязывая свои проекты передела влияния в рамках проекта Великого Ближнего Востока, вторгаясь в суверенные государства Афганистан и Ирак. Хотя здесь следует напомнить, что и в отношении режима талибов, и в отношении режима Саддама в Ираке иранцы никаких иллюзий не испытывали. И талибы, и Саддам по разным причинам и в разной форме противостояли Иранской политико-религиозной линии. И хотя по логике «враг моих врагов – мой друг» Иран и США должны были сблизиться – именно американцы уничтожили два самых главных противостоящих Ирану и его влиянию в регионе режима, – иранцы восторга от этой агрессии не испытывают. Иранцы много раз демонстрировали, что они люди принципа, а Махмуд Ахмадинежад, который сменил на своем посту более мягкого президента Хатами, за 8 лет своего президентства просто стал фигурой мирового уровня.

Теперь, когда экс-президент удалился на покой, сдав пост умеренному клерикалу Хасану Рухани (при котором решающий голос остается у духовного лидера аятоллы Али Хаменеи), можно подвести итоги эпохи Ахмадинежада.

Простой человек, опирающийся на широкие иранские низы, бывший мэр города Тегерана, он, по сути, четко и ясно проговаривал то, что миллиарды жителей нашей планеты думают относительно американцев: что на самом деле американцы зарвались, что они

отождествляют свои национальные интересы с общемировыми, что под видом демократии они влезают в суверенные государства, устанавливают там свои порядки, устраняют не устраивающих их политиков и даже не удосуживаются хотя бы мало-мальски это обосновать, ссылаясь на мифы о плохих террористах. И если «Аль-Каида» могла иметь какое-то отдаленное отношение к режиму талибов, то к режиму Саддама она никакого отношения не имела, потому что Саддам Хусейн уничтожил исламский фундаментализм, а уж с иранским шиизмом у проваххабитской «Аль-Каиды» вообще очень серьезные противоречия.

Ахмадинежад хотел быть услышанным, и, в какой-то мере, он был услышан. Американцам, конечно же, не понравилось то, что они слышали. В чем они его упрекают? В том, что он жестко не согласен ни с американской внешней политикой, ни с американской доминацией? По сути дела, Иран можно назвать ледоколом мировой политики – все прошедшее десятилетие Ахмадинежад вместе со светлой памяти Уго Чавесом прокладывали путь к альтернативному многополярному миру. Миллиарды людей, не только мусульман, но и европейцев, согласны с тем, что озвучивали Чавес или Ахмадинежад, бросая вызов американскому могуществу.

Потому что Ахмадинежад отстаивал не только свое иранское будущее, но и будущее самостоятельных религий и культур, отождествляющих себя с многополярностью, а не с гегемонией. Отстаивал права народов строить православные или шиитские государства, национальные государства, в конце концов. И если мы не сможем отстоять эту возможность, то у нас будет один сплошной Wall-street, мировое государство, мировое правительство. И это мировое правительство не будет состоять из представителей разных стран и конфессий. Это будет правительство богатых стран, куда, может быть, на индивидуальной основе будет представлено некое количество глобалистских элит русского или восточного происхождения, но основная модель управления будет сосредоточена, конечно же, в руках Соединенных Штатов. По сути дела, их национальное правительство станет основой мирового правительства. Они и так уже решают многие мировые вопросы, основываясь на своих собственных интересах. И вот на пути реализации этого проекта встает Иран. Как он стал на этот путь – целая история.

Миф исламского вызова Ирана

Еще одним мифом американской антииранской пропаганды является то, что Иран бросает вызов глобализму от имени всего ислама.

Вообще исламский мир очень разнообразен. У нас весьма карикатурное представление о нем как о чем-то едином и непонятном. На самом деле там много внутренних противоречий – национальных, религиозных, конфликтующих групп, совершенно разных идеологий. Самое главное разделение, если говорить о религиозном факторе, это разделение на шиитов и суннитов, между которыми существует очень много исторических противоречий. Шииты составляли, как правило, на всей протяженности истории, гонимое меньшинство. Они даже почитают двоюродного брата пророка Мухаммеда, имамов – его родственников, которые тоже погибли в боях с противостоящими им силами. У шиитов сложилась традиция мученичества, как у меньшинства, они держатся особняком, но в Иране считаются преобладающим религиозным направлением. Пожалуй, еще только в Ираке, Бахрейне и Азербайджане шиитов довольно много, в других же исламских странах они составляют меньшинство. Таким образом, иранская религиозная традиция стоит несколько особняком от остального исламского мира и не имеет перед собой сверхзадач по экспорту ислама. Если на что-то и распространяется собственно иранское влияние, так это на некоторые небольшие сегменты в Ливане, Ираке и на небольшие группы в Афганистане. В Сирии правящая элита также принадлежит крайнему шиитскому толку алавитов, на который, кстати с неодобрением смотрят в самом Иране, потому что и в шиизме есть свои противоречия. В остальные арабские страны экспорт шиизма нереалистичен. И если мы

посмотрим, от имени кого Иран бросает вызов глобализму, то увидим, что далеко не от всего исламского мира и не от исламского фундаментализма он бросает вызов, а от своей иранской культуры и государственности, которая требует оставить Иран в покое, дать ему возможность развиваться самостоятельно, не навязывать ему ни моральные, ценностные, ни экономические критерии, предоставить ему право на свой суверенитет.

В целом, население поддерживает этот курс, который установился после исламской революции имама Хомейни. Да, религиозный фактор играет в этом режиме большую роль, но это скорее внутрииранская проблема. Французский исследователь Анри Корбен, посвятивший большое количество трудов истории исламской философии, и в частности Иранской культуре, называл это таким термином, как «Иранская вещь». И это, конечно, совершенно самобытная культура, традиция, которая переплелась с более древними традициями, с зороастризмом, уходящим в глубь тысячелетий. Конечно, это уникальная самобытная культура со своими энергетическими задачами, со своими экономическими проблемами, с колоссальными энергетическими запасами. Иран – один из крупнейших поставщиков нефти. И вот эту, никому не приносящую вреда страну, не претендующую ни на какую экспансию, американцы превратили в центр мирового зла, сделав их козлом отпущения в своих проблемах, приравняв Ахмадинежада чуть ли не к бен Ладену, хотя бен Ладен, по американской версии, хотя бы взорвал торговый центр. Кстати, Ахмадинежад в свое время выступил против этого теракта, пытался возложить венки в память погибшим, но ему просто этого не дали сделать, ему это запретили.

Миф о ядерной агрессии

Вообще, демонизация Ахмадинежада и современного шиизма является показателем тотальной лживости и необоснованности американской политики. Во время своего выступления в ООН в 2007 году Ахмадинежад задался этим вопросом: «Почему страна, использовавшая ядерное оружие против мирного населения Японии, страна, которая проводит испытания все новых и новых видов вооружения, упрекает Иран в развитии собственной мирной ядерной программы?» Основной аргумент Америки заключается в том, что они опасаются того, что у исламских мулл Ирана может в руках оказаться ядерная бомба. Но это противоречит как раз исламским воззрениям самого Ирана, и иранцы постоянно об этом говорят. Почему же, собственно говоря, к Ирану применяются те же подходы, что и к Усама бен Ладену? Иран не практикует терроризм и не ставит себе задачу широкого экспорта шиизма. Любопытно, что от либеральных политологов, обслуживающих американские интересы, в том числе и в нашей стране, можно услышать такую идею, что, мол, Иран нам угрожает, и что если бы он получил ядерную бомбу, он угрожал бы России. Правда, не совсем ясно, каким образом иранцы могли бы угрожать России или Европе, или США, и с какой стати иранцы, решающие внутренние проблемы и не замеченные ни в одной попытке навязать свою волю другим народам, увеличить свою территорию или увеличить свое политическое влияние военным образом, вдруг начнут угрожать всему миру?

Вообще, в эпоху после Иранской революции, да и до нее тоже, мы не знаем примеров агрессии. Если они и были у древних персов, которые действительно воевали на Ближнем Востоке и имели некие имперские амбиции, так было это много столетий назад, и те амбиции давным-давно погасли. Иран живет своей собственной жизнью, и идея сбрасывать бомбу на Европу или Россию иранцам, конечно, в голову никогда не придет: ни народному любимцу Ахмадинежаду, ни, тем более, духовному руководству страны. Другое дело, что американцам нужен враг. Усама бен Ладен – это враг призрачный, его никто никогда не видел, этакий враг-невидимка. Но американцам необходим враг реальный. Иран же, с точки зрения здравого анализа, просто хочет, чтоб его оставили в покое. Но американцы так настойчиво демонизируют Иран именно потому, что им нужно вторгнуться, им нужно перераспределить влияние в регионе, и вот уже источником зла в американском сознании становится не агрессор, а жертва. И нам надо научиться смотреть на Иран как на жертву,

причем очередную жертву. Если дело так пойдет и дальше, то вскоре беспорядок с правами человека американцы обнаружат где-нибудь в Белоруссии, что уже и так происходит, а потом и в России. Такая американская организация, как Freedom House (Дом свободы), которую возглавляет бывший руководитель ЦРУ, вообще вычеркнула Россию из списка демократических стран. И это очень серьезная вещь. Следующим шагом будет активизация сетевых войн на территории России. Таким образом, не ровен час, и мы можем оказаться на месте Ирана, ничего плохого даже не держа на уме. Если Америка почувствует, что Россия стала у них на пути, а мы действительно стоим у них на пути к мировой гегемонии, то мы тоже можем попасть в «ось зла». Сегодня никто не застрахован от такой участи. Необходимо осознание такой позиции в Кремле, понимание того, что Иран не может нам угрожать, мы не имеем с ним никаких спорных зон ни в экономике, ни в геополитике, ни в религиозном смысле, – те зоны, которые нас разделяют, лежат между нами, это прикаспийский регион и центральная Азия, – так и мы, и Иранцы заинтересованы в одном и том же решении этих конфликтных ситуаций. Наши стратегические и геополитические интересы с современным Ираном вошли в фокус, нас объединяет абсолютно все и не разделяет абсолютно ничего. И мы все больше и больше начинаем понимать, что то, что Лавров отстаивает этот принципиальный вопрос, действительно поддерживая Иран, означает, что мы поддерживаем не только Иран, мы себя поддерживаем. По сути дела, мы пытаемся противодействовать, может быть, не так ярко, как противостояли Ахмадинежаду или Чавес, тому однополярному, неоимперскому мироустройству, которое пытается навязать Америка современному миру под видом демократии, либерализма и прав человека.

Кстати, либерализм стал в свое время идеологией, противостоящей коммунистической системе. Но коммунистическая система давно отжила, в мире появилось очень много других полюсов влияния, пророчество американского философа Френсиса Фукуямы не сбылось, конца истории не случилось, наоборот – наступил рассвет, возврат к цивилизационным принципам. И теперь либерализм не признает различия между цивилизациями, из списков Freedom House Россию вычеркнули только потому, что они не признают никакой российской суверенной демократии, а только американскую: только то, что попадает под ее стандарты, то и есть демократия, все остальное – «фашизм». Но сама эта логика отдает чистым расизмом, колониализмом, западным империализмом и фашизмом. Америка кричит «держи вора», но, как обычно и бывает, сама этим вором является.

Мы должны понимать, что образ Ахмадинежада, который создали западные масс-медиа – образ карикатурный. Мы должны понимать, что речь идет о фундаментальном стратегическом партнере, с которым нас объединяет абсолютно все, и не допустить агрессии против Ирана, помочь суверенному государству – и это, по большому счету, залог нашей безопасности. Если мы будем закрывать глаза на то, как Америка перераспределяет сферы влияния в мире, пользуясь своей, якобы, победой в холодной войне, мы действительно признаем свое поражение, которое мы, кстати, не понесли, и это очень важный психологический момент.

Миф об отрицании Холокоста

Несколько слов следует сказать о том, в чем же фундаментальная претензия американцев к Ахмадинежаду. Во-первых, это его однозначные высказывания относительно Холокоста. Эта тема действительно не самая выигрышная в плане привлечения симпатий мирового общественного мнения и не самая понятная со стороны Ахмадинежада. Все же мы помним трагедию и страдания евреев, никто этого не отрицает, и Ахмадинежад этого, по большому счету, не отрицает, но речь идет о другом: он хочет, может быть, не очень ловко, обратить наше внимание на то, что Холокост – это вещь религиозная, это не историческое явление, это катастрофа, которая предшествует возвращению евреев на землю обетованную, – с точки зрения их политической традиции, не с точки зрения политики, но с точки зрения религии, с точки зрения иудаизма. Это можно уважать, но смысл этого

термина, смысл термина Холокост, *шоа*, лежит в рамках иудейского религиозного мировоззрения. Это тоже очень важно понимать. Ахмадинежад отрицает Холокост не потому, что он отрицает историческую жертву еврейского народа, не потому, что он отрицает страдание других народов от зверств гитлеровских нацистов, но он говорит о том, что это религиозное явление, и значение оно имеет только для тех, кто исповедует иудейскую религию или находится под ее влиянием. Для мусульман и христиан понятия Холокоста в религиозном значении не существует. Ничто не изменилось в религиозном мировоззрении христиан и мусульман после трагедии, пережитой евреями во Второй мировой войне. Множество христиан и мусульман тоже пострадало, но религиозного значения это не имеет, не является достаточным обоснованием для того, чтобы в этом религиозном контексте, то есть, в неиудейском религиозном контексте, например, начать алию, то есть возврат евреев на то, что они считают своей обетованной землей. Это можно понимать, можно разделять глубину религиозного чувства евреев, нужно, на мой взгляд, разделять, но в данном случае Ахмадинежад просто утверждает истину, потому что для мусульман Холокоста нет и для христиан Холокоста нет. Холокост, еще раз, это не преследование евреев. Были преследования евреев, были преступления против самих основ человечности, совершенные Гитлером и его преступным режимом, который все осудили и осуждают. Кстати, и Ахмадинежад его осуждает, и иранцы его осуждают, но он говорит совершенно о другом: он говорит о религиозной интерпретации Холокоста в рамках иудейской религиозной традиции. Этот момент говорит нам о том, что Холокост – это внутрииудейская религиозная концепция. Это правильно, любой религиозный иудей с вами согласится, что это *шоа*, и что только в рамках представлений о миссии своего избранного народа этот термин применим, а за пределами еврейской традиции этот термин неприменим, он применяется совершенно к другим вещам.

Кстати, холокостом для шиитов станет страдание имамов, для нас жертва всеожжения – это жертва Христа. Вот единственный холокост, который мы пережили реально в истории, как память, которая лежит в основе нашей православной христианской религии, но это никоим образом не умаляет наше уважение и сострадание к тем чудовищным жертвам, которые еврейский народ понес в годы нацистских зверств.

Если завтра война

Если американцы все же посмеют начать войну с Ираном, мир окажется на пороге апокалипсиса. Ни иранцы, ни миллиарды людей на планете никогда не признают легитимность такого вторжения. Иран – это очень сплоченная, жертвенная, единая нация, которая станет биться до конца, и иранцы до последней капли крови будут защищать свою страну. Если американцы все же сорвут эту печать апокалипсиса, то это будет означать, что следующие – мы. Это не минует никого. В Иране вызов будет брошен человечеству, и мы должны будем воспринять это как нападение на нас самих. Когда бомбили наших православных братьев сербов – мы молчали, тем самым давая понять агрессору, что можно бомбить и дальше, можно бомбить кого угодно. И вот они уже бомбят Афганистан, мирных жителей Ирака, сея смерть, гибель и гуманитарную катастрофу по всему миру. Эти «носители демократии» не остановятся, пока не принесут смерть в каждый дом. Вторжение в Иран станет последним звонком не только нам, не только мусульманам, но и всему миру, который поднимется на полноценную планетарную войну против американской агрессии, против американской гегемонии.

Все чаще и чаще американцы задаются вопросом: «Why they hate us?» («Почему они нас ненавидят?»). Америка несет смерть, ложь, разрушение повсюду, она внедряет свои экономические системы, которые разлагают национальные элиты, она пускает под нож целые поколения, приучая их к совершенно несвойственным многим народам и традиционным обществам суррогатам своей омерзительной культуры, она калечит души и уничтожает тело. Как же их не ненавидеть?

Уже сейчас, еще до начала агрессии против Ирана, Россия должна осознать историческую близость судеб наших стран. Сегодня Россия совершенно не случайно стоит горой на пути этого вторжения. Мы должны не просто возмущаться, Россия должна включаться в полноценный многополярный фронт. Вряд ли американцы откажутся от вторжения в Иран, вот так ни с того ни с сего возьмут и прекратят навязывать миру свою однополярную политику. Не прекратят. Пока их не заставят. С приходом Саркози вместо Ширака и Меркель вместо Шредера Европа, к сожалению, отступила от создания многополярного фронта. В этом движении есть Китай, есть гигантские пространства стран третьего мира – и должна быть Россия. Уже сейчас, не дожидаясь этого вторжения, ибо на очереди мы.

Геополитическая борьба идет не только вокруг Ирана, но и на Балканах, и в странах СНГ, и у нас в России. Давайте сравним, что было в 90-х, и что есть сейчас. В 90-е годы Россия падала в бездну и глупо при этом хихикала, как даун, сдавая все свои позиции, нами правили идиоты, нами правила откровенная мразь, нами правили национальные предатели, которые каждый день глумились над национальными интересами, которые отбирали у народа его достоинство и делали при этом замечания, что мы не такой народ. Тогда мы упали в бездну и потеряли огромные позиции в мире при Горбачеве и Ельцине. При Путине мы начали их восстанавливать, да, это трудно, да, мы не совсем ясно понимаем наши интересы. Целый класс человеко-червей 90-х годов, либералов, западников, экспертов, каких-то политиков, которые до сих пор пытаются вернуться в Думу, откуда их, слава Богу, вышвырнули поганой метлой на прошлых выборах – я надеюсь, что вся эта замечательная история с критическим отношением к национальным предателям повторится и на этих выборах. Их еще много, но тем не менее страна выздоравливает, наши национальные интересы все больше и больше становятся заботой нашей власти, и Россия постепенно наверстывает наши национальные позиции, мы уже другая страна, и я надеюсь, что возврата к тому постыдному положению, в котором мы были в девяностые и проигрывали наши интересы, сдавали наших братьев и союзников, больше не повторится, если курс нашего президента продлится и дальше.

Сегодня Иран, далее везде Тезисы о ситуации на Среднем Востоке

Ситуация вокруг Ирана является фундаментальной для всего складывающегося сегодня миропорядка. Это не локальный вопрос, связанный только с Ираном как государством и даже не региональный, связанный с контекстом Центральной Азии и Ближнего Востока. От того, как решится сейчас иранская проблема зависит структура мира в XXI веке.

США взяли курс на установление планетарной гегемонии. Они присвоили себе право единолично решать судьбы мира, определять, кто прав, а кто виноват в каждом конкретном случае. Отныне США принимают окончательное решение о войне или мире и игнорируют даже решение ООН, если оно противоречит их интересам. США строят однополярный мир, в котором у всех остальных есть только такой выбор: или подчиняться воле Вашингтона и правилам игры, устанавливаемым там, либо стать жертвой агрессии заведомо превосходящего по силам противника.

Такое положение дел, по сути, лишает все страны мира суверенитета. Диспаритет в вопросах вооружений и ядерное превосходство США, вставших на путь единоличной гегемонии, делают суверенитет каждой конкретной страны анахронизмом.

Англосаксонское право основано на прецеденте. И для окончательного закрепления «права» на десоверинизацию других государств для США необходимы конкретные примеры. В Афганистане и Ираке прецеденты неспровоцированного вторжения в номинально суверенные государства уже имели место. Причем формальный предлог агрессии в обоих случаях оказался фикцией – бен Ладена в Афганистане не нашли, как и следов химического

оружия в Ираке. Чтобы окончательно закрепить эти прецеденты и сделать право на вторжение США в любое государство мира рутинной международной практикой, необходимо еще раз повторить ситуацию, но уже в случае Ирана.

Иран – страна, которая настаивает на своем суверенитете. Отказывается признавать однополярный мир. Это проявляется в стремлении Ирана осуществить свое суверенное право на обеспечение энергетической безопасности страны. Через развитие мирного атома. Но не сама по себе ядерная программа мирной энергетики волнует Вашингтон, готовящийся сегодня к агрессии, а именно стремление Ирана настоять на своем суверенитете.

Предлогом для вторжения в Иран США выбирают якобы угрозу появления у Ирана ядерного оружия. Тот факт, что ядерным оружием обладают соседние с Ираном Пакистан, Израиль и Индия, США не волнует, так как Вашингтон сам способствовал вооружению этих стран ядерной бомбой. И тем не менее у Ирана нет ни малейшего желания создавать ядерную бомбу, и ни одна комиссия МАГАТЭ не смогла привести даже отдаленных доказательств того, что опыты в этом направлении ведутся. Иран многократно повторял, что не намерен создавать ядерную бомбу, так как это противоречит пунктам исламского религиозного права, фикха, как его трактуют в Иране религиозные авторитеты. Тем не менее Вашингтон продолжает настаивать на своих требованиях по сворачиванию Ираном вообще всех ядерных программ.

США хотят любыми способами добиться десовернизации Ирана – мирным, если Тегеран поддастся давлению Вашингтона и откажется от обеспечения страны необходимой энергией, или военным, если Тегеран будет настаивать на своем. Ультиматум Ирану ставится именно в таких терминах: откажитесь от суверенитета добровольно, или мы заставим вас сделать это силой. Если бы Иран принял условия США, он добровольно сдался бы на милость победителям, так как Вашингтон не замедлил бы поставить следующее условие, закрепляющее уступку суверенитета. И так до бесконечности.

Народ Исламской республики Ирана, его политическое руководство, понимая фундаментальный смысл всей ситуации, решительно встали на путь отстаивания собственного суверенитета. Здесь речь идет не только о судьбе Ирана как государства. Речь идет о судьбе всего мира.

Иран – последний оплот не только своего суверенитета, но и суверенитета всех остальных стран мира. Если Вашингтон сумеет еще раз безнаказанно опрокинуть этот принцип суверенитета, это станет правовой нормой будущего миропорядка, и однополюсный мир окончательно восторжествует. После этого любая страна может стать жертвой безнаказанного вмешательства со стороны США. Своей пассивностью в сегодняшней иранской проблеме каждая страна подпишет сама себе приговор.

Все люди мира, все правительства пока еще независимых государств должны понять: в ситуации вокруг Ирана речь идет не о противостоянии двух держав – США и Ирана; даже не о конфликте двух цивилизаций – исламской и современной западной; речь идет о сломе старой модели мира, где в международном праве доминировал принцип суверенности. Ни иранский политический режим, ни исламская цивилизация здесь совершенно ни при чем. Это не более чем формальный предлог, равно как и ненайденный бен Ладен в Афганистане или оружие массового поражения в Ираке. Речь идет о несравнимо более глубоком явлении установления однополярного мира, и жертвой этого процесса может стать завтра любая страна: и исламская, и христианская, и буддистская, и атеистическая. Когда критерий вины или невиновности определяет только одна сторона, и она же выступает как прокурор, адвокат, судья и исполнитель приговора, о традиционном для человечества понятии справедливости можно забыть.

США воют за стратегический контроль над территориями Ближнего Востока и за энергоресурсы. Но в ходе этой эгоистической, неокOLONиальной и империалистической стратегии США рушат мировую систему, устанавливая, по сути, планетарную диктатуру. Если не противостоять этому, каждый может оказаться в положении иранцев, иракцев, афганцев.

Мы призываем всех людей мира сплотиться сегодня в этот решающий час вокруг иранского народа. Этот призыв обращен и к мусульманам, и к христианам, и к людям, исповедующим любые религии и не исповедующим никаких. Без свободы строить свою государственность, без суверенитета и независимости не может быть мира и безопасности, не может быть справедливого мироустройства.

Если каждый скажет «нет» американскому вторжению в Иран, диктатуру еще можно остановить. И тем самым спасти не только Иран, но и все страны мира. В том числе и сами США, так как возмездие неминуемо падет на голову агрессора, и отвечать за это придется всем гражданам США – и тем, кто поддержал империалистический курс своего руководства, и тем, кто был нейтрален и пассивен.

Сегодня не стоит вопрос: за Иран или за США, за ислам или против него. Сегодня вопрос стоит: за суверенитет каждой страны или за планетарную диктатуру. И все противники диктатуры и сторонники суверенитета должны незамедлительно объединиться в единый фронт.

Не стройте иллюзий. Планируемая США авантюра может закончиться Апокалипсисом. Иранский народ и политическое и религиозное руководство Ирана сдаваться не намерено. И борьба за свободу и суверенитет иранского государства будет борьбой за свободу и суверенитет всех государств мира – Франции, Германии, России, Китая, Кореи, стран Азии, Европы, Африки, Латинской Америки, арабского мира. Но эта борьба имеет мировой масштаб. И все люди земли должны осознать это.

Вместе у нас есть все возможности остановить то зло, которое неумолимо наползает на планету. И человечество просто обязано сделать это.

Тегеран на пути в Евразию

В августе 2005 года автор этих строк посетил Тегеран по приглашению МИД Ирана и Тегеранского института стратегических исследований. Это была одна из первых поездок в Исламскую республику, с которой начались активные и плодотворные контакты между евразийским движением и иранскими коллегами.

В частности, в один из дней я встречался с руководителем департамента России и стран СНГ иранского МИДа г-ном Мехди Сафари. Мы сошлись во мнениях, что Россия и Иран сталкиваются сегодня с одинаковыми геополитическими проблемами и вызовами. На первом месте здесь стоит стратегическое окружение Ирана и России американским военным присутствием. «Волна “цветных революций” на постсоветском пространстве направлена не только против России, но и против Ирана», – заметил тогда г-н Сафари. Из этого напрямую вытекает необходимость теснейшего стратегического партнерства Москвы и Тегерана – в том числе и в военной области.

Вместе с тем, мой собеседник указал на то, что сплошь и рядом Иран в своих инициативах по сближению с Россией сталкивается с необъяснимым поведением ряда российских чиновников, препятствующих развитию отношений в этом русле.

Я предложил свою версию объяснения такого отношения: на мой взгляд, на высоких постах в современной России еще остается множество атлантистских американских агентов влияния, которые пробрались во власть при Ельцине и еще недочищены в ходе патриотических реформ. Которые, кстати, постоянно пробуксовывают. Мехди Сафари в ответ отдал должное тем усилиям, которые «Евразийское Движение» предпринимает для развития ирано-российского партнерства.

Но без политической воли, проявленной на высшем уровне, ось Москва – Тегеран не выстроится, и в этом отношении участие Ирана в Шанхайской организации сотрудничества, контакты с ОДКБ и ЕврАзЭС являются залогом прочности альянса двух стран.

Курс лекций, который автор этих строк прочел в Тегеранском институте стратегических исследований по приглашению руководства этой структуры, сопровождался бурной и плодотворной дискуссией ведущих иранских экспертов в области безопасности,

геополитики, внешней и внутренней политики, межконфессиональных и межнациональных отношений.

Первая лекция была посвящена общему обзору деятельности «Международного Евразийского Движения», его структурам, направлениям работы, описанию экспертных, образовательных, медийных и молодежных подразделений, Евразийскому Экономическому Клубу и, в частности, масштабным российско-иранским проектам в области энергоресурсов Каспия, которые в данный момент активно реализуются под патронажем этого Клуба.

Во второй лекции было предложено обсудить картину Центральной Азии, предложив контекстуализировать проходящие там сегодня процессы в рамках геополитической доктрины, подробно остановившись на тех регионах, где жизненные интересы России и Ирана совпадают – Казахстан, Киргизия, Узбекистан в Средней Азии, Азербайджан и Армения на Кавказе, а также Афганистан.

Третья, заключительная, лекция была посвящена направлениям российско-иранского партнерства в евразийской перспективе. Вкратце, на мой взгляд, здесь можно выделить следующие аспекты:

- геополитическое партнерство – сближение геополитических и стратегических элит, освоение иранцами основ евразийской геополитики, совместные мероприятия в рамках геополитического мониторинга основных геополитических трендов;

- стратегическое партнерство – сотрудничество в вопросе обороны, безопасности, поставок вооружений, обсуждалась идея создания российских военных и военно-морских баз в Иране и иранских военных баз на территории России и близких ей стран СНГ;

- партнерство в области ядерной энергетики – было бы целесообразным максимально широкое сотрудничество в этой сфере вплоть до участия в проекте иранской ядерной бомбы; в этом вопросе мы расходимся с Кремлем и является убежденным сторонником распространения ядерного оружия как гаранта создания сбалансированного многополярного мира (подробно эта теория развита французским генералом Пьером-Мари Галуа, соратником де Голля и членом Высшего Совета «Международного Евразийского Движения»);

- партнерство в области экономики – создание российско-иранского нефтегазового картеля по образцу ОПЕК, который позволил бы нашим странам не просто оптимизировать процессы ценообразования и маршруты энергопоставок евразийского сырья, но и создать эффективный инструмент геополитического влияния на потребителей иранских и российских нефти и газа на Западе и Востоке континента;

- культурное сотрудничество – обмен философскими идеями, продуктами культуры, широкий обмен творческой интеллигенцией, чтобы наши страны лучше узнали друг друга, – автор этих строк, правда, высказал опасение, что многие продукты современной российской культуры настолько отвратительны, что их не стоит показывать нравственным и духовно цельным иранцам, так как о России у них может сложиться превратное впечатление, – на мой взгляд, от них следовало бы, конечно, в первую очередь обезопасить самих русских;

- информационное сотрудничество – создание российско-иранских информационных каналов и интернет-порталов, широкое освещение наших стран в СМИ – можно привести в пример православный канал «СПАС», который открылся незадолго до моей поездки в Иран; телеканал, будучи конфессиональным и ориентированным на Русскую православную церковь, уделяет большое внимание и межконфессиональному диалогу, в частности теме Ирана и развитию с ним активного и конструктивного диалога;

- сотрудничество в среде экспертов – тут, правда, следует разобраться, кого можно считать экспертами в строгом смысле этого слова.

Обсуждение лекций прошло довольно эмоционально. Иранские интеллектуалы никак не могли понять, почему власть в России сплошь и рядом совершает поступки, в корне противоречащие стратегическим и национальным интересам России. И не только в отношениях с Ираном, но и в отношении собственных граждан. Иранцы, почти 30 лет назад изгнанные из своей страны атлантистских марионеток и обильно украсившие стены домов своей прекрасной столицы выразительными лозунгами «Down with the USA»,

восстановившие устои традиции, нравственные критерии жизни и основы социальной справедливости с опорой на ярко выраженную национальную идею и религиозные нормы, никак не могли понять, что у русских аналогичная консервативная революция еще впереди, а пока существующая власть плотно контаминирована атлантистской агентурой, разлагающей основы русской государственности и саботирующей национальное возрождение.

В результате многочасовых обсуждений было решено подписать соглашение о сотрудничестве Тегеранского института стратегических исследований и «Международного Евразийского Движения». Директор Института, ведущий иранский специалист в области безопасности г-н Хани и евразийцы подписали договор о сотрудничестве. В качестве первого шага было решено сделать перевод на фарси основных теоретических трудов по евразийству и программы «Евразийского Движения». В конце августа того же 2005 г. состоялся ответный визит иранских экспертов в Москву, в штаб-квартиру МЕД.

Следующим пунктом в программе пребывания в Иране был Тегеранский государственный университет, где состоялся разговор с деканом факультета политики и политологии, лучшим иранским специалистом по России и странам СНГ г-жой Йахья Кулаи. Она является влиятельным иранским политиком, ранее работала в меджлисе и оказывает большое влияние на выработку иранской политики в отношении России. Кроме того, г-жа Кулаи руководит Центром «Исследований Центральной Евразии» и главным редактором содержательного интеллектуального журнала «Фарханги Андишен» («Культура Мысли»), который постоянно публикует евразийские тексты самой г-жи Кулаи и других иранских русистов и аналитиков. В ходе встречи было решено организовать постоянные контакты образовательного департамента МЕД и «Института Евразийства» в Астане, действующего под патронажем МЕД, с Тегеранским Госуниверситетом и Центром «Исследований Центральной Евразии». Была достигнута договоренность об обмене материалами и об открытии на портале evrazia.org иранской странички с материалами, почерпнутыми из архивов «Фарханги Андишен» и других изданий.

На встречах с иранскими экспертами и политическими деятелями было решено организовать культурный обмен и на уровне молодежных движений. Так, представителей Евразийского союза молодежи с нетерпением ожидают иранские студенты, полностью разделяющие антиглобалистские и консервативно-революционные идеи и симпатии русских младоевразийцев.

Геополитика индо-пакистанского конфликта

Если Иран – потенциальный гегемон Среднего Востока, то в Южной Азии геополитическая ситуация определяется противостоянием двух держав, рожденных благодаря «удачному» разделу Британской Индии – собственно Индией и Пакистаном.

Современный индо-пакистанский конфликт отражает в себе те же основные тенденции, коих четыре, что и все ныне происходящее в остальном мире. А возможное применение ядерного оружия делает ситуацию еще более тревожной – глобально значимой для всего человечества. Нас же, безусловно, заботит то, как это скажется на России, тем более что Запад недвусмысленно подталкивает российского президента Путина к активной вовлеченности в решение данной проблемы. Каковы же эти четыре основных геополитических фактора, описывающих современную ситуацию в целом и индо-пакистанский конфликт в частности?

1. Мы живем в мире, который представляет собой продукт распада ялтинской системы, основанной на противостоянии двух идеологических блоков. На политическом уровне ялтинский мир в прошлом. Нет больше СССР, восточного блока, нет больше коалиции неприсоединившихся стран. Но инерция почти полувекового расклада сил в пространстве планеты сохраняется. Процессы сотрудничества в военной сфере, культурные и цивилизационные взаимосвязи, да и сам факт существования такой организации, как ООН, – все это является осязаемыми и весомыми следами не испарившейся до конца геополитики

двухполярности.

В двухполярном мире баланс сил индо-пакистанского конфликта отражал эту самую логику – логику биполярности.

В этой системе Пакистан всегда находился в зоне влияния США (шире, Запада). Его военная мощь, разведывательные структуры и основные политические инструменты были аффилированы со стратегическим полюсом атлантизма. Кстати, исламский фундаментализм в Пакистане в эпоху двухполярности выполнял сугубо атлантистские функции, так как был аналогом исламского фронта в Афганистане, боровшегося против просоветского режима. Эти же исламские террористические структуры, сверстанные при прямом участии США, действуют и в Кашмире. Как бы ни менялась современная геополитическая конъюнктура, основа этого контроля над пакистанскими радикально-исламскими движениями (откуда вышли и талибы) со стороны США сохраняется до сих пор.

Симметрично этому СССР инвестировал свои стратегические усилия и ресурсы в создание и развитие вооруженных сил Индии, чья позиция неприсоединения резонировала с интересами советского блока в региональном масштабе.

Одинаково враждебный как СССР, так и США Китай играл свою собственную партию, в данном случае помогая укреплению вооруженных сил Пакистана. И хотя сегодня прямой биполярности нет, мы продолжаем сталкиваться с ее многочисленными рудиментами. Российско-индийское сотрудничество является одним из них. Если бы современная Россия строила свою геополитическую стратегию как прямое продолжение стратегии СССР (сторонники чего еще сохранились в ряде силовых министерств и ведомств), то она должна была бы, безусловно, поддерживать Индию и сегодня. Но если в данной ретроспекции все однозначно, то в новой (послеялтинской) реальности место России далеко не очевидно, и, более того, сама эта реальность крайне неопределенна. И здесь мы подходим ко второму важнейшему процессу, влияющему на общую ситуацию...

2. Вторым важнейшим процессом современности является фундаментальный системный кризис такой политической категории, как государство-нация. Государства-нации сегодня в асимметричном, стохастическом режиме распадаются, создаются заново, трансформируются в нечто иное в разных частях планеты. В Западной Европе они постепенно сплавляются в Евросоюз. Страны Восточной Европы, едва возникнув или отколовшись от прежней геополитической конструкции Варшавского договора, стремятся раствориться в Евросоюзе практически на любых условиях. В Азии их становление идет долго и мучительно, от нуля к пока малопонятному, но уже малоприятному результату. Все это подчеркивает тот факт, что олицетворяемая государством-нацией модель политического устройства является далеко не оптимальной и едва ли способна отвечать на вызовы времени.

Процесс формирования государств-наций в Пакистане и Индии затянулся на пятьдесят лет. До 1947 года Индия, включая современный Пакистан, представляла собой многополярное традиционное общество, управлявшееся созвездием полуавтономных магараджей под колониальным контролем Англии. До сих пор государственные языки Индии и Пакистана – хинди и урду соответственно – отличаются друг от друга примерно как диалекты одного и того же языка.

Английское господство ограничивалось стратегическим контролем над территориями (оправданного т. н. «бременем белого человека», подробнее смотрите у Киплинга) и экономической эксплуатацией населения. Декolonизация поставила вопрос о создании на полуострове Индостан национального государства. Государственное размежевание по конфессиональному признаку последовало незамедлительно (естественно, не без активного участия такого опытного геополитического игрока, как Британская империя).

Мусульманское население северо-западной Индии при английской поддержке провозгласило создание независимого от Индии государства. Историческая беспрецедентность разделения по конфессиональному признаку подчеркивается тем фактом, что река Инд, давшая название Индии, до самых верховий оказалась в отделившейся от Индии части.

После провозглашения в преимущественно мусульманской части Индии государства Пакистан на территории, которую оно взяло под свой контроль, начались депортации и геноцид индуистского меньшинства. Ныне спорный Кашмир, населенный преимущественно мусульманами (меньшинство составляли индусы-шиваисты), управлялся магараджей-индуистом, который в критический момент все же решил присоединить свои владения к Индии. В ответ Пакистан, не смирившись с этим решением, силовым образом аннексировал у него часть Кашмира в свою пользу, оккупировав ее. Остальную же часть штата успели взять под контроль индийские войска. Трения на линии контроля постоянно возникали начиная с 40-х годов. Они отражали стадии становления государственности в обоих образованиях, требовавшей повышения степени социальной однородности.

В конце 90-х годов в Индии укрепилась правая «Бхаратия Джаннат», партия республиканского толка, ставившая своей целью завершение процесса формирования в Индии «полноценного государства» в том виде, в каком его представляют в Европе и Америке. Предыдущая «партия власти» – либерально-демократический Индийский Национальный Конгресс – продемонстрировал полную неспособность придерживаться традиций толерантного отношения к этническим меньшинствам и конфессионального плюрализма, которые составляют суть полноценного, уходящего в глубь веков индуистского традиционализма и сами по себе старше методов белого (европейского) человека на много тысячелетий. Нынешняя эскалация ситуации в Кашмире открывает зловещую перспективу: если Дели будет упорствовать в стремлении создать однородное государство-нацию, противоположное традиционному типу, то все стомиллионное население индийских мусульман – не только в штате Джамму и Кашмир, но и во многих других местах – будет дестабилизировано. Особенную тревогу вызывает тот факт, что затянувшееся становление государств-наций протекает довольно грубо, при том что данная политическая форма испытывает всеобщий кризис.

Позиция России, имеющей в случаях стран СНГ в чем-то схожие проблемы, должна логически проистекать из исторического решения: собирается ли сама Россия окончательно закрепиться в статусе государства-нации, и, соответственно, региональной державы, или она видит себя чем-то большим, а не дай Бог, и чем-то меньшим? Заметим сразу, что если исходить из перспективы региональной державы, то России выгодно поддерживать Индию, чтобы не давать повода для симметричных сепаратистских поползновений представителей своих собственных этнических и конфессиональных меньшинств.

3. Третьим фундаментальным геополитическим процессом является возникновение «цивилизационных единиц» на основании культурных, геополитических и конфессиональных признаков. Об этом писал Хантингтон в своем знаменитом эссе «Столкновение цивилизаций» (*Clash of civilizations*). Эти «цивилизационные единицы» (или «цивилизации») представляют собой нечто новое, нежели идеологические блоки или государства-нации. Примером таких цивилизаций или «больших пространств» является Евросоюз, пространство Северной Америки, стран СНГ (и особенно ЕвразЭС). В менее различных контурах пока видятся исламская, дальневосточная, африканская или латиноамериканская цивилизации.

Индия, как, впрочем, и Китай, по своему историческому и демографическому масштабу сама по себе может считаться цивилизацией. Под этим углом зрения события в Кашмире и возрастающая вероятность обмена ядерными ударами может рассматриваться как обострение цивилизационного конфликта исламской цивилизации с цивилизацией индуистской. И в таком случае вышеупомянутые 100 миллионов индийских мусульман приобретают особое геополитическое значение.

При таком «укрупненном» видении больших пространств сама Россия может восприниматься как Евразия, самостоятельная континентальная цивилизация. В этом качестве она и должна выстраивать свою стратегию применительно к данному конфликту. И здесь открывается совершенно иная картина: для России как Евразии жизненно важен альянс и с индуистской цивилизацией, и с большим пространством континентального ислама,

включающим в себя Турцию, Сирию, Иран, Ирак, Афганистан, Пакистан и исламские республики Средней Азии.

С учетом этих обстоятельств Россия должна предложить свой алгоритм решения конфликта обеим сторонам. Решение естественным образом обнаруживается в области такого политического устройства, которое представляло бы различным этническим и конфессиональным группам каждой страны евразийского континента статус полноценного политического субъекта – т. н. «евразийский федерализм» – при безусловном ее стратегическом единстве (общий принцип «демократической империи», где «империя» понимается не в идеологизированном, а в собственном смысле, как дом, если можно так выразится, «одинаково родной» для множества разных народов, где нет деления на «государствообразующую нацию» и «меньшинства»). Это, кстати, вполне резонирует с подходом традиционной Индии до английской колонизации и, соответственно, начала построения «национального» государства.

4. Четвертым геополитическим процессом, влияние которого необходимо обязательно учитывать, является глобализация. Этот проект предусматривает новую политическую конфигурацию планеты через создание единого «мирового государства-нации» под стратегическим руководством США и шире – Запада на основе непротекционистской рыночной экономики и «либерально-демократической политической системы» (т. е. политической системы западного образца). В ходе глобализации все элементы нынешней конструкции – и остаточные тенденции двухполярности, и государства-нации, и самостоятельные большие пространства («цивилизационные единицы» по Хантингтону) – подлежат ликвидации.

Глобалистский проект, находящийся в стадии реализации, уже сегодня проявляется в том, что США берут на себя роль главенствующего геополитического субъекта, выступающего в качестве верховного арбитра и главного управляющего нового миропорядка (НМП). Из этого следует, что индо-пакистанский конфликт – это, в значительной степени, партия, которую должна разыграть Америка сама с собой, передвигая пакистано-индийские шахматы на глазах у народов мира, чьи функции свелись к простым наблюдателям матча. Это проявляется в том, что традиционно поддерживающие Пакистан американцы под предлогом борьбы с исламским экстремизмом – который они же и породили и чье присутствие дает о себе знать в терактах, совершаемых на территории Кашмира, – готовы выступить и на стороне индийских «государственников», особенно с учетом возможного вовлечения в конфликт соседнего Китая. Наличие мощных американских баз в этом регионе позволило бы США контролировать важнейший геополитический узел, где сходятся интересы России – через Таджикистан, – Афганистана, Пакистана, Индии и Китая в непосредственной близости от Синьцзян-Уйгурского автономного округа и Тибета – слабых мест китайской геополитики.

Признав необратимость и неизбежность глобализации, Россия должна в таком случае либо отстраниться от происходящего в Кашмире, либо согласиться на незавидную роль технического исполнителя американской воли. Данный анализ показывает, что пакистано-индийский конфликт своим наличием создает фундаментальные геополитические проблемы, заведомо превосходящие любые технологические прогнозы или прагматические методы решения. Поэтому Россия, прежде чем тем или иным образом вовлекаться в разрешение данной проблемы, должна сама определиться в этих четырех геополитических контекстах. Признав необратимость и неизбежность глобализации, России нужно либо отстраниться от происходящего в Кашмире, либо согласиться на незавидную роль технического исполнителя американской воли.

Океанический бросок Китая

Выход дракона

Одним из важнейших факторов геополитики современного мира является неуклонно растущая мощь Китая, который традиционно заинтересован и в «индо-пакистанском вопросе», а теперь проявляет активный интерес и к бывшим советским республикам Центральной Азии, и к Африке, и к Юго-Восточной Азии, и к российской Сибири. Россия должна выработать ясное отношение к этому феномену, вывести российско-китайские отношения на последовательный и продуманный курс. Для этого надо осмыслить в общих чертах геополитику Китая.

Современный Китай обязан своему возвышению целой совокупности факторов. В коммунистическую эпоху, которая, кстати, в самом Китае еще не завершилась окончательно, относительно слабый и перенаселенный Китай выполнял функцию обширного берегового пояса на Дальнем Востоке, и борьба за влияние на него велась с переменным успехом основными игроками – СССР и США. Сближение Москвы с Пекином усиливало евразийский потенциал советского лагеря, противоречия между ними, напротив, было на руку атлантистам. Эта диалектика прекрасно вписывается в основное русло геополитики – борьбу континентальных и океанических пространств за контроль над береговой зоной.

Запад варьировал свою стратегию в отношении Китая и на рубеже 80-х годов перешел к более активному сближению. Согласно докладу «Трехсторонней комиссии» от 1980 года, в этот период Запад наметил ряд мер по мощной экономической помощи Китаю, закрывая глаза на «тоталитарный» характер политического режима и несоблюдение «прав человека», что было важным ходом в позиционной борьбе против СССР. «Трехсторонняя комиссия» в лице Жоржа Бертвена провела секретные переговоры с китайским руководством относительно многомиллиардных инвестиций в китайскую экономику на условиях сохранения политической власти КПК и начала либерализации экономики.

С этой точки начинается новый этап развития Китая: сохранив политическую власть Компартии, отныне Пекин опирался в значительной мере на экономическую поддержку стран Запада и в первую очередь США, чьи льготные многомиллиардные инвестиции стали основой китайского экономического рывка.

Далее последовали драматические события конца 80-х – начала 90-х годов, в результате которых советский блок, а затем и сам СССР распались. Причем так стремительно, что возникли новые проблемы и для самого Запада. Резкое и внезапное ослабление евразийского полюса в лице Москвы качественно изменило функцию тех береговых геополитических регионов, которые были призваны выполнять вспомогательную роль для атлантизма в позиционной войне против континентального ядра. Китай, впрочем, как и объединенная Европа на западе Евразии, следуя за инерциальной логикой геополитики эпохи «холодной войны», непомерно увеличил свою мощь и, в свою очередь, стал представлять за счет темпов роста определенную угрозу для США. Так постепенно Китай из вспомогательного фактора превратился в самостоятельную силу. Хотя не следует сбрасывать со счета качественный характер этого нового возвышения Китая – в огромной степени это связано именно с экономической поддержкой США, и это будет сказываться до того момента, пока Китай не выйдет полностью на самостоятельный курс, а по всем расчетам это произойдет не так скоро. В самом Китае существуют очень серьезные преграды для дальнейшего экономического роста – бурный демографический потенциал, скудость природных ресурсов, крайне неравномерное развитие богатых береговых и бедных континентальных зон и т. д.

Полюса власти в современном Китае

В этой гигантской и бурно развивающейся стране существует политический централизм, поэтому Москва может иметь в ней дело только с коммунистическим

руководством, которое полностью контролирует внешнюю и внутреннюю политику. Но, несмотря на политико-партийную монолитность, и в Китае есть несколько центров влияния. Наиболее существенными является экономическая группа и политико-идеологическая группа. «Молодые экономисты» КНР опираются на прибрежную зону активного экономического развития, и их позиции в значительной степени связаны с интеграцией Китая в мировой рынок – в частности в американский, который дает Китаю значительный процент доходов. Собственно политическое руководство поддерживается гигантскими массами внутриконтинентального Китая, живущего по весьма скромным стандартам и не вовлеченного в экономический рост юго-восточной береговой зоны. На равновесии этих факторов основывается «китайское чудо», так как перекося в ту или иную сторону – в «демократию» или «тоталитаризм» – дал бы неминуемо катастрофический эффект. В обеих этих группах Россия может найти партнеров по многополярности. Политическое руководство, вслед за традициями Мао, в значительной степени продолжает скептически относиться к «северному соседу», уличенному в «ревизионизме» и «империализме». Но вместе с тем именно китайские коммунисты лучше всего осознают геополитические противоречия между Пекином и Вашингтоном, неизбежность обострения конфликта. Китаю нет места в однополярном мире, и антиглобализм (многополярность) является важнейшим пунктом внешнеполитической доктрины КНР. А в этой стране с миллиардным населением и сохранением политического централизма такой пункт является не пустым словом. Провозгласив четкую антиамериканскую ориентацию, Москва обретает в коммунистическом руководстве Китая стратегического партнера.

Вместе с тем дальнейший экономический рост Китая во многом зависит от природных ресурсов, фундаментальный дефицит которых грозит застопорить темпы роста китайской экономики уже в ближайшие годы. Это значит, что у России и в экономической группе КНР есть субъект диалога. Хотя вовлеченность китайской экономики в мировой рынок позволяет предположить, что диалог с экономической группой будет складываться непросто – не стоит недооценивать и американское влияние на Пекин.

Для Китая чрезвычайно важна Россия как носительница ядерного потенциала и обладательница природных ресурсов. Антиглобалистский контекст позволяет найти в этом обмене максимум общих интересов при соблюдении китайской стороной контроля за миграционными процессами между китайской и российской территориями.

Рывок на юг

Геополитика Китая сегодня определяется следующими факторами: самое главное и принципиальное – отношения с США – весьма тонкий вопрос. Китай, оставаясь номинально коммунистическим и претендуя на самостоятельную роль в региональной политике, естественно, всячески дистанцируется от США, не устает подчеркивать свою приверженность «многополярной» модели – читай альтернативе глобальной единоличной гегемонии США. Но вместе с тем глубина интегрированности Китая в западную и в первую очередь американскую экономику такова, что любой люфт для серьезных конфронтационных демаршей в этом направлении весьма ограничен. Поэтому здесь Китай, скорее всего, будет придерживаться выжидательной тактики, стараясь увильнуть от прямого американского влияния, но вместе с тем стремясь избежать прямой, фронтальной конфронтации. Для США такой противник, как Китай, чрезвычайно удобен: его политический режим оправдывает рост военных расходов в американском бюджете, а зависимость китайской экономики от внешнего рынка до определенной степени страхует от неприятных неожиданностей.

С востока Китай подпират активная сила Японии, представляющая собой конкурентную модель организации всего Дальневосточного региона. В этом смысле пределы китайской экспансии на восток строго ограничены. Китайский вопрос является главным геополитическим вопросом в современной Японии, где конкурируют между собой

различные модели видения будущего – наряду с атлантистской, откровенно проамериканской позицией рассматриваются как проект «желтого мира» (альянс Япония & Китай), так и евразийский вектор (ось Москва – Токио).

С запада Китай ограничивается исламским пространством Центральной Азии и Индией. Это довольно активные политически пространства с демографическими показателями, отчасти сопоставимыми с самим Китаем. Различие и отчасти антагонизм по многим вопросам: проблема уйгуров-мусульман Синьцзяна, китайско-индийские споры по Тибету и т. д. – ставят естественные преграды для западного вектора развития.

Более или менее открытыми являются два направления: север и юг.

Геополитическая проблема севера для Китая воплощается в китайско-российские отношения. Если взглянуть на этот вопрос из Москвы, то же самое становится китайской проблемой для России. У Китая с Россией на данном историческом этапе крайне слаба т. н. «геополитическая комплиментарность» – «взаимодополняемость». Если для самого Китая российские природные ресурсы, продукты военно-промышленного комплекса и особенно слабозаселенные территории Сибири являются в высшей степени привлекательными, то для России Китай представляет собой только краткосрочный интерес – в первую очередь в вопросе финансовой мощи; стратегически же – геополитически, демографически, геоэкономически и т. д. – Китай, обратившись к северу, представляет собой колоссальный риск и серьезную опасность. И наоборот, Россия жизненно заинтересована в геополитическом сближении с региональными конкурентами Китая – Японией, Индией, исламскими странами Центральной Азии, с которыми «геополитическая комплиментарность» у России, напротив, налицо.

Эти противоречия решаются только в одном направлении: если Китай выбирает в качестве основного геополитического вектора «рывок на юг». Южный вектор геополитической экспансии Пекина, стесненного на востоке и на западе, идеально соответствовал бы стратегическим интересам России. Гигантский Китай вступает на этом направлении в геоэкономические, демографические, военно-политические и дипломатические игры, которые никак не затрагивают евразийские интересы России. Океанический бросок Китая – единственное, что может сделать из него нашего полноценного партнера и союзника. Этот фактор должен рассматриваться как главный аргумент в российско-китайской геополитической игре, входить в перечень основных условий при неформальных переговорах.

Россия заинтересована в том, чтобы в альянсе с Японией и Индией направить китайский вектор в южном направлении. Речь не идет о потворстве колониализму. Речь идет о грамотной и долгосрочной стратегии России в тихоокеанском регионе.

Хороший Китай – Китай, идущий на юг. А это значит, что «ориентация на север» должна быть для него заказана.

Прекращение китайской миграции в обмен на нефть

Снабжая нефтью Китай, мы укрепляем экономические позиции нашего возможного конкурента. Особенно опасна демография Китая, способная стремительно наводнить Восточную Сибирь и Дальний Восток и, по сути, легко отломить их от России. А так как эти земли являются залогом экономического развития и конкурентоспособности Китая в ближайшем будущем, то Пекин не станет рисковать из-за диалектики отношений с Россией и предпочтет иметь эти земли под ясной и понятной китайской властью – пусть через экспорт своего гигантского населения.

России гораздо более выгодно поставлять нефть в Японию, так как денег у японцев не меньше, а демографической угрозы они для Сибири не представляют. Япония же реагирует на российско-китайское энергетическое партнерство крайне болезненно. Сделав лишний шаг в сторону Китая, мы рискуем потенциалом российско-японских отношений, который куда как выгодней для нас.

Но вместе с тем Пекин последовательно проводит политику, направленную против однополярности и усиления американской гегемонии. А значит, является стратегическим партнером России. Динамичным и сильным.

Этим и объясняются колебания Москвы. С Китаем необходимо дружить, но при этом от его крепких объятий стоит одновременно увертываться. Иначе уже лет через тридцать наше население заговорит на другом языке или мы вообще проснемся в другой стране. При этом торговый оборот с Китаем по состоянию на 2013 г. достигает 100 млрд долларов (для сравнения, по данным официального представителя Главного таможенного управления КНР Чжэн Юэшэна, объем общего торгового оборота Китая за первое полугодие 2013 года приближается к 2 трлн долларов).

Предполагаемая численность группировки, против которой во время российско-китайских совместных учений действуют объединенные вооруженные силы двух стран, составляет 100 тысяч боевых единиц. Учитывая это, можно предположить, что китайская сторона постепенно готовится к окончательному решению тайваньского вопроса, а заодно и к возможным проблемам в Синьцзян-Уйгурском автономном округе, населенном преимущественно мусульманами. Нелишне было подготовиться к угрозе сепаратизма и российским военным. Очевидно, что Москва и Пекин все яснее осознают близость стратегических интересов, да и проблемы у обеих стран довольно похожи. Китай становится основным клиентом России по закупке военной техники, а значит, напрямую способствует росту оборонного заказа и развитию обороноспособности России.

Российско-китайское сближение – явление в целом весьма позитивное. За прошедшие 10 лет США настолько напугали Пекин и Москву своими «цветными революциями» на постсоветском пространстве, что две мощные региональные державы всерьез забеспокоились и приступили к выработке совместной ответной стратегии. Вопрос только в одном: Китаю в XXI веке кровь из носу необходим доступ к ресурсам Восточной Сибири. Без этого о конкуренции с США и создании Великого Китая можно забыть.

Пекин, видя геополитическую слабость и растерянность Москвы, ее колебания в отношении Америки и глобализма, на всякий случай направляет избыток своего населения через северную границу. Не успеешь оглянуться, и Восточная Сибирь заговорит по-китайски. Вот это как раз смертельно опасно для России. Стратегическое партнерство Москвы с Пекином – и нефтепровод, и продажа оружия, и совместные учения – должны обставляться главным условием: прекращением демографической экспансии. Пусть Китай экспортирует эксцессы своей демографии на Юг: Австралия до сих пор заселена только по побережью, так что будет где развернуться.

Мы же должны показать Китаю свою силу: доступ к нашим ресурсам он получит, но только из рук сильной, свободной и самостоятельной России, населенной русским населением и другими нашими исконными евразийскими этносами. Формула проста: нефть, газ и оружие в обмен на прекращение демографической экспансии.

В 2010 г. Владимир Путин (тогда премьер-министр) и тогдашний председатель КНР, генсек КПК Ху Цзиньтао подписали «Совместную декларацию о международном порядке в XXI веке». Самым главным моментом этой декларации стало заявление о приоритете многополярного мира над однополярным. И за этим скрывается очень серьезный геополитический смысл.

Сегодня между собой все острее сталкиваются два образа будущего: американское видение мировой империи, с главной ведущей державой США, и концепции тех народов и стран, которые отвергают однополюсную архитектуру в пользу многополюсной. США в соответствии со своей логикой выстраивают страны по ранжиру – те, кто признает их верховенство и готовы за ними следовать во всем, получают одобрительное название «демократических» и «свободных», причисляются к друзьям и союзникам. Те, кто оспаривают такое положение дел и настаивают на собственном пути и сохранении своей самобытности, заносятся в черный список, а то и причисляются к «оси зла». До самого последнего времени Россия и Китай балансировали на довольно тонкой грани. Не желая

ссориться с Америкой, от которой и Москва, и Пекин сегодня слишком зависят, они все же прекрасно понимали, что в однополярном мире у таких великих держав с региональными амбициями нет достойного места, и им уготована незавидная участь – ослабление, а то и расчленение. До какого-то момента мы пытались выкрутиться из сложного положения в одиночку, но строительство американцами «нового мирового порядка» на Ближнем Востоке, на Кавказе, в Восточной Европе и в Средней Азии явно подталкивает две крупнейшие евразийские державы к более решительным действиям.

Если Путин и Ху Цзиньтао, вопреки предсказуемой реакции США, все же пошли на подписание декларации, значит, обе страны оценивают сложившуюся ситуацию как критическую. Ясно, что к этому Китай и Россию подтолкнули события прошлого года, когда процесс «цветных революций» на постсоветском пространстве вошел в полную силу. Американский след в событиях в Грузии, на Украине, в Киргизии и Узбекистане недвусмысленно показывал: США всерьез занялись переформатированием постсоветского пространства в своих стратегических интересах. И сделано это было против России и Китая, чьи позиции становились все более уязвимыми. Москва предельно болезненно восприняла оранжевую пощечину в Киеве, а Пекин почувствовал серьезную угрозу из-за событий в Бишкеке и Андижане. Активизация американцев и проамериканских сил в этом регионе напрямую влияет на уйгурский Синьцзян и зону Тибета.

Резкая и жесткая политика США в Евразии сама подталкивает российскую и китайскую власть к геополитическому союзу. Основные вопросы геополитики, естественно, обрамляются побочными проектами – сотрудничеством в сфере нефтепоставок, кооперацией в технологическом рывке, совместными гуманитарными проектами. 2006 год стал годом России в Китае, а 2007 – годом Китая в России. Все эти вопросы могли бы остаться частными вопросами бизнеса или миролюбивыми дипломатическими формальностями, если бы не серьезное сближение по самому главному вопросу стратегической самоидентификации и нарастающему напряжению в отношениях с США. Поэтому общие нефтепроекты и мероприятия празднования года России и Китая в соответствующих странах обретают совершенно иное значение.

Однако вновь и вновь необходимо возвращаться к тому, что перспектива такого союза сталкивается с серьезной проблемой: фактором китайской демографической экспансии в Сибири и на Дальнем Востоке. Это та проблема, которую постоянно подчеркивают американские стратеги, прекрасно осознающие опасность для них российско-китайского партнерства и болезненность демографической темы для России. Явно, что процесс миграции китайского населения не спонтанный. Пекин не может не понимать, что в XXI веке экономический рывок и конкуренцию с США он выдержит только с опорой на ресурсы Сибири. Слабость России и ее неопределенность в отношении Америки и однополярного мира провоцирует Китай использовать демографическую карту в свою пользу. Другое дело, если Россия четко заявит о своих геополитических приоритетах, без колебаний поддержит многополярность и выработает мобилизационный национальный проект для Сибири и Дальнего Востока, не оставляющий места для двусмысленных демографических стратегий. В таком случае Китай может рассчитывать на сибирские ресурсы в формате четко зафиксированного геополитического альянса – с наличием общего противника или, мягче скажем, конкурента в лице США, с ясными целями в отношении других региональных игроков, с общей решимостью не допустить сепаратистских тенденций в обеих странах.

Пекин должен понять, что инфильтрация китайского населения на российские земли – не только не единственный, но и не самый лучший способ доступа к сибирским ресурсам. Сильная Россия, строго ставшая на позиции многополярного мира и решительно отстаивающая свою национальную целостность, вполне могла бы стать надежным партнером для Китая. А избыток своего населения Китай вполне мог бы обратить в сторону Юга. Давая понять китайцам, что мы относимся к ним серьезно, с нефтепроводом Путин все же решил не спешить. И правильно. Вначале урегулирование китайской миграции, потом нефть.

Азиатский постмодерн и скрытый расизм европейцев

Пока премьер-министр Таиланда Таксин Чиннават был в Нью-Йорке на 61-й сессии Генассамблеи ООН, военная хунта, назвавшаяся «Советом по административным реформам», его свергла и сместила правительство. Обязанности премьера временно возложены на главу путчистов, генерала Сонтхи Буньяратглина (бывший командующий Королевской армией Таиланда, с 2011 г. – депутат парламента). Руководители переворота заявляют о верности королю. Свергнутого же Чиннавата они обвиняют в том, что его политика привела к увеличению разрыва между богатыми и бедными, а также в попытках подрыва демократических институтов и в «безудержной коррупции». По их мнению, переворот был необходим для того, чтобы «вернуть народу нормальную жизнь и гармонию».

В отношении военного переворота в Таиланде большинство политических аналитиков либо обсуждают формальные детали, либо шутят по поводу туристов. Такое впечатление, что политика Азии мало интересует мировую общественность, в отличие от мельчайших деталей происходящего в Европе, в США или на Ближнем Востоке. А ведь на самом деле именно в Азии и вообще в Третьем мире живет подавляющее большинство человечества. И эти люди страдают, думают, принимают решения, сомневаются и, как мы видим, устраивают военные перевороты.

В отношении к Таиланду трудно не заметить того скрытого расизма, который до сих пор жив в странах «золотого миллиарда». При всех нормах политкорректности, вытравить из европейцев колониальный снобизм, видимо, так никогда и не удастся. А между тем происходящее в Таиланде в высшей степени показательно. Только что свергнутый премьер министр Таксин Чиннават был образцовой фигурой азиатского постмодерна. Этаким таиландский Берлускони – он вошел в большую политику через средства массовой информации, так как ему принадлежит крупнейший медиахолдинг этой страны. Чиннават сделал себе медиа-партию с очень странным названием «Тай рак тай», что означает приблизительно «Тайцы любят тайцев», обещал всем «все и немедленно» и особенно поднялся после опустошительного цунами 2005 года, когда поклялся «все вернуть назад». Такой медийный цинизм вызвал возмущение традиционных партий, многие из которых просто бойкотировали выборы.

Чиннават, быстро сориентировавшись в трендах, решил форсировать ситуацию и перейти от половинчатой и только начинающей демократии в традиционном азиатском буддистском обществе сразу к самой продвинутой фазе – куда перешли общества Запада, по сути, подменив соучастие народа в политической жизни обществом спектакля – к политическому постмодерну. Но если западные демократии превратились в бессмысленное шоу после того, как достигли пика развития, то Чиннават решил не терять времени и сделать аналогичный шаг еще до того, как демократические традиции укоренятся в тайской среде. Тем более что нет четкой уверенности в том, что они вообще когда-либо в ней укоренятся.

Получился классический пример политики постмодерна – наследственный монарх, покровитель буддизма, странноватый парламент и теперь еще телевизионный виртуальный премьер-министр, обещающий всем все и ничего не выполняющий. А вокруг роскошные пейзажи, жаркий океан, тайский массаж и толпы изнывающих от безделья туристов – среди которых много наших соотечественников. Кстати, о русских туристах. Их, похоже, никакие перевороты и даже теракты и цунами нисколько не пугают. Как сообщают туроператоры, узнав, что в Бангкоке танки, русские хлынули туда с новой энергией – сняться в шортах на фоне экзотических тайских военных.

Понимание, что Таксин Чиннават – это что-то не то даже для Таиланда, было у тайцев уже давно. Парламентский кризис длится с апреля этого года, а парламентские выборы назначены только на октябрь. Чиннават, по сути, до настоящего времени являлся премьером не совсем легитимно. Так что его свержение с помощью силы, в свою очередь, не такое уж преступление.

Занятно, что среди массы нейтрально ироничных отзывов на происходящие в Таиланде события только сайт Гарри Каспарова отличился горячей и проникновенной тирадой с проклятиями в адрес путчистов. Все правозащитники – люди странные, но наши бьют по странности все рекорды. Дался же тайский постмодернист Таксин Чиннават российскому горе-политику Гарри Каспарову...

Геополитическая функция России в отношениях между Востоком и Западом

По внешним признакам российско-японские и российско-корейские (имеется в виду Северная Корея) отношения принадлежат к совершенно разным политическим системам: Япония – блистательная цитадель либерал-капитализма в Тихоокеанском регионе, а потому отношения с ней вписываются в план «сближения с Западом» и имеют прямое касательство к построению «будущего мира». Северная Корея – напоминание о коммунистическом прошлом, и отношения с ней в большей степени представляют собой инерциальное наследие советской эпохи. Но обе эти страны, безусловно, явление евразийское, азиатское. Под внешней оболочкой западных политэкономических идеологий (либерализм и коммунизм) там скрывается глубинное архаическое азиатское нутро. Поэтому, когда Москва обращает свое внимание на Восток, это всегда затрагивает некоторые евразийские струны нашей внешней политики. А все евразийское – по неумолимой логике геополитических пар противоположностей – всегда несет в себе нечто антизападное.

Япония, являющаяся современным стратегическим партнером США, за счет своих исторических традиций, экономического потенциала, ресурсных проблем и политических амбиций отнюдь не является простым продолжением Запада. Да, после поражения во Второй мировой войне и ядерного геноцида японцы приняли логику победителей; хотя это не так уж и странно, если понимать ход мысли этого специфического народа: победить «божественную нацию» страны восходящего солнца (теория «Святой Японии» – шинкоку) могут только еще более «божественные» силы.

Приняв западную модель развития и достигнув на этом пути впечатляющих результатов, японцы получили новые энергии и новые инструменты. Однако по сути они остались точно такими же, какими были всегда: нацией жестоких и презирающих смерть (свою и чужую) воинов-самураев. Я обратил внимание на то, что в 2003 г., после японо-российского саммита, тогдашний премьер Японии Дзюньитиро Коидзуми по возвращении на родину посетил кладбище самураев, отдавших жизнь за Святую Японию, – среди них красуются почитаемые могилы вождей «милитаристской Японии», которых американская администрация в послевоенные годы причислила к лику «военных преступников». То, что безнадежно разделено у европейцев, у японцев слито воедино.

Сближение Москвы с Токио усиливает потенциальный евразийский блок: Японии жизненно важен доступ к энергоресурсам Дальнего Востока и Сибири, т. к. только это может сделать Японию полноценным геополитическим и экономическим гигантом в масштабе всего Тихоокеанского региона. Для России же особо привлекательны японские инвестиции, технологии, транспортные системы, способные реанимировать бескрайние азиатские земли России. Следует также учитывать, что с демографической точки зрения японцы – в отличие от китайцев – идеальные партнеры.

Русско-японское сближение укрепляет и развивает геополитический потенциал обеих держав, делает их более суверенными и самостоятельными в условиях прогрессирующей глобализации. Двигаясь в этом направлении, каждая из держав удваивает, если не утраивает, свой стратегический потенциал. Японии необходимо как раз то, чего у России в избытке, и наоборот. Вопрос же о Курилах перед лицом столь глобальных перспектив сотрудничества на самом деле непринципиален ни для той, ни для другой стороны.

При этом с формальной точки зрения у США нет никаких оснований для недовольства: что можно возразить против активного сближения двух демократических держав с рыночной

экономикой! Но по сути исподволь готовится база нового многополярного мира, существенно ограничивающего всевластие США, к которому они так стремятся.

Северная Корея – совершенно иной случай. Это по американским стандартам – страна-изгой, полюс в «оси зла», «рудимент прошлого». Решение Пхеньяна выйти из договора о нераспространении ядерных вооружений бросает американоцентричному миру уже не косвенный, а прямой вызов. Ясно, что маленькая Корея ничего не сможет противопоставить военному гиганту США, но брошенный вызов сам по себе имеет огромное символическое значение. Это тоже своеобразное «евразийство», только на сей раз экстремальное и совершенно неполиткорректное. Вместе с тем такая позиция Северной Кореи стратегически чрезвычайно выгодна России. Конечно, не напрямую, но косвенно.

Если Москве удастся успешно выступить в данной ситуации в роли посредника, она приобретет очень серьезный дополнительный вес в международной политике. Естественно, речь идет не просто о том, чтобы уговорить «ось зла» мирно сдаться американцам и отбросить мечты о «многополярности». Напротив, Москва должна найти внятные и вполне политкорректные термины для того, чтобы донести до Вашингтона истоки радикальных геополитических вспышек неповиновения, предложив со своей стороны «третий вариант» – свою собственную, евразийскую модель глобализации. Этот вариант в целом напрашивается сам собой – не один «глобальный мир» на всех, но несколько «глобальных миров»: американский, европейский, азиатский, евразийский, африканский и т. д. Страны-изгои – не просто фанатики-безумцы, они выражают в неприемлемой и экстремальной форме объективные возражения против глобализации по-американски. Такие возражения присутствуют практически у всех народов земли, включая и самих американцев, в значительной степени разделяющих изоляционистские проекты правого крыла республиканцев.

В нынешней внешнеполитической ситуации у России есть шанс вернуться в разряд великих держав, но только за счет исполнения функции глобального геополитического посредничества. Мы не можем быть более цитаделью Востока против Запада, но вполне можем быть глобальным евразийским полюсом, весами, уравнивающими цивилизационные противоположности – модернизм и традиции, технологическое развитие и сохранение культурной самобытности, рывок в будущее и верность истокам, взгляд на Восток и взгляд на Запад.

Если этот тонкий баланс будет освоен и взят на вооружение, акции России в международной политике стремительно возрастут. Глобализирующийся Запад воспринимает Восток как преграду, Восток воспринимает такой Запад как удачливого и мощного врага. Россия как Евразия понимает и тех, и других, и способна исторически выносить здравое, взвешенное и беспристрастное суждение. Объективность в вопросе глобальных геополитических и цивилизационных противоречий должна стать лучшим способом защиты наших российских национальных интересов.

Ничего себе Кунашир...

Действующий (с 2012 года) премьер-министр Японии Синдзо Абэ до этого уже возглавлял правительство – в 2006–2007 годах – и уже тогда запомнился тем, что начал всю перекаривать японскую внешнюю политику. Влиятельный американско-израильский аналитический центр «Стратфор», чьи прогнозы иногда бывают весьма точными, сразу же после первого назначения Абэ сделал предположение об основных направлениях новой политики Японии. «Стратфор» утверждал, что премьер Абэ постарается резко улучшить отношения с Китаем и с Кореей, которые при прежнем главе Дзюньитиро Коидзуми зашли в тупик. Но так как в политике обязательно нужны друзья и враги, «Стратфор» выдвинул предположение, что ухудшения следует ожидать на российско-японском фронте.

Россия как тогда, так и сейчас готова к обсуждению в формате предложения 1956 г. о передаче двух островов южнокурильской гряды – Шикотана и Хабомаи. Владимир Путин

называет это «сильной политикой». Правильно, тот, кто настаивает на своем, тот и выигрывает.

Министр иностранных дел в первом кабинете Абэ – Таро Асо (который впоследствии, в 2008–2009 г., сам стал премьер-министром, и первым из послевоенных глав правительства посетил Сахалин) – внезапно заявил, что Токио, который раньше также играл в сильную политику и требовал назад все четыре острова – Шикотан, Хабомаи, Итуруп и Кунашир – готов на компромисс и согласен на три острова – Шикотан и Хабомаи, которые Москва и так готова отдать, и в придачу только Кунашир. А вот Итуруп, мол, ладно, так и быть, пусть Россия берет себе. Правда, японский МИД немедленно опроверг высказывания своего главы, якобы тот высказал свое личное мнение, привел неудачный пример и был не так понят. Но так не бывает. Если нам предложили оставить Итуруп себе, значит, Итуруп теперь наш. Осталось только решить проблему с Кунаширом. Уже легче. Какой урок можно извлечь из этой истории семилетней давности?

России в высшей степени важно было бы заключить мирный договор с Японией. Точно так же это необходимо и Японии. Россия и Япония в начале XXI века – как два элемента паззла, идеально подходящих друг к другу. У нас – экономически отсталая Восточная Сибирь с гигантскими ресурсами, которую надо развивать, поднимать, защищать и, по сути, заново осваивать, но при этом не так много лишних средств и новых технологий. А у японцев – дикая нехватка природных ресурсов, отсюда застой в экономике, большой излишек средств, а высоких технологий просто некуда девать. И между столь желанными друг для друга берегами – четыре проклятых острова. Или (если бы предложению Таро Асо дали ход тогда или если вернуться к нему сейчас) только три. Итуруп нам отписали. А так как два мы и сами готовы отдать, то остается один маленький островок Кунашир. Решим его судьбу – и деньги и технологии польются рекой к нам, а газ и нефть – к ним.

Американцев хватит от такой картины сердечный приступ – именно этого они и боятся больше всего. Поднимется и Россия – их геополитический конкурент, и Япония – их экономический конкурент. Ось Москва – Токио – страшный сон атлантических стратегов. Ничего себе Кунашир... Судьбы мировой геополитики завязаны на этот маленький тихоокеанский остров.

Император-солнце обретает имя

6 сентября 2013 года наследному принцу Хисахито исполнилось 6 лет. Он третий в порядке наследования императорского престола Японии, после своего дяди – принца Нарухито – и своего отца принца Акисино. Не исключено, что когда-нибудь он займет Хризантемовый трон и продолжит династию, ведущую свой род от богини Аматаэрасу-омиками. До этого у императора Акихито были только внуки, а престолонаследие по японской традиции синто передается по мужской линии. Когда принц родился и получил свое сакральное имя, означающее «ясный и добродетельный», по всей Японии по этому случаю прошли грандиозные торжества.

Традиция императорской власти в Японии уходит в глубокую древность. Религия синто утверждает, что поскольку японские императоры происходят от богини Аматаэрасу, то и сами являются «богами во плоти». На этом было построено все японское общество. Правда, императорскую власть в средние века узурпировали представители самурайской знати – сегуны. Но императорский род сохранился, и почести ему оказывались, как и прежде.

В эпоху революции Мэйдзи в 1868 году императорская власть в Японии была восстановлена, и от феодальной раздробленности японцы снова перешли к абсолютной монархии. Однако значение фигуры императора для японцев не сводится к чистой политике. Император – это центр японского космоса, солнечный принцип. От него не ждут ни мудрого правления, ни социальной политики, ни экономических реформ. Задача императора просто быть, находиться в центре вещей, распространяя на народ и общество благодать своего божественного присутствия.

Верность императору является основой пути любого японца, того, что в Японии называется «до», кодексом жизненного поведения. Это касается не только традиционалистов, но и японской интеллигенции. Очень показательна история жизни и смерти одного из самых выдающихся японских писателей XX века Юкио Мисимы. Всю свою жизнь Мисима испытывал глубочайший интерес и почтение к самурайскому мироощущению, стараясь осмыслить и прочувствовать его философию. По своим политическим взглядам Мисима был монархист, сторонник традиционных ценностей, противник «мирной» конституции, по которой Япония не имела права иметь свою армию. В 1968 им была создана военизированная студенческая организация ультраправого толка «Татэ-но кай» – «Общество щита». Юкио Мисима был ее вождем и содержал на собственные средства. Под его руководством специальные инструкторы обучали молодых людей обращению с оружием, национальным видам борьбы, глубоко штудировали древнюю и новую самурайскую литературу.

Феномен Мисимы невозможно рассматривать иначе, как через призму последнего дня его жизни, когда он фактически сам срежиссировал собственное самоубийство в духе близкой ему самурайской традиции. Утром 25 ноября тысяча девятьсот семидесятого года, в день, когда Мисима закончил роман «Падение ангела», входивший в масштабную тетралогию «Море изобилия», он надел форму «Общества щита» и пристегнул к поясу старинный самурайский меч. Написал записку: «Человеческая жизнь не беспредельна, я же хочу жить вечно. Юкио Мисима».

Около 11 утра Мисима с маленькой группой соратников подъехали к штабу Восточного округа сил самообороны на токийской военной базе Итигая. В штабе о визите были предупреждены. Мисима, широко известный писатель, сторонник традиционных ценностей, был весьма уважаемым гостем, поэтому от него не потребовали, чтобы он отстегнул свое оружие. Адьютант проводил писателя к командующему округом генералу Кэнри Масите. Вооруженный мечом Мисима захватил генерала в заложники и объявил о факте консервативного государственного переворота, потребовав возврата к имперским традициям и провозгласив начало освободительной борьбы против американской оккупации. Он изложил военным свои требования – выстроить на плацу расквартированные рядом подразделения сил самообороны, а также отряды членов «Общества щита». Его ультиматум был принят.

В 11:38 прибыла полиция, рассыпавшаяся по зданию, но арестовывать мятежников пока не торопились. В это время с балкона штаба люди Мисимы разбрасывали листовки с его текстом, где он призывал силы самообороны взять в стране власть и потребовать пересмотра мирной конституции. Листовка заканчивалась словами: «Неужели вы цените только жизнь и позволили умереть духу?.. Мы покажем вам, что есть ценность большая, чем наша жизнь. Это не свобода и не демократия. Это Япония! Япония. Страна истории и традиций. Япония, которую мы любим».

Ровно в 12:00 Мисима появился на балконе, на его голове была белая повязка с красным кругом восходящего солнца, на белых перчатках – пятна крови. Мисима обратился к солдатам со словами: «...Сегодня японцы думают только о деньгах... Где же наш национальный дух?.. Вы должны восстать, чтобы защитить Японию. Японские традиции! Историю! Культуру! Императора!.. Вы же солдаты. Почему вы защищаете конституцию, отрицающую само ваше существование? Почему вы не проснетесь?..»

Он был освистан. Поняв, что призывы тщетны, Мисима трижды прокричал «Да здравствует император!» и вернулся в комнату. «Нам остается одно», – сказал он товарищам. Будучи опозоренным, самурай обязан умереть. В соответствии с самурайскими традициями он расстегнул мундир и заколол себя мечом.

Мисима, как всякий гений, опережал свое время. Но дух традиции не исчез в японском народе и сегодня. За внешним фасадом подражания Западу с его светской идеологией, двойным стандартом прав человека и гуманистической демагогией прячется верность древним законам и искренняя преданность императору. Вместе с малышом Хисахито,

маленьким солнцем, миллионы японцев терпеливо ждут возвращения заветного часа – возвращения к вере своих предков, к основам древней народной и аристократической культуры, к самурайскому кодексу бушидо.

История с императорским наследником показывает, насколько глубокими остаются до сих пор древние традиции даже в тех странах, которые, казалось бы, неизлечимо испорчены современной цивилизацией. И если уж в ультрасовременной Японии возможно всенародное чувство наречения имени императорскому внуку, то что говорить о других народах и странах...

Стоит подумывать о возврате к нашим собственным корням, к нашим собственным традициям и русским людям. Ведь царя на Руси мы всегда почитали не меньше, чем жители страны восходящего солнца.

Япония и права народов

Ежегодно 9 августа Япония и весь мир вспоминают печальную дату – годовщину сброса американцами ядерных бомб на японские города Хиросиму и Нагасаки. Все годы, прошедшие с момента этого страшного события, американцы не уставали твердить, что ядерная бомбардировка японских городов была стратегически оправданной. Однако непонятно только, почему японцы, подвергшиеся такой катастрофе, сохраняют лояльность к США и продолжают быть враждебны к России? Мирного договора между нашими странами так и нет...

9 августа 1945 года американский бомбардировщик Б-29 сбросил на Нагасаки вторую боевую атомную бомбу, в результате взрыва которой погибло сразу 40 000 человек и было ранено около 25 000. Это произошло через три дня после ядерной бомбардировки Хиросимы, где 6 августа 1945 года от взрыва погибло 66 000 человек, а около 70 000 получили тяжелые ранения и умерли некоторое время спустя. До настоящего времени несколько сотен тысяч человек официально считаются пострадавшими от последствий атомной бомбардировки двух городов. В официальную мотивацию США о ядерном ударе по японским городам особенно никто никогда не верил, разве что в самих США – мол, бомбардировка поставила точку в войне и заставила Японию капитулировать.

Каждая годовщина первой в истории ядерной бомбардировки, нынешняя не исключение, порождает новую лавину старых вопросов, и с каждым разом всплывают более реалистичные мотивы атомной экзекуции 45-го. Как утверждают многие историки, несмотря на столь показательную демонстрацию мощи, это не стало весомым аргументом для японских властей. Учитывая японский менталитет, для них более страшным скорее показалось бы приближение Красной армии, подтвердившей репутацию непобедимой и самой мощной на тот момент в мире. Это понимали и в Вашингтоне. Поэтому историки утверждают, что, опасаясь потерять и эту территорию, как они потеряли влияние на значительной части Европы, американцы спешно застолбили Японию двумя ядерными ударами, как бы присвоив себе лавры победы над агрессором. Тем более что как раз в эти дни в Потсдаме страны-победительницы во Второй мировой договаривались о послевоенном устройстве мира.

Кроме того, США, нанеся первый в истории человечества ядерный удар, продемонстрировали всему миру, кто заказывает музыку. Это дало Вашингтону определенное преимущество перед СССР, однако ненадолго. Началось изнурительное состязание ядерных арсеналов. Мир не успел оглянуться, как в клуб счастливых обладателей оружия массового уничтожения вошли Франция, Великобритания, Китай, Индия, Пакистан. За клубной дверью, как бы нелегально, исподтишка собственной бомбой обзавелись Израиль и Северная Корея. Казалось, эпоха дележа и пересмотра границ закончилась, однако новым оправданием стремления США к мировому господству стало магическое слово «нераспространение». Во имя этого Америка вторглась в Ирак, пытается повлиять на Пхеньян, который очень стремится попасть в закрытый клуб. Первым на мушке Иран,

который отверг предложения предоставить ему мирную ядерную технологию в обмен на прекращение собственных работ по обогащению урана.

В любом случае, ядерная бомбежка мирных городов была самым настоящим преступлением века. И стоит в одном ряду с ужасами Дахау и Освенцима или смертоносным духом ГУЛАГа. Невозможно осуждать страшные преступления одних и творить самим нечто подобное. Так постепенно стирается грань между добром и злом. Если совершенное американцами не признать преступлением против человечества и фактом геноцида японского народа, о праве судить государства и политические режимы за их преступления стоит забыть.

А в 1993 году генеральная Ассамблея ООН постановила ежегодно отмечать девятого августа день коренных народов мира. В России проживает около трехсот тысяч представителей коренных народов. К ним относятся ительмены, эвены, коряки, алеуты, чукчи, эскимосы, чуванцы, юкагиры, эвенки, ненцы, ламуты, вепсы, ижорцы и множество других народов. ООН обратила внимание на проблему этих народов, потому что они находятся сегодня в повышенной зоне риска.

Эти небольшие этносы продолжают до сей поры жить так же, как жили тысячелетиями их предки. Сохраняют неизменным древний уклад быта и стародавние обычаи. Они смогли сохраниться в эпоху колонизации и модернизации. Как правило, они обитают в глухих и труднодоступных местах – в сибирской тайге, в арктической тундре или в вечных снегах Чукотки. И там цивилизация их обходила. Но сегодня, в эпоху глобализации, над этими хрупкими островками давнего прошлого нависла серьезная угроза. Глобальная информационная система достигла и их, и совершенно очевидно, что прямой контакт с извращенной и пресыщенной современной цивилизацией, с псевдокультурой постмодерна и безграничного индивидуализма стремительно разрушит эти крохотные анклавные сопротивления, древней Традиции, последние крепости настоящего фундаментального консерватизма.

К коренным народам – аборигенам – принято относиться «свысока», как к детям, больным или недоразвитым. Отсюда несколько лицемерный пафос профессиональных защитников «прав человека» и привычные анекдоты про чукчу. Само же слово «абориген» звучит почти как «орангутанг». Но на самом деле оно образовано от латинского выражения *ab origine*, то есть «от истока». Аборигены – народы, которые живут на своей земле «от истока» мира, тщательно соблюдая правила и законы предков. В таком отношении к «коренным народам» проявляется все высокомерие так называемого «цивилизованного человечества», «развитого человечества».

Цивилизация несет в себе отказ от традиций, отрыв от собственных корней, забвение обычаев и культур, расставание с родной землей. Получается, что цивилизованные народы противопоставляются коренным народам, а значит, цивилизованные народы «не коренные». Этот неожиданный вывод напрашивается сам собой по мере размышления об этом странном празднике, введенным 12 лет назад Генеральной Ассамблеей ООН.

В том, что ООН хочет все же помочь коренным народам, защитить их, сохранить их самобытность, угадывается смутное подозрение – а может быть, именно эти народы и сохранили первозданные ценности в нетронутом виде? Может быть, их отношения к природе, друг к другу, к своим культам и своим жертвоприношениям является в чем-то более полноценным и гармоничным, чем истеричная фрагментарность современного технического человека.

Да, цивилизация дает комфорт и множество технических преимуществ. Но она постепенно разлагает душу человека, отрывает его от окружающего мира, погружает в оболочку искусственных эфемерных предметов, ситуаций, состояний... И жители современного мегаполиса тщетно пытаются воссоздать утраченное через красочные шоу, экстравагантные наряды, экзотические танцы...

Французский философ Жан-Жак Руссо говорил о «добром дикаре». На современном языке это означает, что «коренные народы» представляют собой более цельные, свежие и

живые типы и характеры, чем люди технотронной цивилизации.

Но, увы, возможность жить по законам предков этим народам дается ой как непросто. Сегодня мало кто помнит, что именно чукчи более всех остальных аборигенов северо-восточной Евразии сопротивлялись казацкому покорению Сибири, проявляя чудеса храбрости и воли, отказываясь платить Санкт-Петербургу ясачную дань. Этот народ сильных и храбрых воинов признал русскую власть одним из последних. Позже, кстати, чем чеченцы.

Глобализация грозит не только «коренным народам», но и всем остальным – если, конечно, они хотят сохранить и укрепить свою национальную самобытность. Каждая нация – даже очень большая – в истоке своем была когда-то этносом, племенем, а значит, имела корни. И когда вокруг нас активно создается единый космополитический мир, мы, русские, огромный народ, оказываемся в том же положении, что и крохотные этносы Евразии – эвены, коряки, алеуты, чукчи, эскимосы, чуванцы и юкагиры... В конце концов, мы тоже жили на наших землях испокон веков, у нас есть свои обычаи, свой язык, своя культура, своя традиция, свои обряды. Пока еще есть. Мало, но есть. А значит, в чем-то этот праздник и наш. Ведь мы тоже коренной народ. И теперь мы оказываемся в одной лодке, по одну сторону баррикад с малыми этносами. Россия не всегда была к ним справедлива и достаточно учтива. Многое можно поставить в вину государству. Но все же в целом в русском государстве большинство «коренных народов» Евразии выжило и сохранилось. Что, согласитесь, немало. И сейчас, в новых условиях, забота о них со стороны России – это категорический императив.

Каждый народ, как говорил немецкий философ Гердер, – это «мысль Бога». Если какой-то народ – даже самый маленький – исчезает с лица земли – что-то бесконечно важное пропадает во Вселенной. Что-то, что невозможно вернуть.